ВОСТОК 2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ о жизни Космонавта Два — Германа Титова: его учёбе в лётном училище, службе в авиационном полку, о тренировках первых космонавтов. Отдельная глава — описание полёта советского космического корабля «Восток-2».

На последней странице книги сказано, что это — «литературная запись специальных корреспондентов газеты „Правда“ С. Борзенко, Н. Денисова и журнала „Вестник Воздушного Флота“ Ф. Важина, М. Голышева, И. Шипилова.

Фотоиллюстрированное оформление Т. Мельника.

В книге использованы кадры киносъёмки, произведённой в космосе лётчиком-космонавтом СССР Г. Титовым, кадры из научно-документального кинофильма „Снова к звёздам“, снимки из альбома семьи Г. Титова, фотохроники ТАСС, В. Бабурина, В. Базанова, С. Коршунова, А. Ляпина, О. Лебедева, Г. Омельчука, А. Пахомова, А. Сергеева, А. Софийского, И. Снегирёва, А. Устинова, А. Шевича.

Редактор — Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Н. Каманин.»

- Г. Титов. 700.000 километров в космосе
  - Предисловие
  - * * *
  - Заветная мечта
  - Взлёт разрешаю
  - Родной полк
  - Становлюсь космонавтом
  - На орбите Юрий Гагарин
  - 25 часов в космосе
  - В зарубежной поездке

Г. Титов. 700.000 километров в космосе

Герман Степанович Титов
700.000 километров в космосе
Рассказ лётчика-космонавта СССР

Предисловие

Вслед за первым в мире полётом человека в космос, совершённым гражданином Советского Союза, коммунистом майором Юрием Алексеевичем Гагариным, второй шаг в просторы Вселенной сделал майор Герман Степанович Титов. 108 минут в первый раз и 25 часов 18 минут во второй раз советские люди пробыли в космическом пространстве, на огромной высоте, опоясали нашу планету орбитами космических кораблей «Восток» и «Восток-2». Юрий Гагарин и Герман Титов совершили бессмертные подвиги, и человечество с благодарностью будет вечно воздавать славу советским людям, проложившим первые трассы в безбрежном океане Вселенной.

После своего полёта Юрий Гагарин написал книгу «Дорога в космос». Эту книгу знают не только в нашей стране. Она переведена на иностранные языки и издана в ряде государств. Теперь написал книгу и Герман Титов — «700 000 километров в космосе». Так же, как и выступление Юрия Гагарина, эту книгу трудно переоценить. Она живой документ первого человека, побывавшего в космосе столь длительное время — больше суток! Его полёт, так же как и полёт Юрия Гагарина, был посвящён XXII съезду КПСС — съезду строителей коммунизма.

Жизнь лётчиков-космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова, жизнь их товарищей, посвятивших себя освоению космических далей, во многом схожа с жизнью многих тысяч и тысяч советских людей — покорителей целины, строителей заводов, домен, городов, с жизнью всей нашей молодёжи. Советский лётчик Герман Титов, бывший пионер, комсомолец, — ныне сын великой партии Ленина. Советский строй дал ему крылья, воспитал сильным и смелым, достойным эпохи строящегося коммунизма. В книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин одним штрихом нарисовал портрет своего друга Германа Титова: «Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее».

Полёт, который выпало совершить Космонавту Два — Герману Степановичу Титову, был необычайно сложным по своей длительности, по научным задачам. И лётчик-космонавт великолепно справился с заданием Родины. Точнее и ярче не скажешь о значении полёта Германа Титова, чем это сделал Никита Сергеевич Хрущёв в своей речи на Красной площади в Москве. «Полёт лётчика-космонавта товарища Титова на космическом корабле „Восток-2“, — говорил Н. С. Хрущёв, — представляет собой не просто очередное достижение советской

научно-технической мысли, не просто подвиг отваги и мужества советского человека. Этот факт несёт в себе огромное знаменательное содержание. В нём как бы сконцентрировались и мощь нашей первоклассной индустрии, и высшие достижения советской науки и техники, и благотворная жизненная сила советского строя, раскрывающего таланты и способности масс, дающего человеку подлинную свободу для созидательного труда и вдохновенного творчества».

Автор книги «700 000 километров в космосе» обстоятельно и интересно рассказывает о том, как он рос, воспитывался комсомолом и Коммунистической партией, как готовился к полёту в космос, как совершил его, что видел и ощущал, семнадцать с лишним раз облетев нашу планету на высоте более двухсот километров. Тепло и задушевно говорит космонавт о своих товарищах, командирах, учителях жизни. Герман Титов убедительно показал, насколько необходимыми оказались его навыки лётчика-истребителя как в подготовке к полёту, гак и в самом космическом рейсе.

На многих страницах своей книги Герман Титов с большой признательностью говорит о Главном Конструкторе космического корабля и Теоретике Космонавтики, о других советских учёных, инженерах и рабочих, создавших могучую ракетную технику, построивших замечательные космические корабли и оснастивших их всем необходимым для полётов людей в космос. Развитие советской ракетной промышленности, успехи нашей космонавтики он, как и его ближайший друг Юрий Гагарин, как все советские лётчики-космонавты, прежде всего связывает с огромной организаторской и творческой работой Первого секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущёва, справедливо называя его первооткрывателем космической эры.

С огромной верой в новые, замечательные достижения советской космонавтики, служащей делу мира, делу светлого коммунистического будущего всего человечества, Герман Титов заканчивает свою книгу словами Никиты Сергеевича Хрущёва о том, что «…Недалеко то время, когда космические корабли, управляемые человеком, проложат трассы к Луне, к планетам солнечной системы».

Яркую, хорошо написанную книгу Героя Советского Союза, лётчика-космонавта СССР Германа Степановича Титова с огромным интересом прочтут и советские люди, и зарубежные читатели.

Главный маршал авиации

К. ВЕРШИНИН

* * *

Читателям „Правды"

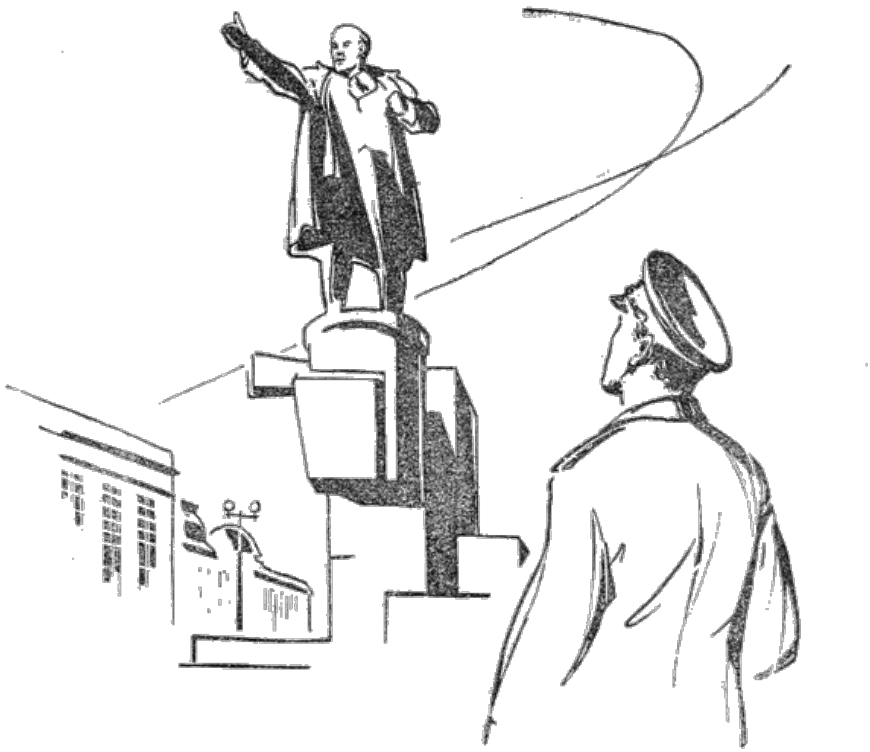
От всей души приветствую читателей „Правды" и в их лице весь советский народ с блестящей победой советского строя, нашей науки и техники.

Я рад, что партия и правительство оказали мне доверие продолжить и приумножить то, что сделано нашей Родиной в освоении космоса.

Сделано много, но предстоит сделать ещё больше!

майор Попович

Заветная мечта



Мы живём в неповторимое героическое время, и каждый советский человек стремится своим трудом прославить Родину. Стремление к подвигам во имя своей социалистической Отчизны — органическая потребность людей, воспитанных Коммунистической партией. С детства, прошедшего в суровом Алтайском крае среди колхозников — потомков мужественных сибирских партизан, меня восхищала и учила легендарная жизнь героев нашего народа.

Имена Василия Блюхера, Сергея Лазо, Степана Вострецова и многих других смелых борцов за Советскую власть в Сибири были близки и дороги нам с малых лет. Знали мы и тех, кто прославил себя в годы первых пятилеток, кто отстоял Родину в жестоких сражениях Великой Отечественной войны и кого многие народы Европы называют своими освободителями. И дела покорителей целинных алтайских земель были хорошо знакомы нам и трогали наши сердца. Со школьной скамьи наше поколение рвалось ко всему героическому, и каждый из нас, ещё не зная, где применит

свои силы, хотел своими делами прославить Родину.

С детства я любил технику, меня тянуло к ней всей душой. И когда появилась возможность пойти учиться в авиационное училище, я с радостью принял это предложение. Стану военным лётчиком, думал я, и подобно нашему прославленному земляку Александру Покрышкину, подобно тысячам других авиаторов буду охранять чистое небо Советской страны. Что скрывать, потребовалось немало энергии и труда, чтобы обрести крылья и научиться летать. Прежде чем стать лётчиком, пришлось много работать, учиться, тренироваться.

Я очень люблю своего отца, Степана Павловича, во многом он служил и служит для меня образцом волевого, целеустремлённого, много знающего и всё умеющего делать человека. Мой отец всю жизнь учился. Он привил мне уважение к своему поколению, а его поколение сделало многое: создало в стране первоклассную социалистическую индустрию, организовало колхозы, разгромило фашистскую Германию.

Как-то я спросил отца:

— Из какого источника ты черпал силы, будучи молодым?

Он достал с полки 33-й том Сочинений В. И. Ленина и показал мне страницу, на которой было написано:

«Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться…».

Это было сказано на века, для всех поколений, и, следуя ленинским заветам, я учился и, видимо, ещё много времени проведу за учебниками.

Когда я стал лётчиком-истребителем, появились новые мечты, новые устремления, новые желания. Захотелось ближе познакомиться с самой новейшей техникой — космической. Ведь в это время небо уже бороздили стремительные советские искусственные спутники Земли. Ракетный век требовал людей, которые могли бы летать значительно быстрей, выше и дальше, чем летали мы, рядовые лётчики реактивной авиации. Гигантские успехи советской науки и техники, за которыми мы неотрывно следили, натолкнули меня на мысль стать космонавтом. Для этого надо было изменить весь уклад жизни, овладеть новыми, обширными знаниями, подготовить себя физически и морально.

Все мои последние годы были подчинены этой цели. Мечта сбылась — ни здоровье, ни приобретённые мною знания не подвели: я был зачислен в группу космонавтов и ещё раз как бы начал жизнь сначала. Космонавты были людьми, сохранявшими пыл молодости, людьми не только настоящего, но и будущего.

Наша группа усиленно готовилась к первому полёту человека в космос. Мы все много занимались и проходили специальную

подготовку, приучая свой организм к неведомым, неземным явлениям. Нам надо было многое наверстать, нельзя было терять времени зря, нельзя было транжирить ни одного дня. Мы вошли в новый, неведомый нам до того времени интересный мир, познакомились с выдающимися людьми нашей эпохи — учёными, конструкторами и инженерами — творцами советских космических кораблей и организаторами космических полётов.

Никогда не забыть нам первую встречу с Главным Конструктором — человеком огромной воли и больших знаний. Он показал нам космический корабль — творение разума многих коллективов учёных, созданный выдающимся гением и трудом нашего народа. Каждое слово этого замечательного человека обогащало нас новыми знаниями, расширяло наш умственный кругозор.

Когда настало время полёта космического корабля «Восток» с человеком на борту и нужно было определить, кто первым отправится в просторы Вселенной, выбор пал на двоих — на моего друга Юрия Гагарина и на меня. Нас обоих хорошо подготовили к этому полёту. Я был дублем Юрия Гагарина и, приняв, как говорят у нас в авиации, готовность номер один, находился на космодроме до тех пор, пока корабль «Восток» не взлетел и не вышел на космическую орбиту. Это произошло утром памятного для всего человечества 12 апреля 1961 года.

Многое пришлось пережить за эти минуты. Я был потрясён выдержкой и самообладанием Юрия Гагарина, восхищён красотой ракеты, борющейся в момент старта с силой земного тяготения и взмывающей в дальние просторы, куда не достигает человеческий взгляд. Мы, космонавты, оставшиеся на Земле, переживали в это время, наверное, больше, чем наш друг Юрий, с колоссальной скоростью несущийся по орбите. Такова сила дружбы и крепость уз войскового товарищества.

Полёт Юрия Гагарина раскрыл многие тайны природы, неизвестное стало известным. Выяснилось главное — человек может жить и работать в космосе. То, что сделал Юрий Гагарин, следовало развить, приумножить, двинуть вперёд. Человеческая жизнь в космосе подпадала под влияние неведомых законов, которые надо было изучить. Когда Юрий Гагарин возвратился из своего легендарного рейса вокруг Земли и советский народ чествовал его на Красной площади в Москве, Никита Сергеевич Хрущёв сказал, что полёт космического корабля «Восток» — это закономерное следствие гигантской научной и технической работы, которая проводится в нашей стране по овладению космическим пространством. «Мы будем продолжать эту работу и впредь, — говорил Н. С. Хрущёв. — Всё новые и новые советские

люди по неизведанным маршрутам полетят в космос, будут изучать его, раскрывать и дальше тайны природы и ставить их на службу человеку, его благосостоянию, на службу миру».

Советские учёные усовершенствовали космический корабль, приспособив его для более длительного рейса. Второй полёт человека в космос должен был продолжаться целые сутки. Для этого космическому кораблю «Восток-2» надо было сделать 17 витков вокруг земного шара и пройти расстояние, равное расстоянию от Земли до Луны и обратно — свыше 700 000 километров! Выполнить этот новый космический полёт поручили мне, и я сразу же после возвращения на Землю Юрия Гагарина начал готовиться к нему. Вместе со мной готовился и мой друг Космонавт Три — человек удивительного хладнокровия, железной выдержки, мужественной решимости. Нет сомнения, что во время своего полёта он намного приумножит то, что сделали мы с Юрием Гагариным в первых рейсах в просторы Вселенной.

Полёт «Востока-2», командиром которого было доверено стать мне, простому советскому человеку, совершён 6—7 августа 1961 года. Как и было намечено, он продолжался свыше суток — 25 часов 18 минут. В течение этого времени космический корабль более семнадцати раз облетел нашу планету и приземлился точно в заданном районе Советского Союза. Теперь этот полёт стал уже историей, одной из страниц славной летописи освоения космического пространства героическим народом нашей великой Родины, для блага которой мы, лётчики-космонавты, готовы отдать все силы, всю жизнь. Когда остаёшься один на один с собою, невольно задаёшь себе вопрос: что же главное в этом событии, что наиболее сильно взволновало, задев самое сокровенное?

Конечно, поводов для волнений было немало. Взлёт ракеты-носителя и связанные с ним перегрузки от ускорения, вибрационные, звуковые и другие явления, 25-часовое состояние невесомости в кабине космического корабля, переход на ручное управление этим чудом современной техники, вхождение корабля в плотные слои атмосферы, когда от огромного аэродинамического нагрева ярко светится воздух, окружающий корабль, а его теплозащитная оболочка работает с большой нагрузкой, да и сама посадка на Землю, для которой нужна исключительная точность действий, мгновенная реакция, готовность встретить любую неожиданность, — всё это заставило поволноваться и многое пережить.

Вновь и вновь вспоминаю различные этапы полёта, критически оцениваю своё поведение и действия и, кажется, могу

сказать: задание выполнялось спокойно и уверенно. И всё же был момент, когда сердце забилось особенно сильно: на борт космического корабля пришло приветствие Никиты Сергеевича Хрущёва.

Уже на нашей советской земле, сразу после приземления, мне довелось по телефону докладывать товарищу Н. С. Хрущёву о результатах полёта. С радостью доложил я Никите Сергеевичу о выполнении задания. Это был рапорт народу, партии.

Никита Сергеевич задал мне несколько вопросов, шутя сравнил моё возвращение из космоса с возвращением со свадебного бала, назвав полёт счастливой порой для человечества. Потом я сообщил, сколько времени длился полёт, сколько витков вокруг земного шара сделано. И тут я услышал то, от чего взволновался до слёз. «Вы теперь уже не кандидат в члены партии, — сказал Н. С. Хрущёв. — Считайте, что ваш кандидатский стаж уже истёк. Потому что каждая минута вашего пребывания в космосе может засчитываться за годы. Вы свой кандидатский стаж в члены партии уже прошли и показали, что вы — настоящий коммунист и можете высоко держать знамя Ленина!»

Разговор окончен, а я всё держу в руках телефонную трубку, пытаясь осмыслить услышанное. Я всегда чувствовал себя кровно связанным с партией неразрывными узами и уже носил у сердца карточку кандидата в члены КПСС. Вся жизнь казалась мне подготовкой к тому величайшему событию, когда партия назовёт меня своим сыном. Но одно дело готовиться к вступлению в единый строй коммунистов, считая себя всё ещё недостойным идеала, который складывался годами, для которого отбиралось всё лучшее у знакомых мне партийных людей старшего поколения, от тех, кто оставил светлые следы в памяти за все годы сознательной жизни.

Много лет я был комсомольцем и всегда считал, что повзрослею, познаю науки, проверю себя в делах, — непременно буду коммунистом. И вдруг теперь, в первые минуты возвращения из космического полёта, услышать от Первого секретаря Центрального Комитета нашей партии о том, что ты теперь полноправный член славной Коммунистической партии, созданной великим Лениным! Сбылась заветная мечта моя.

Коммунист! Это слово вошло в моё сознание с детства, имело прямую связь с другим — коммунар. Звание коммунара носили мои деды, мой отец, и оно было родным и близким в нашей семье. В ранние годы детства я много слышал о первых коммунарах.

Селом коммунаров зовётся родной посёлок, где мне довелось

сделать свои первые шаги по земле. Партизаны гражданской войны, беднота, в сердцах которой зажглись ленинские идеи о коллективном труде, среди сибирской тайги на голом месте основали коммуну в далёкие двадцатые годы. Оба деда мои, и Михаил Алексеевич Носов, и Павел Иванович Титов, были в числе тех, кто прокладывал первые борозды на общественном поле, кто складывал первые венцы срубов коммунарских домов.

Память воскрешает одну из страничек далёкого детства. Мы сидим с отцом под густыми ветвями дерева, прислушиваясь к шуму ветра в кронах сосен. Отец, покусывая зелёную травинку, не спеша, ведёт рассказ о далёких и ещё непонятных мне тогда двадцатых годах. Перебивая его неторопливую речь, я задаю вопросы:

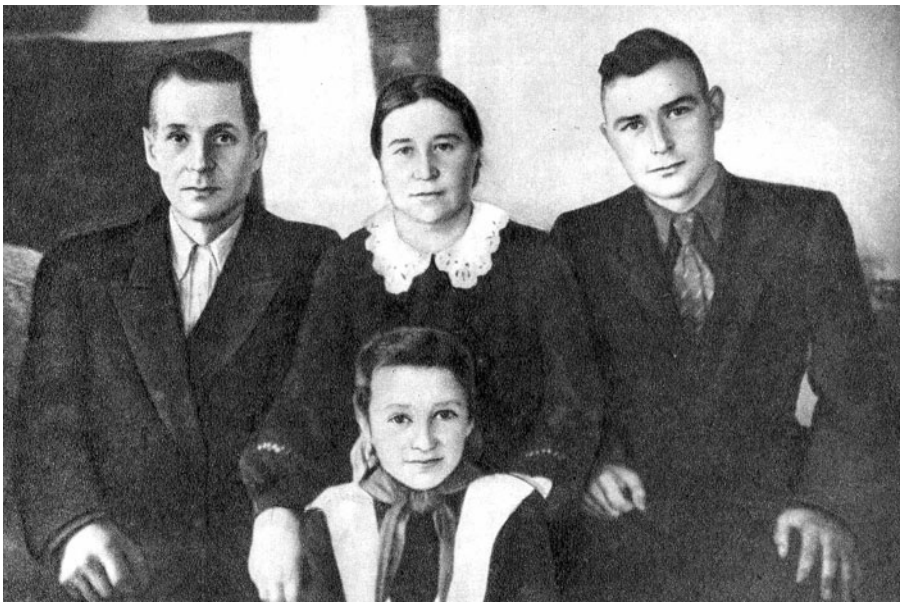
— Папа, а что такое кулак? А кто такой нэпман?

Отец удивлённо посматривает на меня, будто видит впервые, и говорит о том, как зарождалась новая жизнь в этих краях. По крупицам я узнаю историю родного села.

Ни всполохи бандитских выстрелов, ни кулацкие угрозы не сломили боевого духа коммунаров: коммуна крепла год от года, завоёвывая на свою сторону всё большее число тружеников земли, их сердца и умы. Бывшие бедняки сломили не только кулаков, они взорвали вековые устои старой деревни, утвердив в ней новую жизнь, новую мораль.

«Майское утро» — так назвали коммунары своё детище. Это действительно было утром новой эры, зарёй восходящего солнца для трудовых людей. Она пришла, новая жизнь, до краёв наполненная трудом, радостью свершений. Мой отец, сын бедняка, внук и правнук бедняка, обречённый при капитализме на беспросветную кабалу, нищету и лишения, здесь, в коммуне, распрямил плечи, уверенно пошёл по пути, открытому Великим Октябрём. Он стал учителем, образованным человеком. Великая партия коммунистов вывела его и ему подобных, как и весь трудовой народ, на светлую дорогу новой жизни.

На родине Германа Титова. Колхоз «Майское утро», Косихинского района, Алтайского края.



Семья Г. С. Титова: отец Степан Павлович, мать Александра Михайловна, Герман и его сестра Земфира.

Дом родителей Германа Титова в селе Полковниково.

Детский ум не мог во всей полноте понять трагический смысл нового слова, которое грозно повисло над селом в июне 1941 года, — война! Люди ходили взволнованные, встревоженные, в домах нет-нет да и раздавался надрывный плач женщин. Но не было растерянности и безнадёжного уныния, народ стал деловитее, суровее, строже. Вместе с матерью ходил и я на полевые работы, помогал в меру своих сил в хозяйстве.

Партия в годину смертельной опасности, угрожавшей нашей Родине, организовала и вдохновила народ на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Впрочем, до детского сознания это дошло позднее, когда, повзрослев, я стал глубже осмысливать события. Одно только запомнилось из времён войны: коммунисты первыми надевали заплечные солдатские мешки и уходили на фронт.

Проходили школьные годы, полные радостей познания, успехов и тревог, детских забав и, чего греха таить, проказ. Но вот старшие из нас, как-то сразу повзрослев, стали вступать в ряды Ленинского комсомола. С каким нетерпением каждый из нас считал месяцы, недели, дни, оставшиеся до возраста, с которого принимают в комсомол! С юношеским жаром изучается Устав ВЛКСМ. Подтягиваются «хвосты» в учёбе, старательнее относишься к работе. Наконец настаёт день первого большого праздника юности. Держу в руке комсомольский билет! Наверное, с этого дня каждый начинает чувствовать себя взрослым.

Ленинский завет о том, что главная задача молодёжи — учиться, учиться и учиться, стал боевым знаменем для меня и моих сверстников. Партия зовёт юношей учиться самому высокому и благородному на земле — коммунизму!

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Титову Герману Степановичу родившемуся вс. Косиха Косихинского р-на Алтайского края 1935 года, в том, что он, поступив в 1950 году в Налобихинскую среднюю школу № Косихинского р-на Алтайского края, окончил полный курс этой школы и обнаружил при отличном поведении следующие знания по предметам:

Русский язык	5 (пять)	Всеобщая история	4 (четыре)
Литература	5 (пять)	Конституция СССР	5 (пять)
Алгебра	5 (пять)	География	4 (четыре)
Геометрия	5 (пять)	Физика	5 (пять)
Тригонометрия	5 (пять)	Астрономия	4 (четыре)
Естествознание	4 (четыре)	Химия	5 (пять)
История СССР	4 (четыре)	Иностранный язык	5 (пять)

Настоящий аттестат дает его владельцу право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР.

Директор школы

Выдан 21 июня 1953 г.
с. Налобиха Косихинского р-на Алтайского края

Заместитель директора по учебной части

Учителя:

№ 902792

Москва. Гознак. 1953.

Аттестат зрелости Германа Титова.

Что означало и означает это для меня? Прежде всего честное отношение к окружающему, умение верно, с пользой расходовать свои силы и энергию. Учиться — значит не только получать в школе «пятёрки», хотя это тоже очень существенный показатель. У тебя должны с каждым днём всё более возрастать требования к своим гражданским обязанностям по отношению к Родине, к народу.

В нашем сознании постепенно складывался образ коммуниста — передового, кристально чистого человека, вожака масс. Мы чувствовали влияние коммунистов на каждом шагу. Беря с них пример, мы, комсомольцы, старались не уронить звания юного ленинца: в школе овладевали основами наук, пристрастились к технике, старались помочь колхозу. Кружки, работа на автомашине, самодеятельность, спорт — этим была заполнена жизнь.

И вот — авиационная школа. Говорят, лётчиком становится тот, кто с детства бредит полётами, кто мечтает о них, едва увидев парящего орла. Не знаю, может быть, у многих с этого и начался путь в авиацию, но у меня он сложился куда проще.

Передо мной, как и перед всеми советскими юношами, было много дорог. Каждая профессия у нас почётна и по-своему интересна. Я избрал профессию лётчика. Пожалуй, большую роль здесь сыграли мои встречи и беседы с дядей А. М. Носовым — опытным лётчиком-истребителем, участником Великой Отечественной войны.

— Хорошенько подумай, прежде чем принять решение, — не раз говорил он мне.

В авиации в те годы, как и ныне, происходил бурный прогресс. Реактивные самолёты пришли на смену машинам с поршневыми двигателями. Лётчики штурмовали звуковой барьер, появились машины, способные подниматься на большие высоты, преодолевать тысячекилометровые расстояния. Самые дерзновенные мечты претворялись в жизнь.

Многим, очень многим обязан я тем, кто научил меня в школе основам лётного мастерства, кто вывез меня в кабине учебной «спарки» в первые полёты, кто терпеливо, настойчиво и заботливо день за днём растил из меня лётчика. Очень благодарен я им за их труд. Вспоминаю своих учителей и вновь ощущаю тепло их отеческих рук. Лучшие из них были коммунистами. Это они, рядовые партии, воспитывающие авиационную молодёжь, честно выполняли свой долг. Им мы обязаны всем, что приобрели как офицеры лётчики-истребители.

Вспоминаются годы, проведённые в прославленном

гвардейском полку. Ведь там началась моя самостоятельная жизнь. Тогда я был комсомольцем. И надо прямо сказать, коллектив гвардейского полка оказал большое влияние на воспитание многих моих качеств, необходимых коммунисту.

С первых дней нас познакомили со славной историей полка, его боевыми традициями. Нам рассказали о Героях Советского Союза, воспитанниках части. Мы, молодые офицеры, стремились быть достойными их славных имён и старались высоко держать честь гвардейского знамени.

Служить мне посчастливилось в одном из гарнизонов Ленинградского военного округа. С какой радостью приезжал я в выходные дни в Ленинград, где всё напоминало о Владимире Ильиче Ленине! Казалось, я заново переживал читанное и слышанное о славном городе, колыбели революции, о великом её вожде. Финляндский вокзал, Смольный, крейсер «Аврора», Нева… Всё это такое родное, близкое сердцу!

Ленин! С тех пор, как помню себя, образ этого великого человека всё время был со мной. Мне о нём рассказывали отец, мать, о нём я прочёл первые строки в букваре. Ленин и его соратники по борьбе, старые большевики, те, кто вёл народ на штурм царизма, кто отстаивал Советскую власть, навсегда стали для меня образцом в жизни. Кажется, нет в Ленинграде ни одного исторического места, связанного с именем В. И. Ленина, где бы я не побывал в то время.

Коллектив части нас встретил радушно и принял в свою семью. Нашими наставниками и воспитателями оказались опытные, первоклассные лётчики-коммунисты Николай Степанович Подосинов, Степан Илларионович Шулятников, Николай Евграфович Степченков, Александр Харченко, Вячеслав Петровский. Они настойчиво и любовно передавали нам свой опыт, своё лётное мастерство, заботились, чтобы люди, служившие под их началом, поменьше делали ошибок.

Партийную организацию в то время возглавлял опытный коммунист Николай Михайлович Пивоваров. У него мы, комсомольцы, научились многому. Коммунисты доводили до нашего сознания идеи марксизма-ленинизма, воспитывали коммунистическое отношение к труду.

В части нам пришлось обучаться полётам на новом для нас типе реактивного самолёта. Сначала нужно было изучить теорию и конструкцию самолёта. Мы горели желанием летать, поскорее подняться в небо и старались поглубже одолеть теорию. Быстро пролетали недели. Вскоре мы приступили к полётам. Летали регулярно, несмотря на капризы погоды.

Комсомольская организация полка вовлекла нас в

общественную работу. Меня назначили руководителем группы политзанятий. Я был рад оказанному доверию и старался его оправдать, изучал произведения классиков марксизма-ленинизма, следил за новинками художественной литературы, за периодической печатью, за событиями в нашей стране и за рубежом.

Солдаты с каждым днём проявляли всё больший интерес к политическим занятиям. В меру своих сил я старался добросовестно выполнить порученное дело. Были трудности, осложнения. Тем приятнее было услышать, когда группа на инспекторской проверке получила отличную оценку. Я, как молодой пропагандист, испытывал большую радость. Однако, когда Ленинградский обком комсомола наградил меня почётными грамотами, я не думал, что мой скромный труд будет оценён так высоко.

День ото дня совершенствовалось наше лётное мастерство. Мы уже вели одиночные и групповые воздушные бои, летали в сложных метеорологических условиях, летали не только днём, но и ночью. По оценке командиров, с полётами дела шли хорошо.

Как-то мы, лётная молодёжь полка, собрались все вместе. К нам зашёл офицер Н. В. Поташев, член партийного бюро полка.

— Ко мне обратились два молодых лётчика, — сказал он. — Они спрашивают, можно ли им вступить в партию? Что ж, давайте побеседуем о том, как надо готовить себя к этому великому шагу в жизни. Есть желание?

— Есть, есть! — раздались голоса.

Н. В. Поташев стал рассказывать нам о той роли, которую играют коммунисты в жизни воинской части. Кое-что нам уже было известно, но о многом мы узнали впервые.

Потом Поташев поговорил отдельно с каждым из нас.

— Вот вы, товарищ Титов, — обратился он ко мне. — Летаете хорошо, активно участвуете в комсомольской работе. Но подумайте как следует, что вам нужно сделать, чтобы стать ещё ближе к партии.

Пора подумать! Да, я много думал о высокой чести быть членом славной Коммунистической партии, организатором и вождём которой был великий Ленин. Ведь членами её должны быть кристально чистые люди, имеющие заслуги перед народом, Родиной. А я был всего-навсего молодым лётчиком.

— Рановато ещё, — сказал я себе. — Вот когда окрепну, стану военным лётчиком более высокого класса, тогда можно говорить о вступлении в партию.

Ещё ревностнее я стал осваивать программу полётов. Однажды меня спросили:

— Хотите стать космонавтом?

Этот вопрос я услышал после того, как в нашей стране были запущены первые искусственные спутники Земли, когда мы, лётчики-истребители, провели много жарких споров о том, каким счастливчикам представится возможность открывать тайны далёких миров, прокладывать дороги в космос. Каждый из нас считал за великую честь быть в рядах этих людей. Вот почему я без колебаний ответил:

— Да, хочу.

Профессия лётчика, на мой взгляд, лучше других готовит человека к космическим полётам. Если сравнить реактивный самолёт с космическим кораблём, то можно найти в них много общего. И самолёт, и корабль сложны по устройству, а полёты на них требуют от лётчика глубоких специальных знаний техники и прочных навыков обращения с нею. Управляя самолётом, лётчик привыкает к большим скоростям, перегрузкам, получает навыки ориентировки в пространстве по приборам. У него вырабатывается быстрота реакции, точность действий, сообразительность.

Качества, которые требует от лётчика космический полёт, закладываются в авиации.

Началась длительная и всесторонняя подготовка к космическим полётам. Учёные, конструкторы, все окружающие нас советские люди заботливо готовили нас к этому. Партия, народ оказали нам большое доверие, и оно обязывало ко многому.

В апреле 1961 года меня приняли кандидатом в члены КПСС. В апреле мой друг Юрий Алексеевич Гагарин взял старт первого в истории человечества полёта в космос и успешно осуществил его. Вместе с москвичами, со всем советским народом мы, космонавты, торжественно встретили его на Красной площади. Здесь бьётся сердце Советской державы, отсюда на весь земной шар звучат куранты нового мира — мира коммунизма. 14 апреля 1961 года на Красной площади не только Советский Союз, не только народы-братья — все люди земли — незримо стояли у седых стен Кремля в волнующие минуты встречи с первым советским космонавтом.

В августе пришла моя очередь совершить второй полёт человека в космос. Незадолго перед полётом я прочитал проект новой Программы КПСС, которую утвердит XXII съезд партии. Читал и вдумывался в смысл каждой строки этого исторического документа, в котором партия торжественно провозглашает коммунистическое строительство в СССР великой интернациональной задачей советского народа, отвечающей

интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества. «Коммунизм, — говорится в проекте Программы, — выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье всех народов».

Человек создан для счастья, как птица для полёта, но человек далеко превзошёл птицу в полёте. Он летает на сверхзвуковых самолётах, на космических кораблях. Человек не только создан для счастья, но и создаёт это счастье. Программа партии — это итог раздумий всех коммунистов, когда каждый, как бы посоветовавшись сам с собой, сказал: таким путём мы будем идти и бороться за достижение цели, так мы будем строить коммунистическое общество!

В великом плане, рассчитанном на двадцать лет, партия наметила тщательно взвешенные и мудро обдуманные дела. Третья Программа партии, как могучая, многоступенчатая ракета, выводит наш народ на орбиту коммунизма с той же точностью, с какой были выведены на космическую орбиту корабли «Восток» и «Восток-2». Сбудется то сокровенное, за что бились, о чём мечтали наши деды и отцы. Коммунизм — утро человечества — не за горами. Мы построим его.

До глубины души взволновала меня та часть проекта Программы, в которой говорится об освоении космоса. Нам, сынам партии, штурмовать звёздное небо, вести туда космические корабли, построенные гением советского народа, волею партии.

Великая честь выпала мне — совершить полёт на космическом корабле «Восток-2». Я рад, что сумел выполнить полёт, что у меня хватило сил и умения осуществить намеченное задание. Теперь, когда мой скромный труд так высоко оценён Коммунистической партией и Советским правительством и Центральный Комитет принял меня в члены партии, я безгранично рад этому высокому доверию.

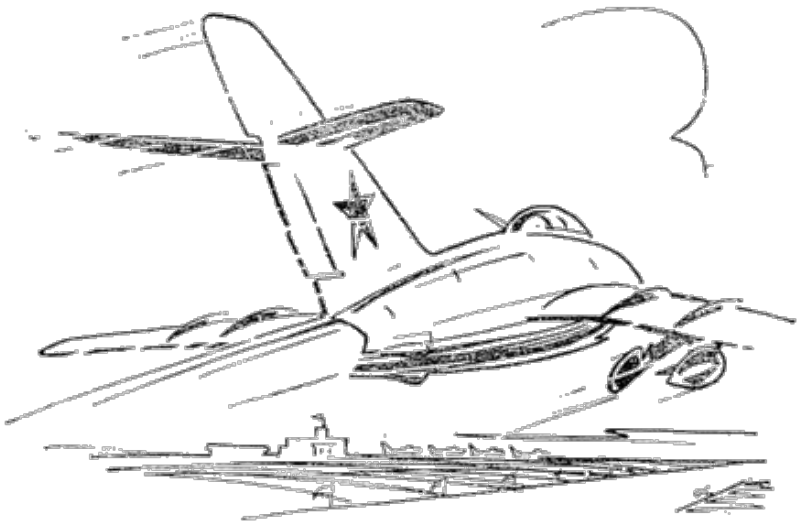
Недавно мне был вручён партийный билет, и я пережил очень волнующие минуты. Вот я держу в руках заветную красную книжечку — самый драгоценный документ для советского человека — партийный билет. С волнением вчитываюсь в его номер — 09753678, повторяю его, чтобы запомнить однажды на всю жизнь. № 09753678! В монолитных рядах Коммунистической партии Советского Союза около десяти миллионов бойцов, огромная армия разведчиков коммунизма, спаянных единством целей и задач, готовых выполнить любое задание во имя общей победы. Почти десять миллионов! Когда великий стратег

революции Владимир Ильич Ленин закладывал основы нашей партии, в ней были лишь десятки и сотни людей. На партию царизм обрушивал жестокие репрессии, заточал коммунистов в тюрьмы, душил каторгой. И всё же партия выстояла, пронесла в чистоте своё красное знамя через все испытания, подняла народ на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, на строительство социализма и коммунизма. Сотни её бойцов превращались в тысячи, а теперь в миллионы и миллионы. Вот что такое наша ленинская партия, вот что поведал лишь один номер моего партийного билета! И от всего сердца сами собой вылились слова:

— Хочу заверить Центральный Комитет, всех вас, товарищи, что буду настоящим коммунистом, приложу все силы, чтобы выполнить любое задание. Поверьте: краснеть вам за меня не придётся. Это очень здорово, что именно нам, коммунистам, история нарекла прокладывать новые дороги в космос. Об этом говорится и в проекте Программы партии.

Главный итог пройденного пути — осуществление заветной мечты — родная партия приняла меня в свои всегда сомкнутые, железные ряды. Нет на Земле ничего превыше звания коммуниста, нет более почётного места, чем быть в едином строю, идти плечом к плечу в многомиллионном отряде первооткрывателей коммунизма!

Взлёт разрешаю



…Мерно стучат колёса поезда, за окном вагона плывёт бескрайняя Кустанайская степь. Мы смотрим вдаль, подставив лица тугому потоку ветра, неторопливо ведём разговор о том, что ожидает нас в школе первоначального обучения лётчиков. Мой спутник то и дело приглаживает непокорные волосы: их треплет резкий ветер.

— Восемь лет, как война кончилась, — говорит он, — где были развалины — новые города построили. А в Кустанае войной-то и не пахло. Наверняка наша школа хорошо устроена.

Приятель замолкает, припоминая что-то, ещё раз поправляет непослушные волосы и продолжает:

— Знаешь, Герман, о чём я думаю? Вот мы едем в школу, будем лётчиками…

Может быть, борясь со своими сомнениями, а может, заметив искорки неуверенности в моём взгляде, приятель горячо продолжал:

— Будем, непременно будем. И на реактивных полетаем. Это здорово. Что наши творили на параде в Тушине! Не просто летали, а уже выполняли групповой пилотаж.

Вот так, в разговорах, полные надежд, приехали мы, вчерашние десятиклассники, в авиашколу. И здесь нас ожидало первое испытание. Одели нас в солдатское обмундирование, отчего мы сразу вдруг стали похожи друг на друга, потом построили, и командир подразделения объявил:

— Товарищи курсанты! Вам пока придётся жить на новом месте. Будем рыть землянки, разместимся в них, а там видно будет…

Он говорил о трудностях походно-боевой жизни, к которым должен быть привычен военный лётчик; о том, что в борьбе с этими трудностями закаляются характеры. И только теперь до моего сознания дошла мысль о том, что о полётах пока речи и быть не может, что первая задача — копать землянки.

Мой приятель по вагону стоял рядом. Мы обменялись удивлёнными взглядами, и я заметил, как он сразу сник, помрачнел.

Что ж? Копать землю так копать. В руках обыкновенная лопата, и я с трудом вгоняю её в спрессованный веками степной чернозём, поддеваю иссиня-чёрный, спечённый солнцем пласт и швыряю подальше от границы будущей землянки. К работе я привык дома, помогая матери и отцу по хозяйству, но всё же к вечеру усталость сильно давала себя знать. Отяжелели руки, ныла спина, наливались свинцом ноги.

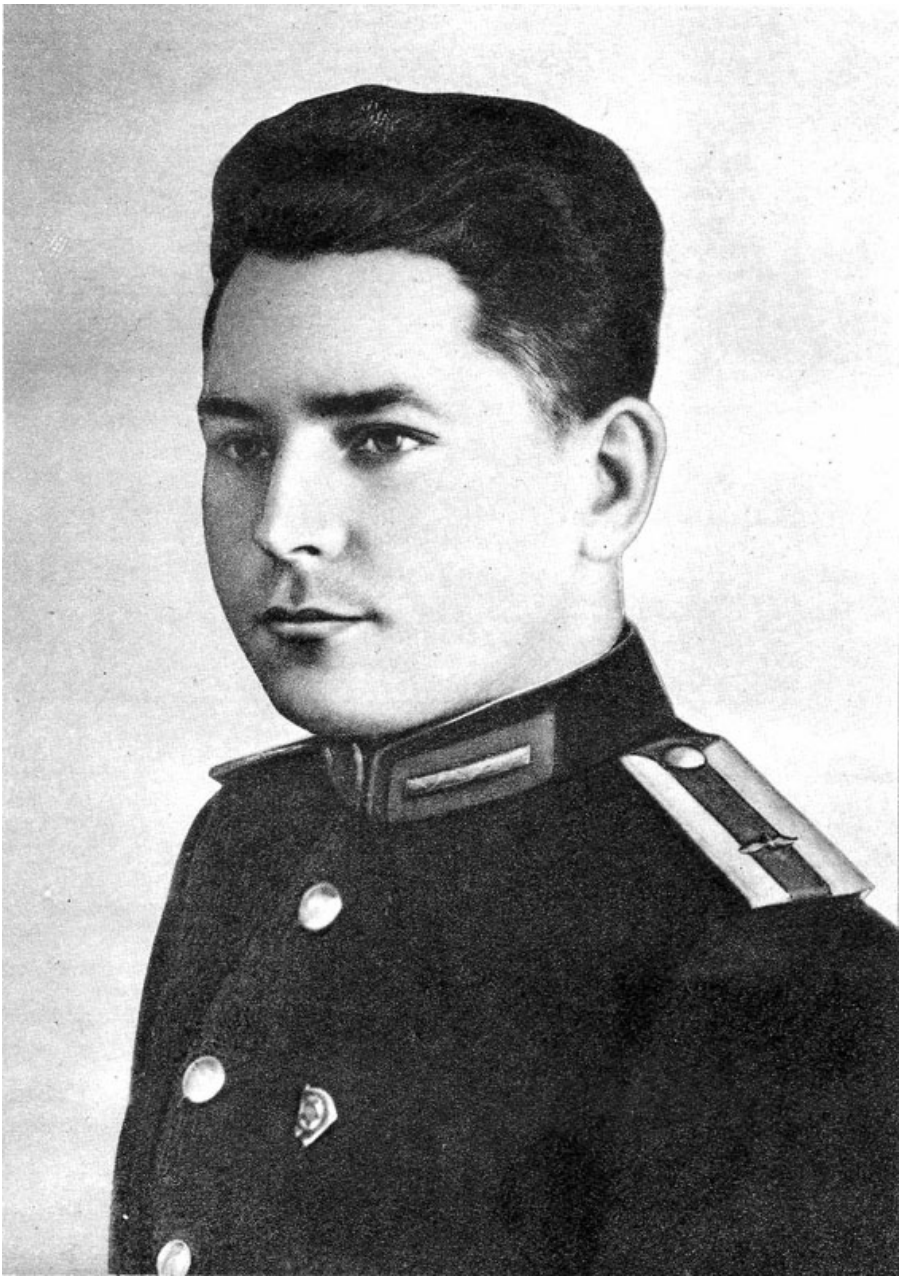
И так день, другой, десятый…

— Приехали летать, а тут — землю копать, — хмуро ворчал сосед. С каждым днём он становился всё тревожнее, потом, сказавшись больным, не вышел на работу, а вечером, вдруг повеселев, объявил: — Знаешь, Герман, меня отчисляют. По здоровью…

У нас состоялось комсомольское собрание, и мы крепко ругали тех, кто становился нытиком.

А в землянках жилось не так уж плохо. Вечерами было даже интересно. Мы представляли себе, как в таких же землянках жили комсомольцы, строители Комсомольска-на-Амуре, или партизаны соединения легендарного Сидора Ковпака, или лётчики на фронтовых аэродромах в годы Великой Отечественной войны.

С радостью, как к большому празднику, мы готовились к началу учёбы. И она началась. Новое дело показалось интересным. Курс теории давался мне без особых усилий. Много нового, вернее, всё, что я слышал, было для меня новым. А новое уже само по себе увлекает.



Герман Титов — курсант авиационного училища

Незаметно пришла зима, выбелив степь, наметая метровые сугробы у дверей землянок.

В учёбе чем дальше, тем интереснее, хотя и сложнее, а

значит, труднее. Начались занятия по изучению авиационной техники, материальной части самолёта и двигателя. Самолёт «ЯК-18», который предстояло изучить, показался очень сложным. Но когда занят работой, быстро бегут не только дни, остаются позади и трудности.

Весной мы сдавали зачёты. В письмах к отцу я рассказывал о своих товарищах и инструкторах, о том, как идут дела.

Невысокого роста, крепко сбитый, широкий в плечах, с открытым лицом желтоватого цвета, как у монгола, — таким был мой лётчик-инструктор Гонышев. Позднее я узнал причину этой желтизны: Гонышев много курил, буквально через каждые пять минут доставал новую папиросу и ходил, сопровождаемый синим дымным шлейфом. «Зачем он себя душит табачищем?» — недоумённо спрашивал я сам себя и не находил ответа. Попробовал сам закурить. Горько, противно — не понравилось.

Ещё на земле, задолго до первых вылетов, мы как бы изучали друг друга. Инструктор приглядывался к нам, мы — к нему. Кажется, мы остались довольны друг другом. Это был человек такта, умеющий разбираться в людях.

Мне было известно, что Гонышев — опытный лётчик-инструктор, обучивший и давший путёвку в жизнь многим десяткам молодых авиаторов. Недавно состоялся выпуск очередной группы. Выпускники тепло отзывались об инструкторах и, в частности, о Гонышеве.

— А как на реактивных самолётах? — то и дело спрашивали мы наших преподавателей и инструктора.

— Вот нетерпеливые… Сначала изучите «ЯК-18»… А реактивные самолёты от вас не уйдут.

Иногда в газетах и журналах пишут о необычных впечатлениях начинающих авиаторов от их первых полётов. Расписывают, не жалея красок, о том, что вот-де поднявшийся в воздух почувствовал себя чуть ли не птицей, что безоблачная высь показалась ему чем-то фантастическим. Мне думается, всё это излишние красивости. Полёт — работа и для обучаемого, и для обучающего. Конечно, по-новому выглядит земля, если смотришь на неё с высоты, шире раздвигается горизонт, открывается далёкая перспектива степных далей. Но в полёте ведь не об этом думаешь: ты в кабине со множеством приборов, надо за всем успеть следить, а главное — примечать, запоминать все движения и действия инструктора. Тут не до лирики.

Уж если говорить о том, чем запомнился мне первый полёт с инструктором, — так тем, что при посадке мы едва не разбились. И наверняка разбились бы, растеряйся хоть на миг, допусти хотя бы малейшую ошибку мой инструктор. Мы взлетели с основного

аэродрома, чтобы перелететь на полевой. Полёт подходил к концу, я пристально следил за тем, как Гонышев строил манёвр для захода на посадку, как повёл машину на снижение.

С каждым мгновением земля становилась всё ближе и ближе. Мне показалось, что скоро шасси самолёта коснутся посадочной полосы. Вдруг… что это? Впереди, прямо перед нами, препятствие. Самолёт мчится на него. Гонышев резко берёт ручку на себя, самолёт взмывает вверх, пролетает над неожиданно появившимся препятствием и опускается на полосу.

Считанные секунды длился этот момент, потребовавший крайнего напряжения сил. Гонышев вылез из кабины, сунул в рот неизменную папиросу, глубоко затянулся раз, другой и спокойно сказал:

— И так бывает…

Потом пошёл выяснять причину появления препятствий на посадочной площадке, искать виновных, наводить порядок. А я по-новому вдруг увидел своего инструктора. Да, лётчику нужна быстрота реакции, готовность в доли секунды принять правильное решение и, сохраняя хладнокровие, незамедлительно действовать. И это в дни мирной учёбы! А в бою? Ведь военный лётчик готовит себя для боя, значит, он в любую секунду должен уметь встретить любую неожиданность и опасность.

Труд и упорство побеждали. Прошли те времена, когда мы жили в землянках, оборудованных собственными руками. Переселились в казарму, а летом выехали в лагерь, в палаточный городок. На построения выходили подтянутые, опрятные. Командиры строго следили за внешним видом курсантов.

По-моему, у каждого человека, овладевшего искусством управления самолётом, бывает такой барьер, преодолев который он начинает верить в себя, в самолёт, вообще в успех. Это можно сравнить со вторым дыханием у бегуна. Кажется, задохнулся человек, вот-вот сойдёт с дистанции, но пересилил себя, организм перестроился на повышенную нагрузку, и появилось это второе дыхание. Снова легко и красиво, без нажима, бежит человек.

Таким рубежом для меня было третье упражнение лётной программы — полёты с инструктором. Под его наблюдением я делал взлёт, посадку и особых замечаний не получал.

Мне предстояло поднять машину в воздух, совершить полёт по кругу и сесть.

Зелёный «ЯК-18» выруливает на старт. Докладываю о готовности к взлёту и получаю команду:

— Взлёт разрешаю!

Ещё раз мельком оглядываюсь назад: в своей кабине инструктор настороженно следит за мной. Волнуюсь, но стараюсь

взять себя в руки, говорю себе: «Спокойнее, всё будет хорошо».

Первая часть полёта прошла успешно. А вот когда надо было зайти на посадку, строго выдержать заданную высоту на снижении и планировании — тут у меня получилось довольно нескладно. Плавной, уверенной посадки не вышло, это я сам почувствовал, едва самолёт коснулся земли.

— Товарищ инструктор! Курсант Титов полёт закончил. Разрешите получить замечания?

И опять, как обычно, Гонышев долго доставал из кармана портсигар, закурил, сделал свои привычные две-три глубокие затяжки и, ничего мне не ответив, пошёл к командиру звена капитану Кашину. Говорили они довольно долго и горячо. О чём? Я терялся в догадках и с беспокойством думал: не закончится ли на этом мой путь в авиации?

Зря я так думал. И инструктор, и командир звена, видно, лучше меня знали, как и в чём мне помочь. Прошёл день, другой, а меня в воздух не выпускали. С завистью смотрел я на своих друзей, летавших в зону, уверенно и плавно приземлявших самолёт точно у посадочных знаков. Не стесняясь, спрашивал одного, другого, третьего, как они определяют расстояние до земли, до каких пор продолжают режим так называемого выдерживания самолёта, как пользуются сектором газа. Теоретически я сам мог всё это прекрасно рассказать, а вот на практике не выходило.

Очень верно сделали мои воспитатели, что дали мне после первой неудачи остыть, осмыслить свои действия. Ведь по горячим следам, после неудачного вылета, можно было наделать новых, более серьёзных ошибок. Через несколько дней капитан Кашин, очевидно, решил, что хватит мне «остывать». Утром во время подготовки к полётам он сказал:

— Курсант Титов, полетите сегодня со мной, задание прежнее: взлёт, полёт по кругу, посадка.

На полных оборотах ревёт мотор. Строго выдерживая заданное направление, веду самолёт на взлёт. Движения продуманы, определена их последовательность, но они ещё не совсем уверенны. Смотрю на указатель скорости, беру ручку управления на себя и чувствую, как земля остаётся где-то внизу.

Капитан зорко следит за моими действиями. Вот он взял управление и поправил мою ошибку. И всё это спокойно, без лишних слов. По переговорному устройству до меня доносится его голос:

— Следите за приборами.

Один за другим он выполняет развороты и выходит в расчётную точку на посадку.

— Запоминайте положение ориентиров, — советует он. — Отсюда начинаете снижение. Вот эта высота — сто метров; так будет — пятьдесят, а это — двадцать пять.

Потом уже полёт по кругу делаю я.

Повторяю заход на посадку, стараясь видеть ориентиры так, как они были видны на предыдущем круге. Самолёт пошёл на планирование, теряя высоту, приближаясь к земле. Кажется, на этот раз посадку я выполнил лучше.

— Терпимо! — не то осуждающе, не то одобрительно сказал мне на земле капитан Кашин и, пригласив к себе Гонышева, начал с ним обстоятельный разговор.

И снова смутная тревога закрадывалась в душу. «Охота им возиться со мной. Не выходит — отчислили бы, и делу конец. Нет, видно, у меня лётных способностей», — с горечью думал я.

Но была, по-видимому, охота у моих учителей повозиться со мной. Опять стал летать в задней кабине. Инструктор Гонышев вновь учил меня в воздухе. И добился своего. Перешагнул я этот рубеж, это злосчастное третье упражнение, стал летать не хуже других. А вскоре уже в передней кабине не стало инструктора: я начал летать сам. Радостное чувство самостоятельности переполняло меня. Ничего подобного я ещё никогда не испытывал.

В дни учёбы в авиационном училище. Крайний справа во втором ряду — Герман Титов.

В зимний солнечный день прощались мы со школой. Окончил её с отличными оценками и, не раздумывая, попросил послать в училище лётчиков-истребителей, ибо считал, что наиболее высокие лётные качества вырабатываются только в истребительной авиации.

— Пожалуй, вы правы, — поддержал меня Гонышев.

Мы долго беседовали с ним накануне отъезда из школы. Скупой на похвалы, он на этот раз сказал, что, как ему кажется, из меня может выйти неплохой лётчик-истребитель.

— Может выйти, — окутываясь облаком табачного дыма, тут же поправился Гонышев. — Поймите, Титов, это только возможность, предположение. Чтобы стать настоящим лётчиком-истребителем, надо много, очень много работать.

Мы с друзьями прошлись на прощание по военному городку, постояли на том месте, где когда-то рыли землянки… Теперь невдалеке добротные казармы приветливо сверкали огнями.

И опять мы стоим у окна вагона в поезде, который мчит по заснеженной Кустанайской степи. Нас ждало училище лётчиков-истребителей.

Ещё во время учёбы в десятилетке я читал о прославленных лётчиках, трижды Героях Советского Союза А. И. Покрышкине и И. Н. Кожедубе. Большое впечатление произвели на меня их книги. Возможно, в ту пору и зародилась у меня любовь к профессии истребителя. В период учёбы в школе первоначального обучения она с каждым полётом росла. Мне нравился энергичный полёт, стремительные манёвры, большие скорости. Всё это можно было испытать на самолёте-истребителе.

В Сталинградское авиационное училище мы прибыли зимой. Начались теоретические занятия. Вначале мы должны были летать на самолёте «ЯК-11». Он намного превосходил по скорости учебный «ЯК-18». Правда, на нём был установлен поршневой двигатель, а мы мечтали о реактивном, ведь в то время наши Военно-Воздушные Силы почти полностью перешли на реактивные самолёты, скорости которых были близки к звуковым. Были уже и самолёты, скорости полёта которых перешагнули звуковой барьер.

Для того времени развития советской авиации был характерен резкий скачок скорости самолётов. Он стал возможен благодаря внедрению в авиацию реактивных двигателей. Изменились и аэродинамические формы самолётов. Фюзеляж получил заметную плавность линий, а крылья — стреловидную форму; профили крыльев стали тонкими, с заострённой передней кромкой. На истребителях появилась катапультная установка и герметическая кабина. Гораздо совершеннее стало и их

приборное оборудование.

На воздушных парадах в те годы советские лётчики демонстрировали свои успехи в овладении лётным мастерством. Над Тушинским аэродромом впервые в истории авиации был показан встречный пилотаж двух групп реактивных истребителей. Чётко и слаженно действовали лётчики в составе традиционной пятёрки реактивных самолётов. Группа из девяти машин безукоризненно выполняла различные фигуры высшего пилотажа.

Я говорю здесь об этом потому, что каждый из нас, обучавшихся в училище и готовившихся стать истребителями, жил всем этим, думал о своём месте в советских Военно-Воздушных Силах.

С юношеских лет я люблю технику. Поэтому каждый новый самолёт изучал с большим интересом. А чем интереснее дело, тем больше увлекаешься им. Я и мои товарищи старались как следует изучить самолёт, освоить теоретические дисциплины, а о полётах и говорить не приходится: каждый рвался в воздух.

Во время обучения на самолёте «ЯК-11» моим инструктором был капитан Киселёв, командиром звена — капитан Буйволов — подготовленный и вдумчивый офицер. Однажды, когда мы пришли на аэродром, инструктор сказал:

— Товарищ Титов, полетите с командиром звена.

И вот я в самолёте. В инструкторской кабине капитан Буйволов. С ним я летал уже и раньше. Мои лётные навыки формировались под его влиянием. Спокойно, как и обычно, я взлетел, выполнил в зоне задание и возвратился на аэродром.

— Разрешите получить замечания?

— Хорошо, — ответил капитан Буйволов. Задумался, а затем добавил: — Самостоятельный вылет разрешаю.

Это было так неожиданно, что я растерялся. Стою и не знаю, что сказать. А капитан, улыбнувшись, повторил:

— Ну да, разрешаю самостоятельно…

Радостный, полный надежд, шёл я на другой день на аэродром. Но вскоре мне пришлось разочароваться: узнал, что мне в этот день не был запланирован полёт. Я терялся в догадках. Почему? Сначала утешал себя мыслью о том, что инструктор, видимо, хочет подтянуть всю группу, чтобы все вылетели более или менее одновременно. «Ну что ж, ради товарищей можно и потерпеть денёк-другой», — думал я.

Но и на второй день мне не удалось полетать. На мой вопрос инструктор заметил:

— Вот наведёте порядок в отделении, тогда полетите.

Дело в том, что я был командиром отделения. Наши начальники стремились не только научить нас летать, но и

воспитывать дисциплинированными курсантами. Они требовали неукоснительного соблюдения уставного порядка. Что греха таить, не все мы в то время понимали это. Увлёкшись полётами, иногда делали упущения. Я порой был недостаточно требовательным к курсантам отделения. Мне казалось, что главное — полёты, а аккуратная заправка кроватей, соблюдение порядка в казарме — дело второстепенное. Инструктор же хотел воспитать из меня настоящего, требовательного командира. Он давал мне понять, что без дисциплины на земле не может быть успешных полётов.

Только на третий день, когда я доложил, что порядок в отделении наведён, и инструктор, проверив, убедился в этом, мне был разрешён самостоятельный полёт.

После нескольких вылетов к нам в группу пришёл новый инструктор — Лев Борисович Максимов. Худощавый, стройный офицер атлетического телосложения, он отличался весёлым, общительным характером, знал тысячи историй из лётной жизни и с увлечением рассказывал их нам. Лев Борисович — замечательный лётчик-истребитель. Энергичность и стремительность гармонично сочетались в нём с выдержкой и самообладанием.

С первых же полётов Максимов старался выработать у курсантов качества, необходимые лётчику-истребителю: решительность, активность действий, умение ориентироваться в сложной обстановке, быстроту реакции и, конечно, высокую технику пилотирования. Он учил нас постоянно искать воздушного противника, маневрировать энергично, стремительно.

Как-то после отработки так называемой типовой атаки мы должны были возвращаться на свой аэродром. Пока я выводил самолёт из атаки, Максимов сделал энергичный манёвр и исчез. Лишь на какие-то доли секунды я ослабил внимание и вот, на тебе — потерял из виду самолёт инструктора.

Осматриваюсь по всем правилам. Где же он? Сзади? Внизу? Нет. Веду поиск. И вот вдали над горизонтом замечаю едва видимую точку: «Он!» Прибавляю обороты двигателю и быстро сближаюсь. Пристраиваюсь в правый пеленг. На аэродроме после посадки спрашиваю:

— Разрешите получить замечания?

— Замечаний нет, — отвечает Максимов.

Он не любил читать нотации. Соображай сам, анализируй, делай выводы. В общем, давал пищу для размышлений.

Обдумывая на земле этот полёт, я сожалел, что упустил самолёт инструктора из виду. И хотя сейчас мне ясно, что ему, опытному лётчику, ничего не стоило уйти от меня, ещё не

оперившегося «птенца», я твёрдо сказал себе: «В следующий раз не уйдёшь, не упущу!»

Максимов был доволен тем, что я отыскал его в воздухе. Он всегда обращал внимание на такое качество курсантов, как быстрота реакции. Без этого, как он говорил, нет лётчика-истребителя.

Была у Максимова истребительская «жилка». Летая с ним, мы не раз убеждались в этом. Мы завидовали и подражали ему. А он заставлял нас давать максимум того, на что мы были способны.

В первых полётах в строю парой мы, естественно, вели себя осторожно, старались держаться подальше от ведущего. С каждым вылетом наши навыки закреплялись. Максимов требовал, чтобы мы держались поближе.

— Пара должна быть, как один самолёт, — твердил он. — На то мы и истребители.

Летим однажды из зоны. Я шёл ведомым. Внизу, насколько видел глаз, раскинулись целинные земли. Вот темнеют ровные полосы. А по краям, словно букашки, движутся тракторы. Это мои сверстники, откликнувшиеся на призыв партии и правительства, поднимают вековую целину. Красивое, волнующее зрелище!

Вдруг вижу: Максимов, идущий впереди, резко дал большой крен на меня. Раздумывать некогда. Мгновение — и энергично даю крен влево, со скольжением теряю высоту. Я уже знал «уловки» инструктора. Догадываюсь: испытывает быстроту реакции. После полёта, как обычно, спрашиваю о замечаниях.

— Замечаний нет, — отвечает с едва заметной улыбкой.

Любил Максимов, когда летали красиво, смело. Но вместе с тем не терпел нарушений правил безопасности. Он добивался высокого мастерства техники пилотирования и строго взыскивал, если курсант «резвился» в воздухе, не учитывая своих возможностей. Это был человек с чувствительной натурой и сильно развитым воображением, всё принимавший близко к сердцу.

Запомнился такой случай. Мы отрабатывали очередное упражнение по воздушному бою. Я увлёкся и очень близко, что называется вплотную, подошёл к самолёту Максимова. Его машина тут же резко взмыла вверх. А на земле инструктор сказал:

— За такие дела… — и его глаза сверкнули гневом.

Я никогда не видел его таким сердитым. Но через минуту он успокоился.

— Иди, разберём… — примирительно сказал он.

У Льва Борисовича были любимые термины: «чувство высоты», «чувство виража», «чувство полосы», «чувство крыла». Изо дня в день он воспитывал в нас смелость, умение владеть

собой при любых обстоятельствах.

Учёба на «ЯК-11» подходила к концу. Командир звена капитан Буйволов как-то собрал нас и сказал:

— Будем писать характеристики и передавать вас на боевые самолёты.

Максимов и Буйволов были всегда откровенны с курсантами и того же требовали от нас. Честность, правдивость для них были превыше всего. Они не скрывали того, что напишут в характеристиках.

— Вам, Титов, дам высшую оценку, — услышал я. — Из вас получится истребитель. Только не зазнавайтесь, учиться надо очень много, — сказал мне командир звена.

До сих пор вспоминаю эти слова. Они вселили в меня уверенность в свои силы и вместе с тем обязывали ко многому. Позже я узнал, что Максимов и Буйволов сдержали слово — в лётной характеристике они написали: «Следует обратить внимание на этого курсанта, из него в дальнейшем получится отличный лётчик. Летает смело, уверенно».

Боевой реактивный истребитель. Сколько мечтали мы о нём! И вот, кажется, рубеж, отделявший от него, пройден. На первый взгляд показалось, что наш новый командир звена Валерий Иванович Гуменников во многом отличается от инструктора Максимова. Сдержанный, неторопливый, всегда подтянутый, аккуратно одетый, он создавал впечатление очень педантичного педагога.

«Каким-то он будет в воздухе?» — думали мы.

Плотно сбитый брюнет, с неторопливой походкой и густым басом, Гуменников говорил спокойно, властно, будто, как образно заметил кто-то из нас, посылая патроны в канал ствола. Он никогда не выказывал своей нервозности, даже если в душе у него бушевала буря, вызванная ошибками курсанта. Дисциплину, порядок во всём он считал первейшим делом. Он, конечно, был прав: авиация не терпит расхлябанности.

Помнится, как-то раз, то ли в знак какого-то внутреннего протеста против инструктора, всегда появлявшегося перед нами в хорошо отутюженных брюках и тужурке, в начищенной до зеркального блеска обуви, то ли из-за мальчишеского желания побравировать перед ним своей неряшливостью, двое курсантов явились на занятия в помятых гимнастёрках, с подворотничками не первой свежести. Валерий Иванович пристально оглядел их и спокойным тоном тут же объявил им взыскание.

— Знаю, — сказал он,— надеетесь, что, мол, в воздухе себя покажем. Не стройте иллюзий. Есть в вас внутренняя собранность, аккуратность, приверженность к порядку на земле

— такими будете и в воздухе. Нет этого — в полёте делать нечего. Везде и во всём нужна дисциплина, а в полёте на боевой машине — особенно. Привыкайте идти в ногу с первого шага.

Сказал, как отрубил. Он редко увлекался наполовину. Если что-нибудь захватывало его, то уж всего целиком. И мы все хорошо поняли его. Как на земле, так и в воздухе он был неотступно требователен. Его не устраивала никакая посредственность. Если уж что делать — только хорошо, надёжно, прочно. Летишь, бывало, в зону с ним, выполняешь фигуры пилотажа — кажется, всё идёт хорошо. Но инструктор недоволен.

— Надо летать чище, красивее, — требует он и, взяв управление, начинает пилотировать. — Смотрите!

Снова и снова приходилось повторять фигуру, пока не получалось так, как требовал инструктор.

Другим моим инструктором при обучении полётам на «МИГах» был капитан Станислав Иванович Коротков — человек невысокого роста, с рыжеватыми волосами и доброй, открытой улыбкой. Он считался одним из лучших методистов училища, никогда не судил поспешно о людях, изучал их с пристрастием и тактом. Он глубоко мыслил и тонко чувствовал, умел говорить с нами, курсантами, ещё не искушёнными в жизни, как равный с равным. Мы его любили и доверялись, как самому близкому человеку.

Я очень многим обязан Станиславу Ивановичу Короткову. В лётной учёбе бывали случаи, когда некоторые курсанты допускали серьёзные ошибки. Станислав Иванович помогал им исправлять промахи. У нас с ним состоялся большой и памятный разговор «по душам», который много открыл мне о самом себе, о своём характере. Главное для человека, говорил Коротков, — научиться бороться с самим собой, безжалостно вытравлять из себя всякую накипь, добиваться свечения души.

— Верить! Верить в себя и в других, — советовал мне Станислав Иванович, — но не слепо, а осмысленно. И тогда твои силы удесятерятся.

Последнее лето нашей учёбы было особенно напряжённым. Мы летали в зону, по маршрутам, вели учебные воздушные бои, стреляли и по-настоящему прочувствовали, какая великолепная машина реактивный истребитель.

При околозвуковых скоростях возникали большие перегрузки. Они утомляют лётчика. Те курсанты, которые раньше недооценивали спорт, теперь убедились, насколько он важен для лётчиков. Некоторые просто не выдерживали нагрузки лётного дня. Но таких были единицы. Большинство из нас усиленно занималось спортом — на гимнастических снарядах, играли в

волейбол, футбол. В результате у многих в выпускной характеристике было записано: «Максимальную нагрузку лётного дня переносит легко».

Наше пребывание в училище подходило к концу. На редкость щедрое лето было на исходе. Мы загорели, лица наши обветрились, все мы как-то возмужали. Ещё бы! С каждым днём каждый из нас подходил всё ближе и ближе к заветному рубежу — выпускным экзаменам, которые дадут нам путёвку в самостоятельную жизнь, жизнь военного лётчика, защитника Родины.

И вот экзамены сданы! Это было крупнейшее событие в моей жизни. Нас, курсантов, собрал командир эскадрильи, объявил итоги экзаменов по теоретическим дисциплинам и оценки по нашей лётной подготовке.

— Курсант Титов, — услышал я свою фамилию, — по всем теоретическим дисциплинам получил отличные оценки. Пилотирование в зоне — отлично, стрельба — отлично, воздушный бой — отлично.

Мне, признаться, несколько неловко было стоять по команде «смирно» среди своих товарищей и слышать такую похвалу. Но вместе с тем приятно было сознавать, что годы, проведённые в напряжённой учёбе, не прошли даром.

По счастливому совпадению, в день моего рождения — 11 сентября 1957 года — министром обороны был подписан приказ о выпуске из училища очередной группы лётчиков-истребителей и о присвоении им первого офицерского звания. Мы стали лейтенантами Советской Армии! В новеньких, с иголочки тужурках и фуражках с крылатыми эмблемами мы восторженно разглядывали друг друга. Каждый из нас был на седьмом небе. Я окончил училище по первому разряду, и с этим меня тепло поздравили инструкторы, которым все мы были многим обязаны, — Лев Борисович Максимов, Валерий Иванович Гуменников и Станислав Иванович Коротков. Гуменников, до хруста пожав мне руку, сказал:

— Не забудете, с чего надо начинать?

— С себя, Валерий Иванович, — ответил я, впервые назвав его по имени и отчеству.

А Коротков, стоящий рядом, добавил:

— И верить!

— Понимаю, Станислав Иванович, — сказал я.

…Впереди ждала служба в боевом полку. Как-то она пойдёт?

Родной полк

— Нет, хлопцы, что ни говорите, а нам здорово повезло, — блеснув белозубой улыбкой, сказал Николай Юренков. — Это же понять надо; будем летать на «МИГах» вблизи от Ленинграда.

— И Адмиралтейская игла станет ориентиром номер один, — перебил его Миша Севастьянов. — А к Медному Всаднику будем в гости ходить. Герман, как там сказал о Питере твой любимый поэт?

— А ты, Миша, забыл разве? Это каждый девятиклассник помнит, а ты уже лейтенант, — полушутя ответил я и прочитал:

«Красуйся, град Петров, и стой,
Неколебимо, как Россия…»

В этот вечер мы размечтались. Впрочем, и было отчего: командование решило вопрос о нашем назначении после окончания лётного училища. Выпускники разъезжались по разным гарнизонам. Довольно значительная группа, в том числе и я, получила назначение в часть, находящуюся под Ленинградом.

Где служить? Для каждого военного человека этот вопрос далеко не безразличен, а тем более для нас, молодых лётчиков, только что ставших офицерами. Ведь у нас позади четыре года учёбы в гарнизонах, которые многозначительно называют отдалёнными. Трудности жизни в неблагоустроенных местах нас не страшили, мы были готовы к ним и поехали бы в любой уголок нашей страны, куда бы нас ни послали. Шёл памятный 1957 год, когда сотни тысяч таких же молодых, как и мы, юношей и девушек по комсомольским путёвкам ехали на новостройки Сибири и Урала, в целинные совхозы. Партия звала молодёжь обживать тайгу и дикую степь, и комсомольцы смело устремлялись навстречу трудностям, утверждали жизнь в безлюдных доселе краях.

Готовы и мы были поехать на любые земли, туда, где нужен стремительный посвист воздушного стража — самолёта-истребителя, где нужен ратный труд лётчика. Мы — солдаты, и на любой приказ у нас только один ответ: «Есть!» Не обижая товарищей, несущих службу в глухих и далёких гарнизонах, мне всё же хочется сказать, что нам тогда повезло. Летать в балтийском небе, недалеко от колыбели революции, около города, носящего имя великого Ленина, бывать в этом городе, видеть то, что знакомо лишь по рассказам, фильмам и книгам, — это в самом деле большая честь. Мы чувствовали себя в те дни именинниками, и улыбки не сходили с наших лиц. И хочется быть серьёзным, а встретишься взглядом с другом, прочтёшь в его глазах то же, что и сам думаешь, и поплыла улыбка по всему лицу.

Во время отпуска, который я получил после окончания училища, мы часто говорили с отцом о предстоящей жизни на новом месте. Отец рассказывал о достопримечательностях Ленинграда, словно прожил там всю жизнь.

— Тебе, Герман, — говорил он, — надо помнить, что Ленинград — это огромный родник, нет, не родник, а целый океан познаний, образования, воспитания. Служи честно. Всё отдавай прежде всего делу. А свободное время попусту не растрачивай. По возможности чаще бывай в городе.

Октябрь почти везде одинаков: льют дожди, ветер метёт по улицам вороха жёлтых листьев, на небе клубятся свинцовые тучи. Октябрь, проведённый после учёбы в родном селе Полковниково, был таким же. И вдруг небо посветлело, ярче обозначился горизонт, радостнее стало на сердце. Эту радость принесло радио: 4 октября мощная многоступенчатая ракета, преодолев тяготение Земли, вывела на орбиту контейнер с научной аппаратурой, ставший первым искусственным спутником Земли.

— Спутник!

Не было дома в нашем селе, в котором не велись бы оживлённые и радостные разговоры на эту тему.

С чувством гордости за нашу Родину, проложившую дорогу в космос, и прибыл я после отпуска в часть, где мне предстояло начинать службу лётчика-испытателя.

Если судить по погоде, то новое место службы встретило нас неприветливо. Лил дождь, ненастный, тягучий, нудный. Из Ленинграда мы выехали в дождь, в гарнизон приехали тоже в дождь.

— Не будем унывать, хлопцы, — сказал Коля Юренков, потянувшись к аккордеону. И вот уже мы дружно запели любимую песню.

На ночь нас определили в «холостяцкое» общежитие. Утром опять лил дождь. Мы прошли к помещению штаба и доложили старшему начальнику о прибытии.

Миновал день, другой. Нас собрали в кабинете командира, познакомили с боевой историей полка, в котором предстояло служить. Кое-что мы уже знали. Мы побывали уже в клубе, где изучили монтажи и витрины, на которых отображён боевой путь полка. Говорили кое с кем из бывалых лётчиков. Интересовались, какая эскадрилья лучшая, кто из командиров плодотворнее работает с молодыми лётчиками.

Полк наш гвардейский, его лётчики отважно сражались с врагом в годы Великой Отечественной войны. Многие из них были удостоены звания Героя Советского Союза. В небе Ленинграда лётчики полка сбили немало самолётов, меченных чёрной паучьей свастикой, полк надёжно оберегал советское небо.

— Боевую славу полка сейчас мы множим успехами в учёбе, — сказал командир. — Вы должны гордиться традициями части, достойно хранить их. В небе, где вам доведётся летать, отважно сражались такие мужественные лётчики, как Бринько, Раков, Голубев, Преображенский, Лобов, Севастьянов… О каждом из них можно написать целую повесть. Само небо Балтики зовёт каждого лётчика на новые подвиги.

Внимательно слушали мы командира, его заместителя по политической части. Эта беседа, отеческая, товарищеская, оставила неизгладимый след в сердце каждого. Мы как бы поклялись: не уроним славы полка, будем достойными традиций советской гвардии.

Не успел я ещё как следует обжиться в полку, как в том же 1957 году 3 ноября, накануне празднования 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, стартовал

второй советский искусственный спутник Земли. В его кабине находилась собака Лайка. Она поднялась в космос, чтобы разведать дорогу человеку. Опыты с животными проводились у нас в стране и раньше, начиная ещё с 1949 года. Вначале ракеты поднимали животных на высоту около 100 километров, а затем всё выше и выше. Животные помещались в скафандры и герметическую кабину и спускались с больших высот на парашютных системах. Полёт Лайки на втором искусственном спутнике Земли отличался тем, что он дал возможность изучить длительное воздействие на живой организм ускорений и состояния невесомости.

В полку много было разговоров о полёте Лайки. Всю значимость полёта второго искусственного спутника Земли я понял по-настоящему значительно позже. Мы тогда выполняли задачи земные, связанные с нашей подготовкой к полёту на самолётах-истребителях.

Закончено обучение на новом для нас реактивном самолёте. Сданы зачёты по теоретическим дисциплинам, по авиационной технике, и мы приступили к полётам. Теперь мы уже не курсанты, а военные лётчики, офицеры — нам дали больше самостоятельности, но вместе с тем предъявляли и больше требований.

Герман Титов стал военным лётчиком.

Я вместе с другими товарищами попал в эскадрилью, которой командовал Степан Илларионович Шулятников, высокий, худощавый офицер с чисто русским лицом, человек большой души. Он чем-то сразу напомнил мне училищного инструктора Станислава Ивановича Короткова. Наш командир эскадрильи слыл не только лучшим лётчиком в полку, но и искуснейшим истребителем-перехватчиком во всём военном округе. О его опыте много говорили на служебных совещаниях, партийных и

комсомольских собраниях, лётно-тактических конференциях, писали в газетах.

Нашим звеном командовал капитан Александр Харченко — рассудительный офицер, опытный лётчик, обладавший логическим умом и тяготением к фактам. К нему в звено мы пришли втроём: Николай Юренков, Михаил Севастьянов и я. Все мы были друзьями. Это с первых же дней понял командир звена и старался поддерживать нашу дружбу. Ведь где дружба, там и дело спорится.

Для каждого лётчика вылет на более совершенном самолёте — большой праздник. К нему мы много готовились. Не раз каждый сидел в кабине боевого самолёта, как говорится, осваивался, мысленно совершая полёт по кругу. Накануне мы пришли на аэродром, чтобы потренироваться в кабинах самолётов. Приближаюсь к серебристой машине. Она стоит с откинутыми назад крыльями, словно приготовившись к прыжку, и кажется, дышит, словно живая. Завтра мне предстоит поднять её в воздух.

Невольно вспомнился первый полёт на реактивном самолёте в училище. Инструктор Валерий Иванович Гуменников сказал тогда:

— Всё делай сам. Я буду только контролировать.

Слышу команду:

— Взлёт!

Увеличиваю обороты двигателя, чувствую, как самолёт стремительно рванулся вперёд. Прошёл какой-то миг, и мы в воздухе. Стараюсь делать всё по порядку. Убираю шасси. Смотрю на высотомер — уже четыреста метров. А на высоте двести метров надо было сделать разворот. Прозевал! Тороплюсь, но движения не успевают за полётом. Третий разворот. Четвёртый. Посадка. Будто прошло одно мгновение — и вот уже полёт по кругу закончен. Вот когда я убедился, насколько чётко надо действовать лётчику реактивного самолёта.

И вот я сижу в кабине самолёта-истребителя нового типа. Несколько раз повторяю «полёт» по кругу: взлетаю, делаю развороты, выполняю посадку. Кажется, всё отработал прочно, закрепил. Но, проверив мои действия, капитан Харченко недовольно замечает:

— Повторите ещё. Не глядите на тумблеры и кнопки. Взгляд должен быть направлен туда, куда вы будете смотреть в полёте.

Снова продолжаю тренировку до тех пор, пока не добиваюсь чёткости действий, которой требует командир звена.

Наутро подхожу к самолёту. Техник-лейтенант Иван Егорович Кузнецов докладывает:

— Товарищ лейтенант, самолёт к полёту готов!

Принимаю рапорт. Без привычки как-то неловко. Хочется подойти и спросить:

— Ну как, Ваня, всё готово?

Но сдерживаю себя. Ведь я теперь командир экипажа, а Кузнецов — мой подчинённый. Надо привыкать к новому положению. Принимаю самолёт. Стараюсь делать всё по инструкции. На аэродроме в это время уже начались полёты. Согласно плановой таблице, первым должен вылететь мой друг Коля Юренков. Его самолёт, слегка покачиваясь с крыла на крыло, уже порулил на старт: наши взгляды прикованы к нему. Машина, разметая снежную пыль, начинает разбег. Проходит несколько секунд — и она в воздухе.

— Хорошо, — хвалит командир звена.

Но впереди самое сложное: расчёт на посадку и посадка. Мы, молодые лётчики, волнуемся за Юренкова, видимо, больше, чем он сам. И когда самолёт мягко приземлился у посадочного знака, не удерживаемся от восклицания:

— Отлично!

Командир звена и командир эскадрильи говорят:

— Начало хорошее.

Едва только Юренков вылез из кабины, мы окружаем его, поздравляем. Со всех сторон сыплются вопросы. Подходит время моего вылета. Николай стоит у самолёта, стараясь дать мне как можно больше советов. И когда я уже сел в кабину, добавляет:

— А вообще-то, Гера, делай всё так, как учили.

Опробовав двигатель, слегка кивнув товарищам, я порулил на старт, думая, что вот они тоже теперь смотрят и переживают за меня. Видно, такая уж у нас, лётчиков, профессия. Нас провожают, ждут, встречают, и все как-то волнуются. Только нам самим, когда мы в самолёте, волноваться не положено, да и некогда. В полёте есть дела поважнее, и им каждый лётчик отдаёт себя всего без остатка.

Первый самостоятельный полёт на самолёте нового для меня типа прошёл нормально. Что больше всего запомнилось? То, что ты управляешь сложной машиной и она покорно подчиняется твоей воле. Это чувство знакомо всем лётчикам. В этом, пожалуй, и заключается романтика лётного труда.

За успешный самостоятельный вылет командир эскадрильи объявил нам благодарность. Мы знали, что впереди длинный и трудный путь к вершинам лётного мастерства. И мы были полны решимости идти по этому нелёгкому пути. Впрочем, не все молодые офицеры правильно себе его представляли.

Жили среди нас два лейтенанта. В училище, будучи

курсантами, они вели себя как будто неплохо. Но, прибыв в часть, стали опаздывать в строй, не вовремя являлись на аэродром, проявляли склонность к уединению. Мы жили все вместе в офицерском общежитии. Бывало, в свободное время одни шли в библиотеку, другие — в клуб на репетицию, а эти двое частенько уходили неизвестно куда и приходили поздно ночью. Ночные «прогулки» приводили не только к нарушениям дисциплины, но и плохо сказывались на их здоровье. Один из этих двух лётчиков был могучим человеком. Он занимался тяжёлой атлетикой, поднимал штангу весом 125 килограммов. Но, несмотря на это, врач вскоре вынужден был отстранить его от полётов по состоянию здоровья.

Мы замечали ненормальное поведение товарищей, пытались утихомирить их, но они обычно отвечали:

— Хватит, в училище несколько лет соблюдали режим! Мы теперь не курсанты…

Было ясно, что эти молодые офицеры не понимали, насколько важна дисциплина и на земле, и в воздухе. Нужно было что-то предпринимать, как-то воздействовать на них, пока ещё «болезнь» не зашла далеко. Наши командиры, партийная и комсомольская организации принимали меры. Вскоре командир и секретарь партбюро собрали нас на беседу.

— Мы решили посоветоваться с вами по поводу поведения ваших товарищей, — обратился к нам офицер Подосинов.

— Вы живёте вместе, поэтому ваши предложения могут быть полезными, — добавил секретарь парторганизации Пивоваров.

Общее мнение было таким: надо обсудить это дело на офицерском собрании. Командир и секретарь партийного бюро согласились с нами. На другой день такое собрание состоялось. Мы, не кривя душой, высказали на нём всё, что думали. Собрание было бурным. Много справедливых упрёков выслушали нарушители. Всё это оказало влияние не только на них, но и на всех молодых офицеров.

— Скучновато тут, — неуверенно, в виде какого-то оправдания говорил один из молодых лётчиков, подвергшихся критике, — поэтому и тянет на сторону.

Вот уж с этим ни я, ни мои друзья никак не могли согласиться. Это у нас-то скучно? Да как это так, молодой офицер, перед которым широко распахнуты двери в жизнь, начинает ныть от скуки?! Да будь в сутках сорок восемь часов — и тех не хватит! Лётная учёба, клуб, библиотека, спортивные площадки, Ленинград, чудесная сокровищница искусства, с его музеями, изумительным Эрмитажем, — всё для тебя!

А наша дружная комсомольская семья? Сколько

увлекательного и интересного придумано было комсомольцами! Мы организовали кружок самодеятельности. Не раз ездили к шефам и давали концерты. Наш хор молодых лётчиков пользовался успехом. А выступления группы акробатов, в которой я был «верхолазом», повторялись на «бис». Наши волейбольная и футбольные команды завоевали немало кубков в различных соревнованиях… «Надо жить полнокровной жизнью, не отставать от неё, быть её активным участником» — вот о чём думали мы на том памятном собрании.

Жизнь шла своим чередом. Теоретические занятия, подготовка к полётам, парковые дни, полёты — всем этим до краёв была заполнена служба в полку. Ленинградская погода не баловала нас. Молодые лётчики летали ещё только в простых метеорологических условиях. С грустью мы смотрели на пепельно-серые облака, когда они сплошной пеленой закрывали небо. Но зато как только метеорологи предсказывали хорошую погоду, мы окружали командира эскадрильи, составлявшего плановую таблицу. Он сердился, но ничего не помогало. Мы не уходили до тех пор, пока не видели своих фамилий в плановой таблице полётов.

Лётная деятельность требует от человека выдержки, самообладания, находчивости. Но сами по себе эти качества не приходят. Их повседневно прививали нам наши командиры. Особенно многое мы переняли у Николая Степановича Подосинова. Этот невысокого роста, крепко сбитый, с басовитым говорком крепыш был образцом настоящего лётчика-истребителя. Он часто летал с нами, руководил полётами. В любой обстановке, какой бы она ни была сложной, он принимал решение мгновенно. Если Подосинов руководил полётами, то мы знали: всё будет в порядке. Он, словно дирижёр большого оркестра, мастерски управлял действиями многих лётчиков, находившихся в воздухе. Обладая богатым опытом, Николай Степанович всегда знал обстановку на земле и в воздухе. Он как бы угадывал намерения лётчика, чувствовал, когда надо помочь ему, подбодрить, разрядить напряжённую обстановку шуткой. Будь все люди так добры и расположены друг к другу, до чего бы легко жилось на свете!

Погода в районе нашего аэродрома не отличалась устойчивостью. Подует, бывало, ветер с моря, и через несколько минут облачность закроет аэродром, а иногда набежит дождевой заряд, затем небо снова прояснится. В таких случаях слишком осторожные командиры прекращали полёты. Но Подосинов делал иначе: он всесторонне оценивал обстановку и не боялся брать на себя ответственность за решение продолжать полёты.

Как-то Николай Степанович руководил полётами. Временами через аэродром проходили дождевые заряды. Я поднялся в воздух. Выполнив пилотаж в зоне, возвращаюсь на аэродром. Сделал третий разворот, подхожу к четвёртому, взлётно-посадочной полосы не видно. Как быть? Она словно растаяла. Ухожу на второй круг и снова вижу в районе четвёртого разворота дождевой заряд, штрихующий небо. Опять ухожу на круг. Обстановка сложная, может не хватить топлива. Откровенно говоря, я начал беспокоиться. В это время слышу спокойный знакомый голос Подосинова:

— Ну что, трудновато?

Да! Было трудновато. Но, зная, что дождевой заряд закрыл только район четвёртого разворота и самолётов в воздухе больше нет, я передал:

— Разрешите посадку с обратным стартом?

В ответ слышу:

— Разрешаю.

Развернувшись, я зашёл на посадку и благополучно приземлился.

— Если у человека есть способности, то лишь вопрос времени, когда о нём заговорят люди, — сказал тогда подполковник, видимо, отвечая на свои мысли и никого не имея в виду конкретно.

Разнообразна и многогранна жизнь в авиационном полку. Не успел я освоить самолёт, как меня назначили руководителем группы политзанятий. Это для меня было неожиданно.

— А что вас смущает? — спросил меня политработник Ковалёв, когда я высказал ему свои сомнения.

— Опыта нет, справлюсь ли?

— Справитесь, — уверенно ответил Ковалёв. — В комсомоле вы уже более пяти лет, выполняли немало поручений… Главное, изучите хорошо людей.

Изучить людей! Что это значит? Кто скажет, где и с чего начинается такое изучение? Скажем, изучать реактивный самолёт можно частями: отдельно планер, отдельно двигатель, шасси, органы управления, радио, спецоборудование… А человек? Вот моя группа политзанятий — почти два десятка людей — солдат и сержантов. Как познать их характеры, чтобы вести занятия живо, интересно? Как говорить с ними, чтобы слова о великой нашей советской действительности, о нашей партии, её героическом прошлом и будущем доходили до души, звали на труд, на подвиг?

Я представил мысленно всю группу сидящей на занятии. По возрасту эти люди всего лишь на год-два моложе меня. Считай,

сверстники. Почти у каждого за плечами или десятилетка, или техникум. А вот учебник для политзанятий не всегда учитывает эти обстоятельства. Вновь и вновь перечитываю его страницы. Всё изложено правильно: и о долге воина, и о дисциплине, и о традициях. Однако мои слушатели — люди пытливые, жаждущие знаний, завтрашние студенты институтов. Поэтому вряд ли их удовлетворит материал этого учебника. Вновь пошёл я к политработнику Ковалёву, чтобы совсем по-иному рассказать ему о том, что же меня смущает.

— Теперь другой разговор, — выслушав мои доводы, заметил Ковалёв. — Раз есть беспокойство, значит, успех будет. А кто вам мешает проявлять инициативу? От вас именно и требуется быть живым пропагандистом, человеком, увлекающим других. Вы статьи и советы Михаила Ивановича Калинина читали?

— Признаться, нет.

— Обязательно прочитайте. Они многое объяснят. В нашей библиотеке есть его книга «О коммунистическом воспитании». Прочтите её.

Напрасно в этот вечер Коля Юренков звал меня пойти в кино. Прочно засел я в комнате офицерского общежития. Одну за другой прочитывал речи М. И. Калинина, его выступления перед воинами-комсомольцами, перед агитаторами, отправлявшимися на фронт в грозные годы войны. Передо мной вставали картины минувшего, смертельная опасность, нависшая над Родиной, бои, людские судьбы. Ведь и мой отец был оторван от любимых занятий в школе, от семьи, стал солдатом. Тогда, в очень тяжёлое для страны, для всего нашего народа время, голос агитатора-пропагандиста вселял уверенность в победу. В те годы старый большевик, всероссийский староста, как называли его, Михаил Иванович Калинин, где-то в прифронтовом перелеске, иссеченном осколками бомб, раскрывал секреты проникновения в человеческие сердца. Вот это школа!

Впрочем, не я один волновался перед первой встречей со своими слушателями. С кем ни поговоришь из молодых руководителей групп политзанятий — у каждого свои сомнения, неясности. Каждый хочет получше подготовиться. Это подбадривало.

И вот первое занятие. Волнуюсь, но стараюсь сдержать себя. Мне нужно рассказать слушателям о нашей партии, о её направляющей и организующей роли в жизни советского общества. Конспект у меня есть, но я откладываю его в сторону и начинаю излагать то, что знаю о коммунистах, живых людях, творящих великие дела нынешних дней, о тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за победу революции, за защиту её завоеваний.

Говорю о Ленинграде — он рядом с нами; по его улицам и площадям мы ходили не раз, восхищаясь красотой и величием настоящего, легендарным прошлым. Повествование о городе Ленина, о соратниках нашего великого вождя чередую с рассказами о героях-коммунистах времён минувшей войны, таких, как наши однополчане, славные лётчики-истребители; о героях наших дней, укрощающих буйный бег многоводья Волги, Днепра, Ангары, строящих атомные электростанции и атомный ледокол, обживающих бескрайние степи Казахстана, запустивших в космос первые искусственные спутники Земли.

Окончен рассказ, время занятий истекло. Ко мне подходит рядовой Василий Лизанчук, потом Олег Уманко, другие солдаты. Начинается разговор, открытый, душевный. Вопрос за вопросом задают слушатели. Чувствую, что из-за нехватки времени или скомкаю ответы, или вообще ничего не скажу. И это будет самой непростительной ошибкой.

— Знаете, что? — предлагаю я. — Давайте вечером соберёмся в ленинской комнате, поговорим…

На этот вечерний разговор в ленинскую комнату шёл с тревогой, гораздо большей, чем на первое занятие. О чём спросят? Что интересует солдат больше всего? Вдруг окажусь в чём-то малосведущим? Однако разговор получился. О многом шла речь, и трудно было понять, кто отвечал больше на вопросы — я или сами солдаты. О чём только не говорили: о последнем Пленуме ЦК КПСС, об итогах сорокалетней деятельности партии после Великого Октября, о движении в защиту мира. Любитель поэзии рядовой Лизанчук расспрашивал меня о Маяковском, о последних произведениях советских поэтов. Хотя на эту беседу пришли не все слушатели моей группы, но я остался доволен: мост добрых взаимоотношений установился. Ведь, на мой взгляд, самое главное в пропагандистской работе — сознание того, что своим словом ты будишь в сердцах людей хорошие, светлые чувства, которые рано или поздно дадут плодотворные всходы.

Жизнь подсказала, что хорошо подготовить лекцию — это лишь небольшая часть работы руководителя группы. Вскоре мне пришлось убедиться, что ему необходимы качества воспитателя, организатора. Как-то раз перед началом очередного занятия проверяю, кто отсутствует. Выясняется, нет слушателя Арутюнова. И это уже в третий раз. В чём дело?

Арутюнов — парашютоукладчик. Его рабочий день не регламентирован, но и контроля за ним, очевидно, нет. И вот, как только политзанятия, у него «срочное дело».

— Нет желания быть на занятиях? — без обиняков спрашиваю его.

Арутюнов лукаво смотрит в сторону, бубнит о своей чрезмерной занятости. Задаю несколько вопросов по пройденным темам — знания слабые. Да и откуда им быть, когда в журнале посещаемости против его фамилии стоят прочерки.

— Договоримся так, товарищ Арутюнов, — говорю ему в заключение, — я попрошу вашего начальника не назначать вас на работу, даже на очень срочную, в часы политзанятий. А вы к следующему разу прочитайте и постарайтесь законспектировать вот эту главу учебника.

Кажется просто: доложил командиру, тот приказал — и всё в порядке: систематически пропускавший занятия солдат сидит за столом, уткнувшись в книгу, делает вид, что читает заданное. А как же сделать так, чтобы этот солдат пошёл на политзанятия с желанием, по велению сердца, чтобы он сам расчищал препятствия, мешающие вовремя явиться в класс? Тут многое зависит от пропагандиста; сумеет он увлечь человека — будет толк.

— Опять слабо подготовились, товарищ Арутюнов, — говорю ему после занятия.

— Некогда было, товарищ лейтенант, — не моргнув глазом отвечает он.

— Время-то было. И в кино вчера ходили, и костяшками домино стучали. Так ведь?

Арутюнов молчал.

— Очевидно, нет у вас желания заниматься. Совсем отстали от товарищей. Придётся создать группу отстающих и перевести вас туда.

— Меня? В «слабаки»? — задохнулся Арутюнов.

Обрываю разговор и ухожу. На следующем занятии делаю вид, что вовсе не интересуюсь Арутюновым. Спрашиваю других, рассказываю тоже как бы только для других. Не выдержал Арутюнов, подошёл ко мне после занятий:

— Товарищ лейтенант, почему меня не спросили?

— Слабо готовитесь, и времени у вас нет и желания…

— Неправильно это! — обиженно сказал он.

Задел за живое, уязвил самолюбие Арутюнова этот разговор. А дело от этого выиграло: он стал охотнее приходить на занятия, приглядываться к товарищам, больше читать, думать над прочитанным.

В числе «малоактивных» слушателей в группе считался солдат Розенберг, родом из Прибалтики. Русским языком владел он слабо. Подойдёшь к нему во время рассказа, а у него раскрыта какая-нибудь книга или лежит начатое письмо. С ним также пришлось «повозиться», чтобы привить вкус к учёбе. Бывало и так.

Вдруг на занятиях потехи ради выкинет какой-нибудь «номерок» солдат Константинов — разбитной, бесшабашный парень, успевший уже познакомиться с гауптвахтой, свыкшийся с кличкой «отпетого». Тут уж приходилось прибегать к власти, использовать свои права старшего.

Отрадно, что усилия лучших моих слушателей не пропали даром. Группа дважды на инспекторских проверках удостаивалась отличной оценки. Впрочем, не столько уж дело в оценках, сколько в том, что люди заметно выросли, твёрже стала дисциплина, ревностнее несли они службу. А это — главное.

В полку жизнь била ключом. После полётов и занятий мы сходились в клубе, где проводили репетиции предстоящего концерта самодеятельности, занимались в спортзале, смотрели новые кинофильмы.

Друзья-однополчане. Второй справа — лейтенант Герман Титов.

Однажды в клубе я познакомился с девушкой. Её звали Тамарой. Сюда, к нам в Ленинградский военный округ, она приехала с Украины, из Донбасса и работала на нашем аэродроме. У нас с ней нашлось много общего, интересующего обоих. Тамара оказалась интересной собеседницей, она близко

принимала к сердцу наши лётные успехи и промахи. Вскоре мы стали с ней ездить в выходные дни в Ленинград, любоваться красотой белых ночей, бродить по аллеям Петродворца, восхищаясь прелестью фонтанов.

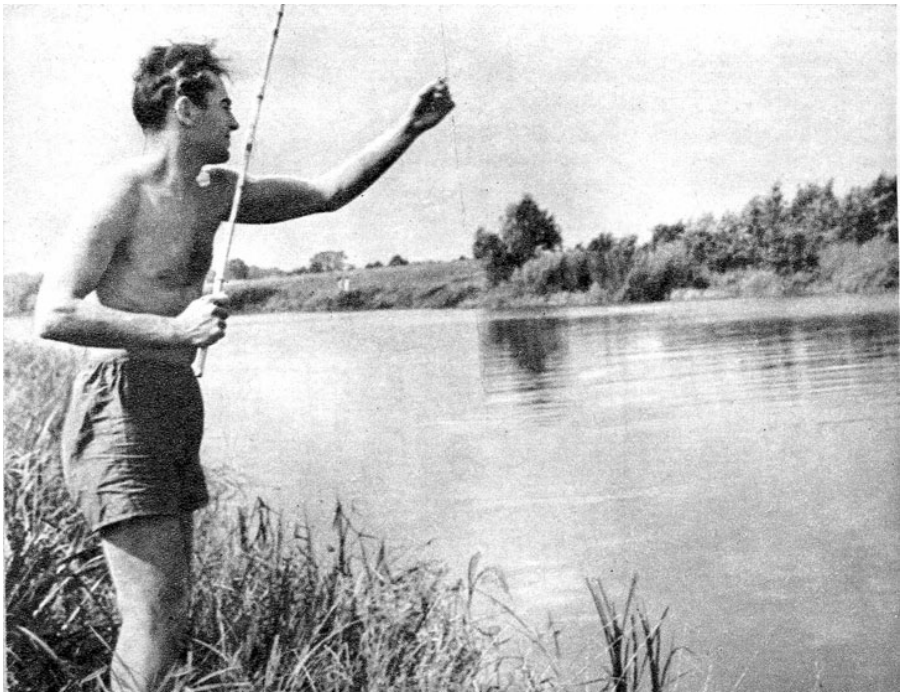
И не так уж много времени прошло со дня нашего знакомства, как я написал отцу на Алтай о том, что собираюсь покончить со своим холостяцким образом жизни. Отец не замедлил с ответом. Он писал, как всегда, кратко, но поучительно: «Смотри, сын, если любишь по-настоящему, как я твою мать, то не упускай своего счастья. Но помни: жизнь прожить — не поле перейти. Если возьмётесь за руки, то не упускайте друг друга никогда, ни при каких трудностях. Ты постарше — на тебе особая ответственность, как на мужчине. Береги её, жалей, но не балуй. Сам тоже смотри за собой построже: с тебя, как с семьянина, будет больший спрос. Передавай ей привет от нас. Хотелось бы её увидеть, но, видимо, не удастся до вашего приезда. Целуем. Отец. Мать».

Шумной свадьбы не было. Просто друзья и подруги Тамары посидели за праздничным столом. Нас поздравили командир полка, его заместитель и, конечно же, Степан Илларионович Шулятников. Командир эскадрильи от всего сердца приветствовал мой выбор и пожелал по профессиональной привычке хорошей «слётанности» в семейной жизни.

Герман Титов со своей женой Тамарой Васильевной.

Ряды холостяков, живших в гостинице, таяли. Вслед за мной женились и другие товарищи. И только Михаил Севастьянов и Николай Юренков ждали своих нареченных. Но дружба их со мной не прекратилась. Вместе ходили на полёты, вместе выступали на концертах художественной самодеятельности. Кроме чтения стихов, увлекался я и акробатикой. Выступал в партерной группе. Вместе ездили в гости к шефам на хлебозавод. Давали там концерты, рассказывали о полётах на реактивных самолётах, о перспективах развития советской авиации. Немало друзей появилось у нас на хлебозаводе. И это радовало, обогащало нас, заставляло глубже понять смысл общего труда строителей коммунизма.

В библиотеке.



На рыбной ловле.

Велосипедная прогулка.

На охоту...

Велосипедная прогулка. На охоту...

А лётная учёба шла своим чередом. Мы приступили к выполнению трудных упражнений по сложному пилотажу, к полётам парой самолётов. Я всегда с удовольствием летал в зону. Мне нравилось в безбрежном небе выписывать фигуры сложного пилотажа. Следуя советам командиров, я старался добиваться чистоты пилотирования, энергичного выполнения каждой фигуры. Так же действовали и другие лётчики нашего звена. Вскоре приказом по полку звено было объявлено отличным.

Вершина мастерства лётчика-истребителя — воздушные бои. В них, как в зеркале, отражаются все его качества, мастерство пилотирования, воля, смелость, находчивость, умение вести меткий огонь. Вначале мы проводили учебные воздушные бои, выполняя заранее обусловленные манёвры. Затем перешли к так называемому свободному воздушному бою. Перегрузки в полёте я переносил хорошо. Помогали систематические тренировки. Поэтому в воздушном бою хотелось действовать с полной нагрузкой, выполнять манёвры энергично, стремительно. Командиры старались сдерживать нашу горячность. Иногда и мне попадало за излишнюю резвость. Ведь бой-то учебный, и в нём неизбежны какие-то условности, ограничения, диктуемые правилами безопасности полётов.

Особенно я любил летать на учебный воздушный бой с Николаем Степановичем Подосиновым.

Стоял жаркий летний день. Солнце нещадно палило. До металлической обшивки самолёта нельзя было дотронуться. Мы поднялись с Николаем Степановичем в воздух. Придя в зону, он передал по радио:

— Расходимся.

После встречи он дал мне возможность зайти в хвост его самолёта.

— Ну, а теперь держись! — задорно воскликнул он и начал головокружительный каскад фигур, стараясь оторваться от моего самолёта и выйти из-под атаки.

Признаться, мне пришлось нелегко. Ведь Подосинов — опытный лётчик, мастер своего дела. Но я поставил себе целью не выходить из атаки, удержаться в задней полусфере его самолёта. Несколько минут длился поединок. Потом мы поменялись ролями. Подосинов меня атаковал, я уходил из-под удара. Именно в таких полётах, при полном напряжении сил мы получали хорошую лётную закалку.

После полёта я подошел к Николаю Степановичу получить замечания. Поправляя прилипшую ко лбу прядку волос, он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Не жарко? Вы даже и не вспотели.

— Да, вроде, нормально, — ответил я.

— Ненасытные вы люди, молодёжь! — заметил Подосинов.

Воздушный бой — дело творческое. Ещё раньше, читая книги трижды Героев Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина, Ивана Никитича Кожедуба и других наших прославленных лётчиков, я уяснил эту истину. Как настойчиво во фронтовых условиях они искали новые тактические приёмы воздушного боя, так и мы, освоив учебные воздушные бои, старались действовать в воздухе творчески. Сколько у нас было горячих споров о том, каким манёвром лучше выйти из-под удара «противника», как лучше его атаковать! На эти и многие другие вопросы мы старались ответить, доказывали свою точку зрения, проверяли её в полётах.

Однажды при выполнении упражнения по воздушному бою мне пришлось уходить из-под атаки командира звена. Я сделал это одним из принятых тогда способов. Но, когда продешифрировали плёнку фотокинопулемётов, выяснилось, что командир звена «поразил» мой самолёт именно в момент выхода из-под атаки. Этот случай обсудили всем звеном. Высказали мысль, что можно сорвать атаку манёвром не вправо, как это делалось типовым способом, а влево. Одни лётчики поддержали это, другие возражали. Предложенный манёвр им казался необычным и сложным. Вспыхнул острый спор. Кто же прав? С разрешения командира проверили предложенный манёвр на практике, уточнили его и пришли к единому мнению. Так родился новый тактический элемент, который мы взяли на вооружение.

Особенно запомнился мне зачётный полёт на перехват воздушной цели. Я принял готовность номер один. Слышу команду:

— Вам взлёт.

Не теряя ни секунды, поднимаюсь в воздух. Связываюсь с командным пунктом.

— Курс такой-то. Скорость такая-то, — передаёт штурман наведения.

Стараюсь точно выдержать заданный режим полёта. Вот где потребовалась точность пилотирования! Надо прямо сказать, ювелирная точность. Малейшее отклонение — и все расчёты пойдут насмарку. Выполняю разворот. Ещё небольшой доворот, и слышится команда:

— Цель впереди слева…

До боли напрягаю зрение, сосредоточиваю всё внимание на заданном секторе. Надо во что бы то ни стало первым обнаружить

самолёт «противника». Это во многом зависит от точности наведения, но не в меньшей мере и от самого лётчика. Чем раньше обнаружишь цель, тем легче построить манёвр для выхода в атаку. Вижу, на солнце что-то блеснуло. «Противник!» И когда отчётливо увидел его, тотчас же передал на командный пункт:

— Цель вижу, атакую!

Три слова. Но сколько труда надо потратить, чтобы их произнести! Напряжённая работа в классах, на аэродроме, систематические тренировки на земле и в воздухе — всё это необходимо для обнаружения воздушной цели в безбрежном небесном океане. Однако впереди не менее трудный этап — атака.

Быстро занимаю исходное положение и строю манёвр для сближения на дальность открытия огня. Вдруг вижу: самолёт «противника» энергично рванулся в сторону. Но поздно. Он уже в перекрестии моего прицела.

Так этап за этапом осваивали мы сложную профессию лётчиков-истребителей. Вскоре начались полёты ночью и в сложных метеорологических условиях. Так называемые провозные полёты мне давал командир звена Вячеслав Станиславович Петровский. Кажется, особых претензий он ко мне не имел.

Но скольких трудов это стоило мне! Я особенно старался как можно твёрже закрепить навыки полёта по приборам. Ведь они нужны не только в сложных метеорологических условиях, но и ночью. Большую службу сослужил здесь систематический тренаж на земле. Я и мой друг Юренков не упускали возможности потренироваться лишний раз.

В группе политических занятий, которую я вёл, был рядовой Миненко. Он заведовал тренажной аппаратурой. Бывало, приду к нему и говорю:

— Запускай!

Миненко знал мою страсть к тренажам. Он садился за пульт руководителя, и начинался «полёт». Увлёкшись, я не замечал, как пробегало время.

Здесь, в тренажной комнате, находился график учёта тренировок лётчиков. В конце тренажа Миненко с улыбкой говорил:

— Давайте отметим тренировку, закрасим квадратик.

— Не надо, это не в счёт…

Когда мне пришлось много, очень много тренироваться при подготовке к полёту в космос, я с благодарностью вспоминал тех командиров, которые ещё в полку привили мне любовь к различного рода тренажам.

Полёты, связанные с пилотированием по приборам, меня

увлекли. Возникали острые моменты. Командиры, обучавшие нас, старались в полной мере использовать эти полёты для выработки у нас быстроты реакции, сообразительности, находчивости. Летим, бывало, в облаках, а командир звена отключает авиагоризонт — прибор, показывающий положение самолёта в пространстве. Нужны навыки, чтобы вовремя заметить это и перейти на пилотирование по другим приборам. Не сразу давалось это. Первое время, пока заметишь неправильные показания авиагоризонта, самолёт свалится в крен. Потом с помощью тренировок мы стали быстро реагировать на «выход из строя» того или иного прибора.

Известно, что при полёте на космическом корабле «Восток-2» мне пришлось управлять им. По сути дела, это тоже был полёт по приборам. Как же мне пригодились здесь навыки, приобретённые ещё при полётах на истребителе! Распределение внимания, быстрота реакции, координация движений — эти качества необходимы как лётчику, так и космонавту.

Вечерами, после дневных полётов или теоретических занятий, мы, офицеры, нередко заходили в Ленинскую комнату, чтобы потолковать по душам с солдатами и сержантами, ответить на интересующие их вопросы, подтолкнуть их мысль на нужное, полезное дело. Как-то раз, незадолго до увольнения в запас воинов, отслуживших срок действительной службы, возник у меня разговор с ефрейтором Олегом Уманко.

— Скоро, значит, и по домам, — сказал я ему, придя в казарму. — Кончается, значит, служба…

— Кто по домам, а кто и не знает, куда, — неопределённо ответил Уманко, и лицо его стало грустным.

— Это почему же?

— Да так сложилась у меня жизнь, что и ехать некуда, товарищ лейтенант. Нет у меня ни дома, ни родных.

Уманко махнул рукой и, сникнув, замолчал. Мы присели и разговорились. Начиная разговор с Уманко, которому вскоре предстояло увольняться в запас, я и не думал, что дело обернётся такой стороной: из тысячи дорог надо выбрать одну, чтобы потом не каяться, не переделывать заново жизнь. Как найти её?

— Может, останетесь на сверхсрочную службу? — не совсем уверенно предложил я.

— Нет, товарищ лейтенант. Надо что-то другое придумать. А что, не знаю сам.

— Куда-нибудь тянет? В Сибирь, например, на целинные земли. Туда сейчас многие едут.

— А что за края такие? Вы ведь сибиряк, помню, рассказывали о Сибири…

— Расскажу ещё раз, — с готовностью предложил я, — и Кузбасс, и районы целинных земель от нас недалеко. Барнаул, Кулунда — это соседи. А на север — Новосибирск, город заводов и институтов.

— Очень хочу услышать о тех краях, — сказал Уманко. — Да и не я один… Есть ещё у нас такие, вроде меня. Думаем вместе в новые места двинуть, а куда, пока не решили.

В тот вечер собралось в Ленинской комнате до десятка комсомольцев из числа тех, кто готовился к увольнению в запас. Повесили на стену большую карту, и я с удовольствием рассказывал о родной Сибири, о её богатствах, о прошлом и будущем.

В ту пору целина уже переставала быть целиной, новостройки Сибири обрастали корпусами жилых кварталов, дымили трубами новых предприятий, а новосёлы вновь созданных посёлков и городов именовали себя старожилами. И всё же поток людей, едущих в Сибирь, не сокращался. Партия звала осваивать её несметные богатства, ставить их на службу народу.

— Всё будет: работа, учёба, жильё… Но не сразу, — говорил я, — на первых порах надо быть готовым ко всему.

— Это понятно, — отвечал Олег Уманко, — не к тёще на блины едем. Но нам бы, товарищ лейтенант, хотелось всей группой вместе, на одну стройку…

Кажется, с этого и началось. Занялись этим делом партийная и комсомольская организации, политработники. Хорошо была организована подготовка людей, наладили связь с местами. Состоялись проводы группы увольняемых в запас солдат и сержантов, которые ехали на новостройку под Новосибирск. Среди них был и Олег Уманко. Позднее от этих ребят приходили письма. Они сообщали, что работают вовсю, устроились с жильём, учатся, а кое-кто уже обзавёлся семьёй. Размышляя над этими письмами, полными ярких красок и сильных переживаний, я думал, как много свежести, красоты и власти над людьми таится в человеческом слове.

Весной 1958 года мы узнали новость, которая нас особенно обрадовала: 15 мая в космическое пространство устремился третий искусственный спутник Земли. В разговорах между собой мы высказывали разные предположения. Один говорил, что скоро человек полетит на Луну, другие считали, что это невозможно до тех пор, пока учёные не исследуют самым тщательным образом возможности жизни в космосе. Много высказывалось и других мнений. Но никто и не знал о той огромной работе в деле освоения космоса, которую уже тогда направляли Центральный Комитет КПСС и Никита Сергеевич Хрущёв.

Подошло время отпуска. Решил слетать домой, на Алтай, на новом пассажирском корабле «ТУ-104». Этот самолёт к тому времени уже был освоен на трассах Гражданского воздушного флота. Об этой машине многое писалось в печати. Вокзал Внуковского аэродрома был переполнен людьми. Одни готовились к отлёту в Сибирь и на Украину, другие — на Дальний Восток, на Кавказ, третьи — за границу. Когда по радио сообщили, что улетающим в Новосибирск «надо подготовиться», я вышел из зала ожидания и остановился у железной решётки.

— Через пять часов будем дома, — сказал пожилой человек с характерным жёстким сибирским оттенком в голосе.

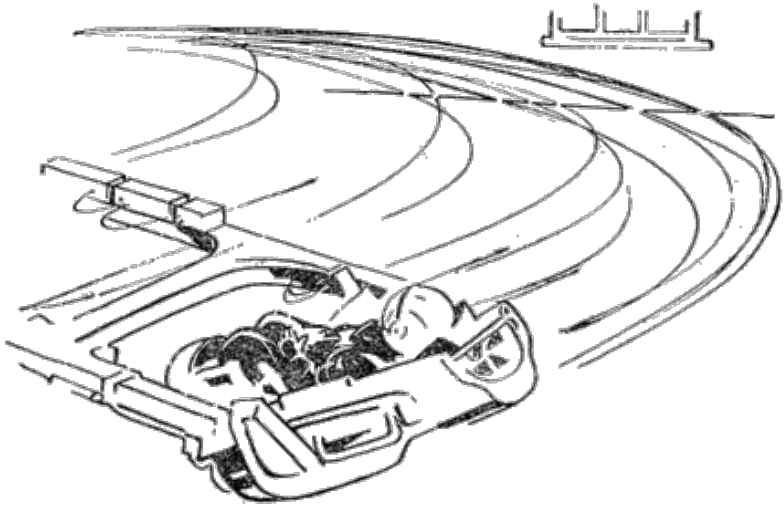
Услышав знакомую речь, я обернулся. Позади стояли четыре пожилых человека — мои земляки. Они были одеты скромно, держались с достоинством. Продолжая начатый разговор, стоявший рядом со мной сказал:

— Каким стало ныне время! Пять часов — и Новосибирск!

Когда мы прибыли в Новосибирск, мои земляки спустились с реактивного корабля, словно с порога родного дома. И, глядя им в след, я сказал сам себе:

«Как далеко шагнула наша авиация!»

Становлюсь космонавтом



Кажется, только вчера раскрылась передо мною панорама Ленинграда, его проспекты, площади, парки, музеи, только совсем недавно поднялся на самолёте-истребителе, чтобы перехватить воздушную цель, и полковые друзья поздравили меня со званием военного лётчика третьего класса. И всё это близкое осталось уже позади.

Впереди у меня несколько дней испытаний тишиной в изолированной сурдокамере. Я знал, что человек порой страдает от одиночества, но всё же спокойно шагнул за порог нового необычного жилища и, прежде чем захлопнулась дверь, услышал напутственный голос врача:

— Не скучай, Герман! Держись веселее!

Как ведёт себя человек в условиях абсолютной тишины, когда внешний мир, полный звуков, привычных человеку, сменится миром полного безмолвия? Этот вопрос — далеко не праздный не только для работников авиационной и космической медицины, но и для нас, людей, готовящихся к космическим рейсам. Каково будет состояние человека после часа пребывания в абсолютной тишине, после суток, после двух, трёх?

Испытание тишиной, вернее, тренировки в условиях абсолютной тишины, — один из этапов нашей подготовки. К нему мы готовились заранее, стараясь внушить себе мысль о том, что

это — обычное, будничное задание и выполнить его надо как можно лучше.

Медленно закрылась герметическая, с мягкими прокладками дверь, потом другая — и всё смолкло. Я остался, словно на необитаемом острове, один на один с собою, если, конечно, не считать различных приборов и объективов самых беспристрастных судей — телевизионных установок. Это, пожалуй, единственное, что связывает с внешним миром. Так будет и там, в космосе.

В сурдокамере.

Выполняю первые задания. Затем беру в руки книгу и углубляюсь в чтение. Пытаюсь сосредоточиться, вжиться в прочитанное. А вокруг тишина. Безмолвная, безжизненная. Словно я нахожусь не в тренировочной камере на земле, а в кабине космического корабля, несущегося в бескрайних просторах Галактики.

Как попал я сюда, в этот непривычный мир, как сменил тесную, но такую уютную, ставшую уже любимой кабину «МИГа» на сурдокамеру?

Вспоминаются дни, проведённые в госпитале, где из многих подобных мне молодых людей отбирали группу будущих космонавтов. Главными судьями были врачи самых различных

специальностей. Каким должен быть космонавт? По этому вопросу среди врачей велись споры, сталкивались разные точки зрения. У одних требования были чрезмерно высокими: космонавт им представлялся необыкновенным человеком. Другие утверждали, что в космос можно послать человека любой профессии, обладающего средними физическими данными. Эти споры не трудно понять: ведь ещё только-только зарождалась совершенно новая профессия, и только практика могла создать более точные критерии, определяющие облик космонавта.

Нас, кандидатов в космонавты, было немало. Но мы быстро перезнакомились друг с другом. По засыпанным жёлтыми листьями дорожкам прогуливались мы в свободные от процедур часы, обсуждая события последнего времени. Жадно вдыхая смолянисто-сосновый воздух, щурясь от косых лучей осеннего солнца, не спеша считали шаги от главного корпуса до самого отдалённого уголка парка, приглядываясь друг к другу. Желание стать космонавтом было у всех сильное. Кандидатов было больше, чем требовалось космонавтов, но мы были дружны, понимая, что дело, ради которого находимся тут, в госпитале, нужно Родине.

Многие из нас, что называется, наизусть знали о том, что уже сделано нашей страной в покорении космоса. Первый, второй, третий искусственные спутники Земли, первая космическая ракета — таковы важнейшие этапы уже пройденного пути. Что больше всего поражало наше воображение, так это последовательное и весьма значительное увеличение веса спутников. Если первый из них весил чуть больше 80 килограммов, то второй — более полутонны, а третий — больше тонны. Вес нашей первой космической ракеты, умчавшейся в звёздное пространство в самом начале 1959 года, составлял почти полторы тонны.

Наша мощная социалистическая экономика, смелые замыслы учёных и неустанная забота партии, её Центрального Комитета и лично Никиты Сергеевича Хрущёва о развитии отечественной космонавтики с каждым днём выводили Советскую страну на новые рубежи в освоении звёздных просторов. Нашему народу стала по плечу величайшая задача человечества — разгадка вековых тайн мироздания. На очереди вопрос о полёте человека в космос. И, конечно, когда в полку офицер Подосинов сказал мне, что он готов меня рекомендовать кандидатом в космонавты, я ответил немедленным согласием.

— Только пока об этом никому ни слова, — предупредил Подосинов, — а вот с женой посоветуйтесь…

— Она согласится!

— Должна согласиться. Но дело сложное. Надо хорошенько всё объяснить.

Подосинов многозначительно посмотрел мне в глаза, словно предупреждая, что разговор с женой на эту тему окажется не таким уж простым, как он мне представлялся. И, как всегда, Николай Степанович Подосинов оказался прав. Его опыт, знание жизни, людей не раз оказывали нам, молодым лётчикам, неоценимую помощь в решении самых сложных вопросов.

Тамара, как, впрочем, и все жёны лётчиков, волновалась за исход каждого лётного дня. Это беспокойство вполне понятно: ведь полёт на современном истребителе на больших высотах, огромных скоростях сопряжён порой с неожиданностями. Особенно беспокоилась Тамара, когда у нас происходили ночные полёты. Бывало, возвращаюсь под утро, а она не спит, ждёт меня с книгой в руках.

Было ещё одно немаловажное обстоятельство в нашей семейной жизни. Тамара готовилась стать матерью. Словом, совет старшего товарища о том, чтобы поговорить о будущей профессии с женой, был кстати. Тамара хорошо поняла меня, осознала всё то, что было связано с таким довольно крутым поворотом в жизни, и, согласившись с этим, не только не отговаривала меня от нового пути, а поддерживала, вселяла бодрость, уверенность в успехе. Она приветствовала мою смелость и дала мне почувствовать это.

С чувством готовности к новым, неизведанным путям и прибыл я в небольшой, тихий госпиталь, затерявшийся в берёзовой роще. Кандидаты в космонавты! Как много потребовалось от нас, чтобы стать ими! Десятки исследований, беседы с врачами и испытания, испытания, испытания…

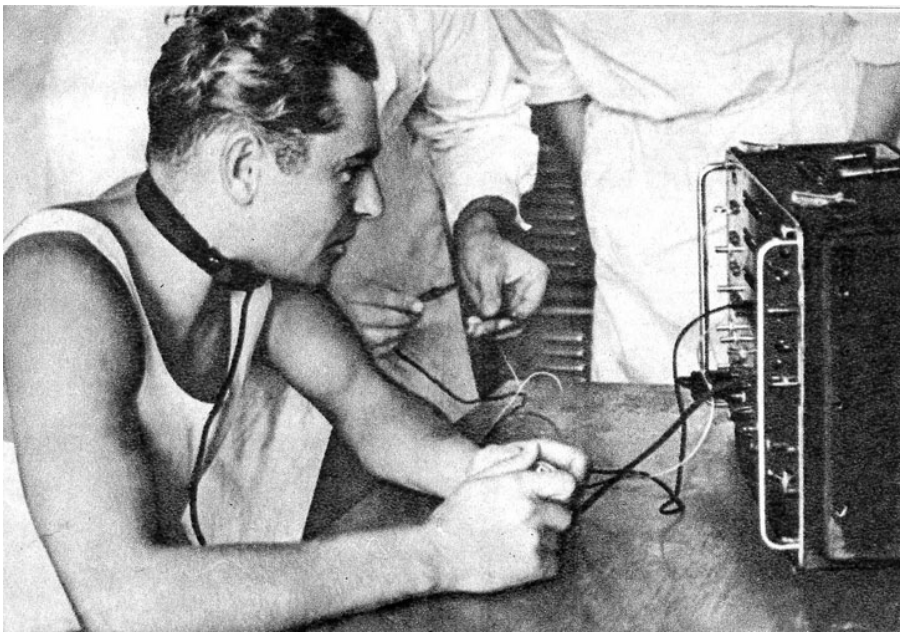
…Барокамера. Лётчикам она хорошо знакома. В ней не раз приходилось совершать «подъёмы» на большие высоты в довольно ограниченное время. Дышать кислородом — также дело привычное. Врачи зорко следят за изменениями в организме того, кто находится в барокамере. И однажды было так, что пришлось прекратить испытания: испытуемый плохо переносил разреженную атмосферу. У него появилось учащённое дыхание, закружилась голова, ещё мгновение — и человек мог потерять сознание.

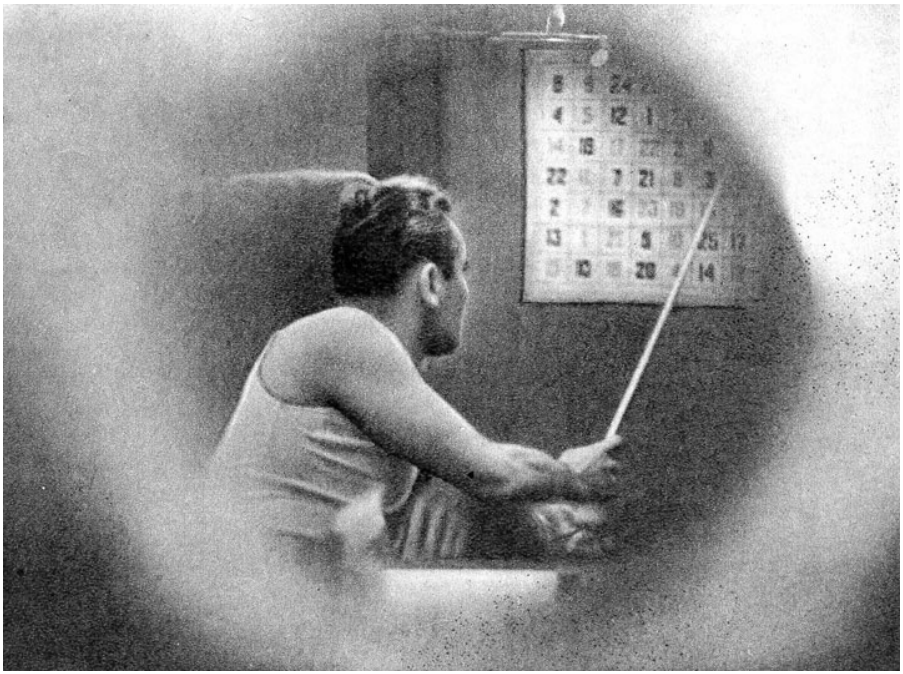
Надев кислородную маску, сижу и я в барокамере. Там, за металлической обшивкой, врачи следят за показаниями приборов. Чувствую, как дышать становится всё труднее. «Спокойнее», — говорю себе.

До чего же медленно текут минуты! Учащается пульс. Это закономерно, и я вновь успокаиваю себя. Знаю, там, на пульте

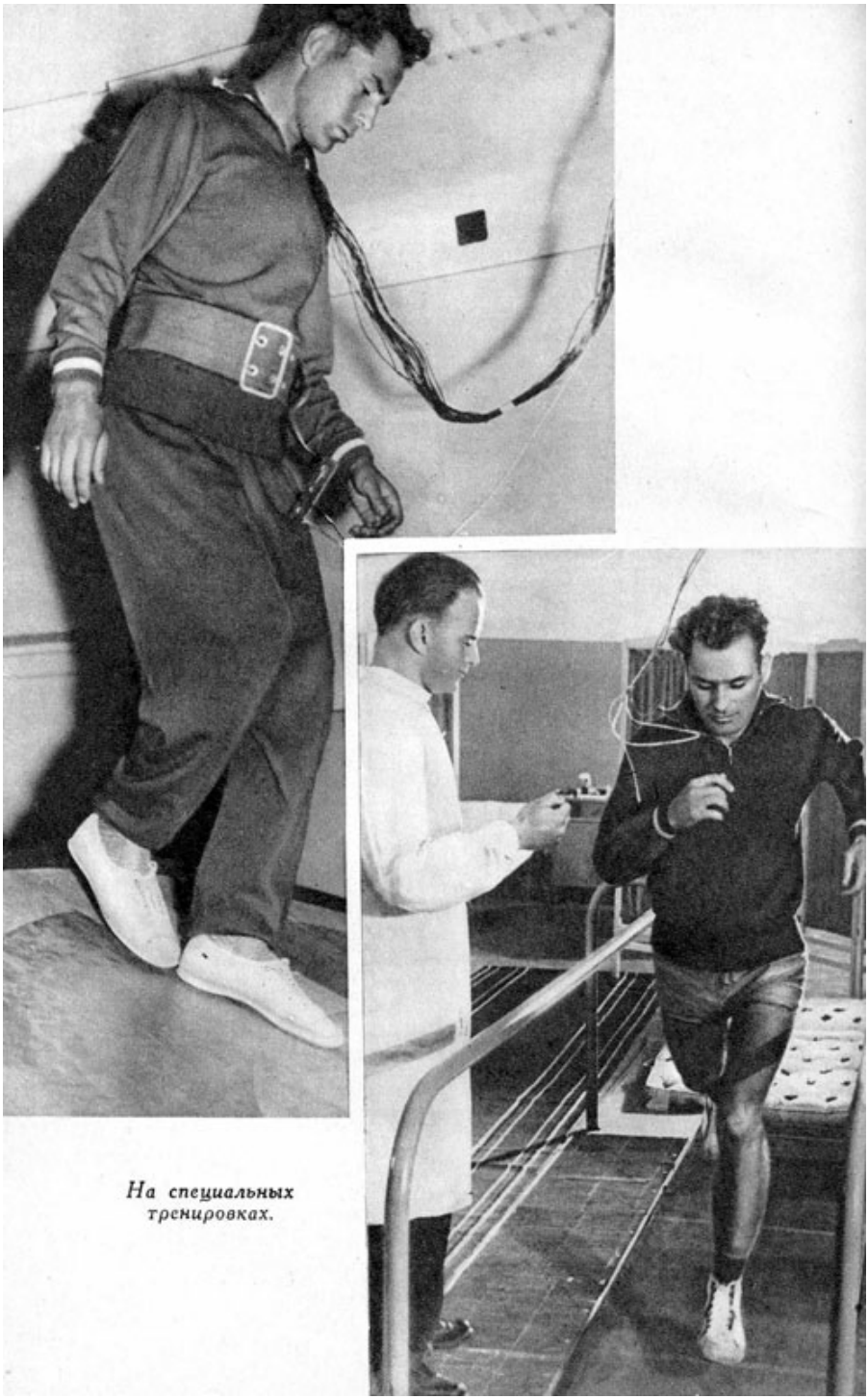
управления, многоканальный прибор постоянно информирует врачей о том, как работают мои сердце, мозг, какова частота дыхания, каково артериальное давление крови. Самописцы ведут кривые, на экранах приборов мелькают штрихи, рассказывая врачам о состоянии моего организма.

Распахивается дверь — и мне предлагают выйти из барокамеры. Неторопливо снимаю кислородную маску, затем выхожу в комнату и подвергаюсь придирчивому осмотру врачей. По их довольным лицам заключаю: испытание выдержано.



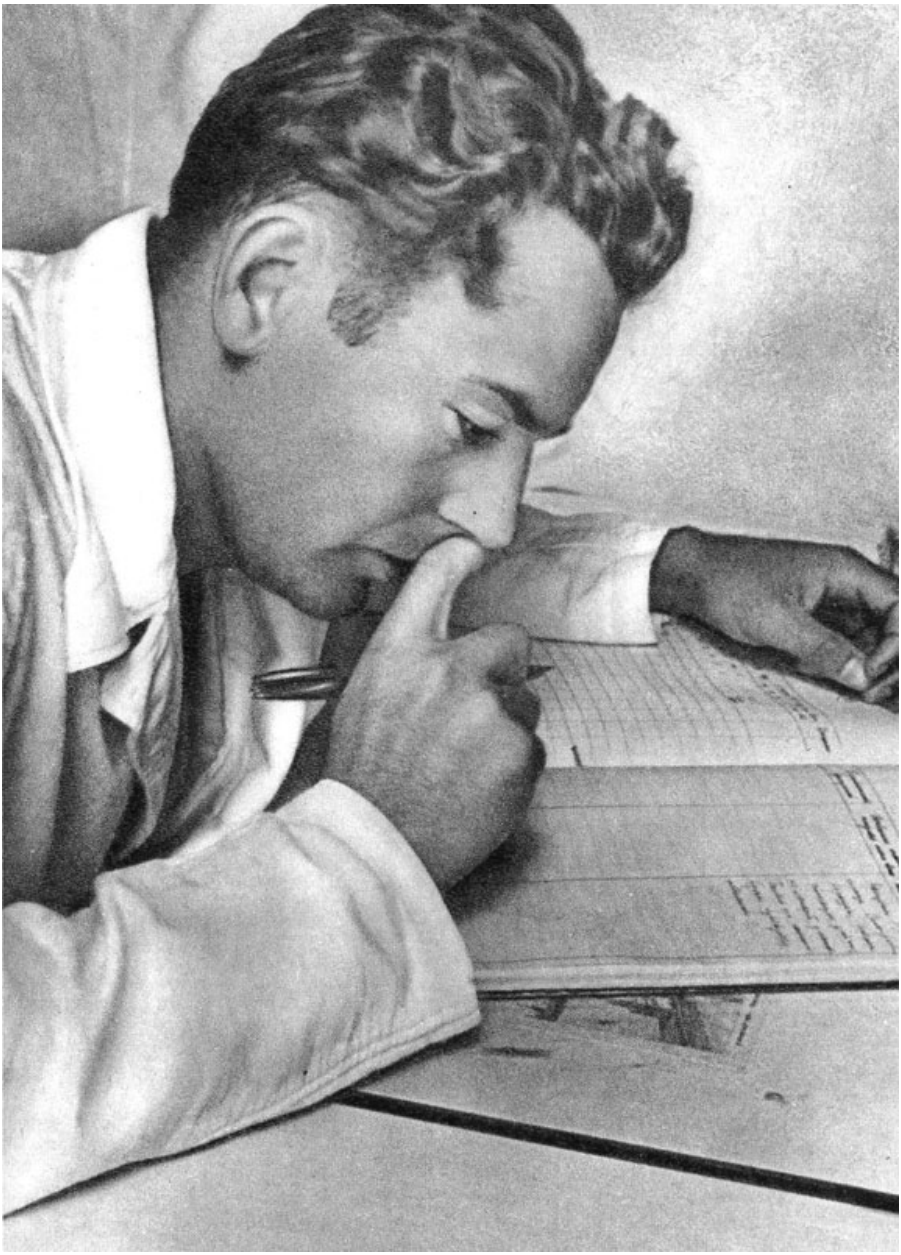


Герман Титов проходит медицинские исследования.



На специальных тренировках.

На специальных тренировках.



Герман Титов заполняет дневник космонавта.

На занятиях в спортивном городке

На занятиях в спортивном городке.

В кабине «Ротора».

Как только не называли мы центрифугу — специальный аппарат, предназначенный для подготовки организма к перенесению больших перегрузок! Но чаще всего «чёртовой мельницей», и неспроста: в комнате по соседству с центрифугой висели необычные плакаты — фотографии электрокардиограмм с весьма неприятными надписями, вроде: «Судороги», «Обморок». Подобные явления случались, и нередко, когда испытуемого вращали на центрифуге в положении сидя. Довелось и мне побывать на ней, но всё обошлось благополучно. Даже перегрузки в направлении «голова — таз» тогда не показались мне уж столь трудными. Словом, «чёртова мельница» была не так уж страшна, как о ней говорили.

Многим случалось ездить в стареньких, полуразбитых автобусах. Стоишь в проходе или сидишь на кресле и ощущаешь неприятное состояние во всём теле. Трясёт мелко-мелко, и, как ни пересаживаешься, тряска не проходит. Это разбитый автобус вибрирует, откликается на малейшие неровности дороги. Нечто подобное ощущаешь и во время тренировок на специальном аппарате — вибростенде. В полёте на ракете вибрации от работающих двигателей неизбежны, и поэтому врачи хотели

заранее выяснить, как человек переносит эти неприятности. К вибростенду пришлось также привыкать. На одно из очередных испытаний я даже взял с собой книгу и попытался читать. Сначала не получалось: буквы мелко дрожали, расплываясь в бесформенные строки. Потом, взяв книгу покрепче в руки, освоился, стал довольно сносно разбирать текст, даже заинтересовался содержанием.

Дни шли, а я всё ещё находился в госпитале. Здоровому человеку надоедают бесконечные больничные процедуры.

— Поскорее бы отсюда выйти, — сказал я как-то врачу-психологу на его вопросы о самочувствии.

— Трудно? Тяжело? — переспросил врач, испытующе глядя мне в переносицу.

— Не то чтобы трудно, — отвечаю, — но мне, здоровому человеку, лежать в палате и ничего не делать просто нудно. Сказали бы сразу: годен или нет.

— Вот вы о чём, — понимающе улыбнулся врач.

Переставляя на столе приборы и инструменты, отсвечивающие холодным металлическим блеском, он разговорился, стал разъяснять, почему необходим строгий отбор тех, кто намеревается отправиться в космос.

— Ведь мы идём неизведанными путями, и малейший просчёт будет непоправим! — говорил врач. — Надо точно выяснить, как переносятся различные нагрузки. Это задача со многими неизвестными. Ясно одно: человек, который полетит на космическом корабле, должен быть абсолютно здоровым. Так что помиритесь с процедурами…

Надо так надо. В который раз покорно беру из маленьких рук медсестры градусник, зажимаю его под мышкой и углубляюсь в чтение романа о жизни воинов-десантников. Через десять минут медсестра забирает градусник у меня и встревоженно покачивает головой.

— Что такое?

— Тридцать семь и шесть. С такой температурой нужен постельный режим, — отвечает она.

— Да, постельный режим! Испытания прекратить! — безапелляционно заявил терапевт.

Пришлось покориться, сгонять температуру, бороться с насморком. Всё это очень тревожило: вдруг отчислят, как уже отчислены многие кандидаты? А тут ещё анализ показал повышенное РОЭ — следствие простуды. Терпеливо лечусь, глотаю какие-то горькие лекарства.

Прошло несколько дней. И мне выдали документы, приказали возвращаться в полк, продолжать службу. А как же с космосом?

— Решение будет принято позднее, — малоутешительно отвечают мне. — Поезжайте в часть, приступайте к полётам.

Снова родной полк, нетерпеливые вопросы догадливых, любопытных друзей. Что ответить им? «Никак», — большего сказать не могу. Опять полёты на «МИГе», тренажи, разборы полётов, всё возрастающая тревога за здоровье жены, готовящейся стать матерью и поэтому подверженной частой смене настроений.

Ещё один вызов в Москву. На этот раз услышал долгожданное: зачислен. Один из членов комиссии сказал, что за мою кандидатуру особенно ратовал доктор Евгений Алексеевич — человек, с которым мы не раз толковали по душам.

Вернулся в свой авиагородок.

— К новоселью всё готово! — радостно встретила меня жена, по-хозяйски расположившись в новой комнате и своим присутствием как бы всё осветив вокруг.

Жизнь наша только начиналась, и надо было её ломать.

— Не будет новоселья. Уезжаем отсюда, — сказал я, оглядываясь вокруг. В комнате было уютно, и этот домашний уют, созданный любимыми руками, чувствовался во всём.

— Значит, да? Зачислили?

— Зачислили!

И вот я прощаюсь с полком, с командирами, с друзьями. И радостно и грустно. Радостно от сознания того, что предстоит большая и интересная работа по овладению новой профессией. Грустно оттого, что приходится расставаться с интересной службой, с товарищами по полку, по комсомольской организации. Спасибо вам, мои старшие товарищи, командиры, всегда уверенный в своих подчинённых Николай Степанович Подосинов; строгий, не дающий спуску за малейшие ошибки и одинаково заботящийся о каждом лётчике Степан Илларионович Шулятников; мастера высшего пилотажа, которых мы считали виртуозами, Николай Васильевич Поташев, Николай Евграфович Степченков и Алексей Данилович Никулин! У вас была бездна познаний, и от каждого из вас почерпнул я немало опыта, знаний и навыков. Никогда до этого не задавался я мыслью о том, каких трудов стоило вам сделать из меня лётчика. До свидания, друзья по училищу и по полку Коля Юренков, Лёва Григорьев. Высокого вам неба!

Герман Титов среди своих бывших однополчан. Слева направо: С. И. Шулятников, Н. С. Подосинов, Г. С. Титов, Н. Е. Степченков, Н. В. Поташев.

…Впрочем, довольно воспоминаний. Не ради этого нахожусь я в сурдокамере. Пора за работу. На листе бумаги — длинный перечень заданий, которые надо выполнить. Ведь пребывание в полнейшем одиночестве нужно не только мне, это не только тренировка будущего космонавта в условиях абсолютной тишины, но и медицинский эксперимент.

Тихо, очень тихо, пожалуй, даже это слово не подходит для точного определения обстановки, окружающей меня. Полнейшее безмолвие. Ни стука, ни шороха, ни всплеска, ни вздоха. К такой абсолютной тишине надо привыкнуть, освоиться в ней, суметь сохранить, как говорят врачи, нервно-психическую устойчивость.

Оглядываю своё временное жильё с его немногочисленной обстановкой. Рядом со столом небольшое кресло. Специальный пульт, рядом с ним — телеустановка. Под руками всё, что нужно для «дальнего рейса»: пища, вода, предметы быта, книги для чтения, тетрадь для записей. Так будет или примерно так там, в космосе. Одиночество и тишина да стремительное движение в безбрежных просторах Вселенной.

Делаю записи в служебном журнале, выполняю ряд заданий. Всё идет, словно в реальном полёте. Знаю, что вахту надо нести безукоризненно точно, и не столько потому, что за мной наблюдает объектив телекамеры, сколько ради того, чтобы привыкнуть к размеренному ритму жизни в подобных условиях.

Настаёт время приёма пищи. Беру приготовленные тубы и не спеша выдавливаю их содержимое, глотаю. Довольно вкусно, а по утверждению врачей, очень питательно. Натуральная отбивная, шипящая на горячей сковородке, конечно, вкуснее, но не будем

спорить с врачами. Им виднее.

Ужин окончен. Делаю несколько записей в журнале, маленькую физическую разминку на нескольких квадратных метрах камеры и отбываю ко сну. Спокойной ночи, друзья и родные! Очередную ночь я начинаю в безмолвии и одиночестве. Это моя работа, и я выполняю её, как солдат.

Не солнечный луч и не будильник разбудил меня утром. Организм отдохнул, и приказ, отданный самому себе, точно в назначенное время прервал сон. Начался новый рабочий день. Приступаю к очередным делам, стараюсь ничего не спутать, выполнить все задания аккуратно, не упустить мелочей. А когда они все выполнены, можно и почитать. Беру томик Пушкина и повторяю строфы из «Евгения Онегина» — произведения, которое задался целью выучить наизусть.

Вспоминаю начало первой главы, и в памяти невольно встают картины Ленинграда. В любое время года он по-своему хорош и привлекателен. Может быть, меня захватывают, властно подчиняя себе без остатка, воспоминания о прошлом. Пожалуй, нет. Скорее это критическая переоценка ценностей, желание проанализировать себя, свой характер, поступки, отношение к окружающему, к своему долгу. У писателя-коммуниста Николая Островского есть изумительно сформулированное кредо жизни каждого советского человека. Речь идёт о том, чтобы, прожив жизнь, умирая, человек мог сказать, что все его силы отданы самому прекрасному на свете — борьбе за освобождение человечества.

Наивысшая цель! И высказана она человеком, перед несгибаемым мужеством которого я преклоняюсь с того дня, когда впервые познакомился с его бессмертным творчеством. Жизнь Николая Островского, его борьба, пламенные строки его книги — замечательнейший образец для нашей молодёжи. Но только почему же, «умирая, мог сказать»? Ведь и при жизни неплохо оглянуться, оценить свои дела, свой путь. Куда идёшь, успеваешь ли за стремительным движением нашей жизни, видишь ли её светлые горизонты или плетёшься едва-едва по обочине, а может, и свернул на какую-нибудь тропку, поросшую буйным чертополохом да бурьяном?

По-моему, особенно в молодые годы каждому человеку стоило бы поставить такой вопрос и ответить на него. Пусть на ходу, не сбавляя темпа жизни, но всё же посмотреть на себя со стороны строгим критическим взглядом, как принято говорить у нас в авиации, «сделать разбор полётов». В сурдокамере мне представилась такая возможность. Поэтому, наверное, так и захватили меня воспоминания. Их много, отбираю наиболее

важное, осмысливаю его, делаю выводы.

…Пусть не осудят меня друзья-однополчане, что редко писал им с нового места своей воинской службы. Подготовка космонавта — это прежде всего напряжённая работа. Продуманная, заранее очерченная графиками медицинского контроля. И мы ей отдались полностью.

Мы — это группа космонавтов. Нас отобрали из многих краёв, биографии у нас самые разные, но многое роднит, сближает. Перед каждым простираются неведомые дали.

Освоились и сдружились быстро. Сразу же условились: друг другу не прощать промахов, если что не нравится, не молчать, говорить в глаза, критиковать и по-деловому воспринимать критику. Кто знает больше или усвоил быстрее новое, поделись с товарищем. Не ленись помогать друзьям. Помни закон нашей коммунистической морали: все за одного, каждый за всех!

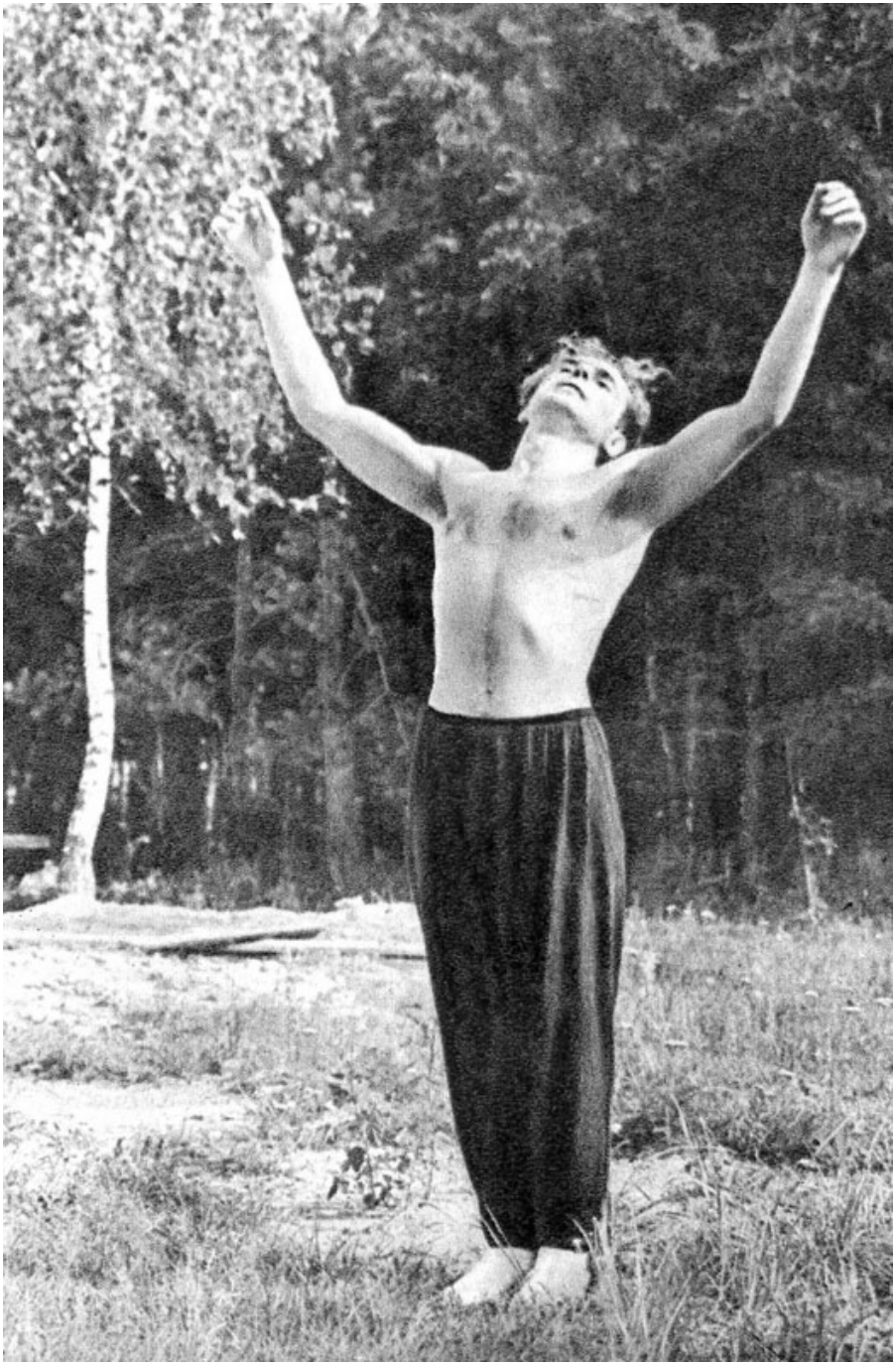
Так постепенно в нашей группе начали складываться свои традиции, неписаные правила. Возникло то гармоничное взаимопонимание, которое создаётся общностью взглядов и устремлений. Все мы как-то дополняли друг друга.

Началась учёба. Всё снова с азов — теоретические дисциплины чередовались с практическими занятиями. Ежедневно физкультура и спорт под открытым небом, на чистом воздухе.

Говорят, в спорте немало однолюбов. Понравилась, скажем, человеку гимнастика, и вот он, кроме неё, знать ничего не хочет. Что ж, возможно, это не так уж плохо, особенно если учесть, что гимнастика развивает мышцы тела, укрепляет лёгкие, сердце. Нужно ли тогда заниматься каким-нибудь другим видом спорта? Зачем? Примерно так или почти так рассуждал и я. И на эту тему с преподавателем физкультуры у нас произошёл обстоятельный разговор.

Наше утро обычно начиналось с длительной физзарядки. Первое упражнение — бег, и тоже длительный. А к бегу у меня особого пристрастия ещё с детства не было, хотя и в «Майском утре», и в Полковникове приходилось много раз и подолгу бегать вместе со сверстниками. Но тогда ещё, в школе, упав с велосипеда, я сломал левую руку, и когда она срослась, врачи сказали: только гимнастика полностью вернёт ей работоспособность. Так необходимость заставила заняться гимнастикой. Затем она полюбилась и, кажется, на всю жизнь. Я увлёкся акробатикой и, конечно, не забывал велосипеда. А тут бег. К чему он? Ведь в кабине космического корабля в программу физзарядки его не включишь. А общее развитие и тренировку блестяще даёт гимнастика. Словом, к утренним пробежкам у меня

души не лежала. Это заметил наш преподаватель.



На занятиях в спортивном городке.

— Странный у вас, товарищ Титов, подход к спорту, — сказал он мне, — на снарядах вы занимаетесь со страстью, а на пробежки идёте с холодком. В чём дело?

— У каждого, — отвечаю, — свои привязанности…

— Значит, не любите бега?

— Честно говоря, не люблю.

— Придётся полюбить.

— Насильно мил не будешь.

— Что верно, то верно, — говорит преподаватель. — Но давайте потолкуем о полезности различных видов спорта. Что даёт бег космонавту?

— Видимо, то же, что и гимнастика, велосипед, акробатика, — отвечаю, словно на экзамене.

— Нет, — перебивает меня преподаватель, — вы забываете об одном очень важном элементе — ритме. Бег и только бег вырабатывает чувство ритма в работе сердца, лёгких, всего организма.

Мы долго беседовали с преподавателем. И вышло так, что по собственной охоте стал я втягиваться в пробежки, с каждым разом увеличивая их дистанции. А это — большое дело, особенно в спорте, когда занимаешься с желанием, когда в этом ощущаешь внутреннюю потребность.

В конце концов мы нашли с преподавателем физкультуры общий язык. Вот и ещё раз на пути встретился хороший человек, сумевший привить любовь ко всем видам спорта. Теперь трудно сказать, какой из них я люблю больше.

Приветливо шумят молодые сосны, окружающие наш спортивный городок. Ветер нет-нет да и пригнёт их тёмно-зелёные кроны, несколько мгновений подержит в полупоклоне, затем отпустит, и красавица сосна стремительно выпрямляет свою голову, а ветер опять налетит и хочет пригнуть её до земли. В такую погоду приятно заниматься в спортгородке. Полюбили мы его, сдружились со снарядами. Футбольное поле, теннисная, волейбольные и баскетбольные площадки, параллельные брусья, перекладины, круговые качели, рейнское колесо, площадки для метания копья, диска, для игры в городки, гантели, штанга — всё к нашим услугам. Только заниматься надо по строгому плану, под контролем врача, под руководством преподавателя. Сначала это не нравилось. Хотелось самому вдоволь позаниматься, ну, скажем, на брусьях или побить мяч в сетку ворот, которые всегда самоотверженно защищал Юрий Гагарин. А преподаватель порой в самый интересный, захватывающий момент вдруг даёт свисток, возвещающий конец игры. Приходится расставаться с мячом, ибо

и в спорте надо уметь подчиняться, уметь строить занятия по строгой системе; только тогда от них будет прок.

— Космонавту нужна самая разносторонняя физическая тренировка, — не раз напоминал нам преподаватель.

В спортгородке делалось всё для того, чтобы эта фраза не звучала пустым призывом. То и дело в нём появлялись новые спортивные снаряды. Вот натянули подкидную сетку — батуд. На подобных сетках артисты цирка делают невероятные прыжки, успевают совершать многократные сальто, крутые перевороты. Видел не раз я такие виражи в цирке, и тогда казалось, что ничего сложного нет: туго натянутая сетка батуда сама подкинет, успевай лишь крутиться. На деле получилось иначе. Работа на батуде требует сноровки, умения управлять телом. Попробовал — не получается.

— Начнём с азов, — потребовал преподаватель и показал, как делается обычное сальто. Затем последовал более детальный рассказ о движении рук, о так называемой группировке всего тела, о перемещении центра тяжести при движениях.

Моих друзей, да и меня тоже, увлекали занятия на подкидной сетке. Они научили нас координировать свои движения, что особенно важно для прыжков с парашютом, давали тренировку вестибулярному аппарату, приучали быстро оценивать положение своего тела в пространстве.

Потом бассейн, прыжки с трамплина в воду. Когда поднялись впервые на верхнюю площадку и глянули вниз, показалось страшновато. Но это только первое мгновение: ведь батуд уже приучил нас к высоте. Совершён первый прыжок, познано ещё одно ощущение падения, на этот раз в воду.

Не был забыт и мой любимый велосипед. Для меня доставляет большое удовольствие разогнаться на лёгкой, послушной машине, слиться с ней воедино и, пригнувшись к рулю, разрезать упругий воздух, ощущать его всем телом. Мчишься по асфальтовой глади шоссе, мелькают берёзы и тополя на обочине, проплывают мимо поляны, перелески, овраги, и хочется ещё сильнее и чаще крутить педалями. Воздух становится всё плотнее, кажется, сделай небольшие крылья — и они поднимут тебя вверх…

Зима подарила нам новую радость — хоккей. Играли азартно, с мальчишеским задором. В пылу игры не обходилось и без того, чтобы кому-то не досталось нечаянно клюшкой. Словом, синяки были хорошим доказательством нашего пристрастия к хоккею.

Придирчивые, доскональные проверки состояния здоровья отмечали, что мы стали крепче, сильнее, хотя и до этого не жаловались на недуги. Врачи отмечали, что каждый из нас стал

легче переносить всё более возрастающие перегрузки, что наши сердца стали более тренированными, а значит, и более выносливыми. Это было большим успехом.

Но мы не только зубрили уроки, играли в баскетбол, вертелись на центрифуге, но и выкраивали время посещать театры и кино. Нам нравились пьесы о нашем времени, такие, как «Стряпуха» и «Иркутская история», восхищали фильмы режиссёров Александра Довженко, Григория Александрова, Григория Чухрая, нравились образы современников, созданные Сергеем Бондарчуком. В балете мы увидели новое, подлинное чудо — Елену Рябинкину.

Велика сила искусства. Не раз мы слышали такую фразу:

— Солдаты проходят значительно большие расстояния, если их бодрит пришедшаяся по душе музыка.

Космонавты пристрастились к литературе. Читали в основном советскую классику, одни впервые, другие перечитывали заново книги Максима Горького, Дмитрия Фурманова, Леонида Леонова, Константина Федина, Алексея Толстого. Каждая страница этих правдивых книг обогащала нас, учила жить, прививала любовь к людям, природе, к чарующей музыке великого русского языка.

В нашей короткой жизни не было ни свирепых бурь, ни могучих землетрясений, и мы с интересом стояли у океана человеческих страстей, бушевавшего в любимых книгах. Я обожаю исторические романы и не могу не сказать несколько слов о своём любимом писателе. С юности я увлекался творчеством Михаила Александровича Шолохова — поэта и мыслителя, открывающего волнующее таинство жизни, отобразившего целую эпоху в развитии и жизни советского народа. Ни один современный живописец не пользуется такой богатой палитрой красок, как Михаил Шолохов. Ни один композитор не владеет такой сложной и разнообразной гаммой звуков, как он. Герои его — люди сильных страстей, решительных поступков и действий. Все струны человеческой души трогает писатель своей могучей и заботливой рукой.

Не знаю как кого, а меня до слёз волнуют слова Аксиньи: «Милый мой, Гришенька, сколько седых волос-то у тебя в голове… Стареешь, стало быть? Ты же недавно парнем был…»

Можно ли позабыть такую мастерски выписанную картину: «…Ярко полыхала заря. Отражая свет её, вода казалась розовой, и такими же розовыми казались на неподвижной воде большие величественные птицы, повернувшие гордые головы на восход. Заслышав шорох на берегу, они взлетели с зычным трубным кликом, и, когда поднялись выше леса, — в глаза Григорию

ударил дивно сияющий, снежный блеск их оперения».

Михаил Шолохов — великий писатель. Из всех писателей, пожалуй, нет ему равного.

Советская действительность полна грандиозных задач, замыслов, свершений. Мы ощущали неудержимый темп жизни, её лихорадочный пульс, её напряжение. Мы ложились спать, горько сожалея, что выключились из работы на эти часы.

Трудно сказать, что главнее и важнее при подготовке к космическому полёту: физическая натренированность или высокий уровень знаний, необходимых космонавту. Во всяком случае, мы считали, что изучение теоретических дисциплин для нас необходимо, как воздух. И больше всего тех, которые непосредственно связаны с конструкцией космического корабля, с его полётом, как, например, аэродинамики, ракетодинамики, астрономии. По этим предметам я внимательно слушал лекции, конспектировал их, как и все другие товарищи, просил преподавателей рекомендовать дополнительную литературу. А вот лекции врачей — терапевтов, психологов и других специалистов космической медицины — сначала у меня не вызвали интереса. Я был глубоко не прав, забыл совет отца, высказанный как-то в письме: «Если хочешь добиться цели, делай и то, что тебе не нравится. На лёгкую удачу не надейся».

Усилия друзей, воздействие преподавателей, совет отца, о котором я вспомнил, заставили меня изменить свою точку зрения и прийти к выводу, что в программе подготовки космонавта нет ни первостепенных, ни третьестепенных задач. Всё одинаково нужно, в том числе и прочное знание основ космической медицины.

Надо сказать, что далеко без особого энтузиазма и я, и некоторые мои товарищи приступили к парашютной подготовке. Кое-какой опыт прыжков с парашютом у нас был: каждый по нескольку раз прыгал либо в училище, либо в полку. Казалось, большего космонавту и не надо. Наш инструктор Николай Константинович, человек большого опыта, заслуженный мастер спорта, воспитавший плеяду рекордсменов-парашютистов, видя наше нерасположение к прыжкам, сказал:

— Раскусите прелести свободного полёта человека в воздухе, будете сами выпрашивать дополнительные прыжки…

Многое рассказал нам Николай Константинович о парашютных прыжках и технике их выполнения, о том, что ныне человек научился управлять свободным падением. Он говорил нам, что руки и ноги парашютистов — это своеобразные аэродинамические рули, умей только пользоваться ими, что беспорядочного падения для умелого парашютиста теперь нет.

Многое, рассказанное нам Николаем Константиновичем, было новым и увлекательным. Всю жизнь посвятивший парашютизму, влюблённый в него, он сумел увлечь и нас, внушить, что искусство прыжков требует больших усилий.

При первом же парашютном прыжке довелось выдержать испытание. Покинув самолёт, чуть не попал в штопор. Тело стало беспорядочно вращаться. Неприятное состояние! Вспомнил совет инструктора на этот случай. Надо сжаться в клубок, «сгруппировать» тело. Поджимаю ноги, руки, голову. Потом резко раскидываю руки и ноги в стороны. Воздух с большой силой пытается прижать руки к бёдрам, сжать ноги, чтобы опять взять власть над моим телом и крутить его, крутить до земли. Для борьбы с ним нужна сила, и она у меня есть. Нагрузка выдержана, тело плавно снижается, можно дёргать за вытяжное кольцо парашюта. И вот уже над головой, как цветок, распускается шёлковый купол.

Вечером увидел «боевой листок», выпущенный друзьями. Наши сатирики не удержались и нарисовали меня падающим в штопоре, широко раскинувшим ноги и руки, а внизу под рисунком поставили подпись: «Закрутило…»

Вскоре пришлось прыгать в реку, на воду. Николай Константинович и на этот раз зорко подмечал наши успехи и промахи, щедро делился советами.

Так в непрерывных занятиях бежали дни, недели. Мы познавали новое, сдавали зачёты, держали экзамены, проходили различные испытания.

Жизнь такова, что порой сама подвергает тебя испытаниям, вне всяких программ. Такое случилось и в моей семье. Тяжело, очень тяжело заболел маленький сынишка Игорь. Трудно было видеть его в это время и мне, и Тамаре. Врачи делали всё, что могли, но оказались бессильными. Однажды мне сказали: надежды нет никакой, осторожно подготовьте к этому жену.

Большое человеческое горе постигло нас. Кто переживал подобное, поймёт и меня, и молодую мать, у которой на руках угас грудной ребёнок. Это был очень тяжёлый удар судьбы.

Но хорошо, что товарищи в это время были рядом. Не докучая ненужным сочувствием, они умно и тактично делали всё для того, чтобы помочь нам, отвлечь от горьких мыслей.

В эти тяжёлые для нас с Тамарой дни пришло письмо с Алтая. Мой отец писал Тамаре: «Теперь, дочь, силой обстоятельств развязаны твои руки. Надо или работать, или учиться… Труд — прекрасный лекарь ото всех недугов. Учёба или работа — это борьба, а найдётся ли человек, который скажет, что он не завидует борцу?». Письмо отца подбодрило нас, заставило по-

другому посмотреть на нашу дальнейшую жизнь. На своём «семейном совете» с Тамарой мы решили — она пойдёт учиться в медицинское училище.

А подготовка к полёту продолжалась. Напряжённая, деловая, строго размеренная. Всё новые советские искусственные спутники Земли и космические ракеты уходили в межзвёздные высоты. Чувствовалось, что день, когда в кабину космического корабля сядет человек, недалёк. Ведь как ни хороша автоматика, применяемая на искусственных спутниках Земли и космических ракетах, она лишь помощник живого, творческого разума. Выполнить она может только то, что заложено в неё человеком.

Человек создал ракету. Человек создал космический корабль. Человек запустил этот корабль в космическое пространство. Но прежде чем обитаемый космический корабль взлетит, должна быть проведена огромная подготовительная работа. Все мы хорошо помнили ответ, который дал Никита Сергеевич Хрущёв на вопрос американского корреспондента о том, когда Советский Союз «забросит» человека на Луну.

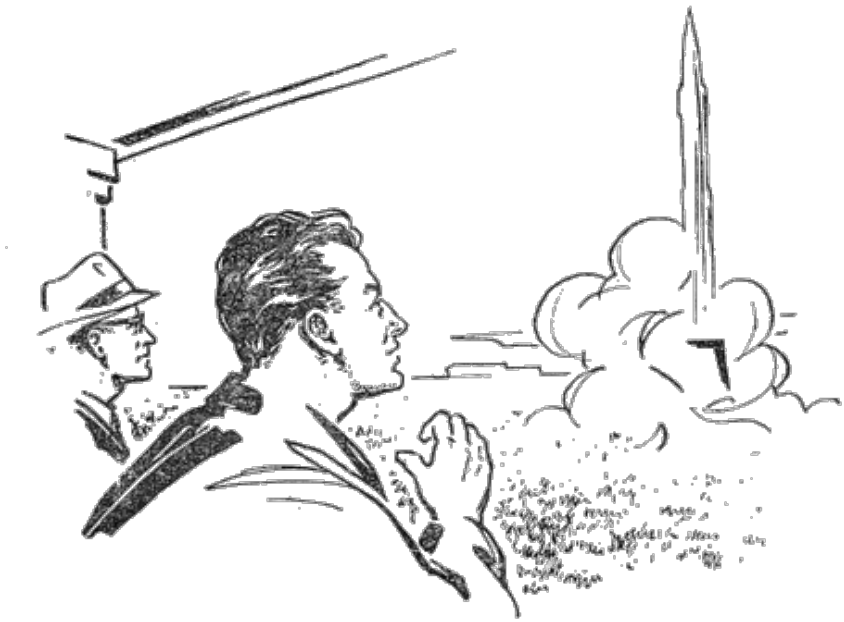
— Вы употребили довольно неудачное выражение «забросить человека», — ответил американцу Н. С. Хрущёв. — Забрасывать человека мы не собираемся, потому что мы высоко ценим человека… Человека в космос мы пошлём тогда, когда будут созданы необходимые технические условия.

Мы, космонавты, были очень тронуты словами Никиты Сергеевича. Мы повседневно ощущали отеческую заботу Центрального Комитета партии и лично товарища Н. С. Хрущёва. Мы знали, что он постоянно интересуется ходом подготовки космонавтов, созданием космических кораблей, их оборудованием. Н. С. Хрущёв в своём ответе американскому корреспонденту упомянул о создании необходимых технических условий для полёта человека.

Наши учёные много и плодотворно работали над тем, чтобы создать эти условия, проверить их в полётах, посылая в космос животных, оборудуя искусственные спутники Земли надёжно действующей аппаратурой. Шаг за шагом советская наука подходила к свершению прорыва человека во Вселенную. Прокладывалась дорога неслыханному взлёту знаний, проникновению в глубокие тайны природы.

…Обо всём этом я думал в те дни, тренируясь в пустынной тишине сурдокамеры.

На орбите Юрий Гагарин



Подготовка к первому полёту человека в космос подходила к концу. По всему было видно, что день, когда кто-то из нас займёт место в кабине космического корабля, был уже недалёк. И вот когда закончился важный этап специальной предварительной подготовки, нас, космонавтов, собрал политработник Николай Фёдорович. Каждый человек для него был открытой книгой. Речь зашла о том, готовы ли мы выполнить сложное и ответственное задание.

— Помните, в космос должен лететь человек с высокими моральными качествами, кристально чистый человек, — сказал он.

Его вера в наши способности подбодрила нас.

Этот разговор заставил о многом подумать. «Не подошла ли пора подать заявление с просьбой о приёме в кандидаты партии?» — мелькнула у меня мысль. С этой мыслью я и явился домой. Тамара, как всегда, встретила меня улыбкой.

— Что-то ты сегодня больно серьёзный, Гера! — произнесла она.

Я рассказал о беседе с политработником, о своих мыслях.

— Чего доброго, устарею, — пошутил я, — завтра же

посоветуюсь с секретарём партийной организации.

Секретарь партбюро Григорий Федулович встретил меня приветливо, внимательно выслушал.

— Правильно, Герман Степанович, — одобрил он мои мысли. — Охотно дам вам рекомендацию, а в другой, надеюсь, не откажет комсомольская организация.

Так оно и было. Комсомольцы живо поддержали меня, а третью рекомендацию для вступления в кандидаты КПСС написал коммунист Евгений Анатольевич — опытный врач, наш наставник.

«Прошу первичную партийную организацию принять меня кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза. Хочу быть членом нашей славной партии и идти на выполнение задания коммунистом…» — писал я в своём заявлении. Коммунисты не отказали в моей просьбе, я стал кандидатом в члены КПСС.

Между тем шли последние дни перед первым полётом человека в космос. Решался вопрос, кому выпадет эта великая честь. Многие из нас были хорошо подготовлены к полёту, и, естественно, каждый горел желанием взлететь в космос. Но все мы горячо поддержали кандидатуру Юрия Гагарина, которую выдвинуло командование. Этот замечательный человек, кристально честный коммунист пользовался у нас, космонавтов, заслуженным уважением. Я люблю людей с характером. Меня назначили запасным, дублирующим лётчиком, и я был несказанно рад оказанным мне доверием, был готов в любую минуту, если бы это только потребовалось, заменить моего друга.

Мы оба чувствовали себя уверенно. Правда, полёт в космос, несомненно, был связан с известным риском, в нём было много нового, необычного, неизведанного. Но вместе с тем мы хорошо знали, как тщательно готовился в нашей стране первый в мире полёт человека в космическое пространство, какие большие и многогранные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы проводились в этой области. Достижения Советского Союза в создании искусственных спутников Земли больших размеров, успешное проведение испытаний мощной ракеты-носителя, способной вывести на орбиту спутник весом в несколько тонн, позволяли приступить к постройке и испытаниям космического корабля, приспособленного для длительного полёта человека.

Этот корабль назвали «Востоком». Учёными были приняты все меры для исключения какой-либо случайности и полной гарантии безопасности его полёта. Пилот-космонавт одевался в защитный скафандр, сохранявший ему жизнь даже в том случае,

если бы кабина корабля вдруг утратила свою герметичность. В течение месяца, предшествовавшего первому в мире полёту человека в космос, были произведены два контрольных запуска космических кораблей-спутников. В их кабинах вместо пилота находились манекен и животные — собаки Чернушка и Звёздочка.

К. Э. Циолковский однажды сказал: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчёт. И уже в конце концов исполнение венчает мысль». Мы были свидетелями исполнения самой смелой творческой мысли. Полёт Юрия Гагарина был осуществлён лишь тогда, когда учёные получили полную уверенность в том, что космонавт, совершив полёт вокруг планеты, благополучно, живым и здоровым вернётся на Землю.

Перед отъездом на космодром у нас состоялось партийное собрание с повесткой дня: «Как я готов выполнить приказ Родины». Космонавты давали клятву Родине, Коммунистической партии, Советскому правительству с честью выполнить задание.

Внимательно выслушали мы выступление Юрия Гагарина.

— На выполнение предстоящего полёта в космос, — сказал он, — пойду с чистой душой и большим желанием выполнить это задание, как положено коммунисту. Я присоединяюсь к многочисленным коллективам учёных и рабочих, создавших космический корабль и посвятивших его XXII съезду КПСС.

Затем слово предоставили мне.

— Знаю, — сказал я, — что в космическом полёте могут принять участие многие из нас. Но если партия и правительство доверят совершить его мне, не пожалею сил, приложу все знания и умение, чтобы выполнить это почётное задание во имя процветания нашей Родины.

Собрание закончилось. Взволнованные, с большим душевным подъёмом возвращались мы домой. И вот наступил долгожданный день отъезда на далёкий космодром Байконур. Естественно, наши близкие волновались. Мы пытались отшучиваться. Но расставание не обходится без грусти.

— Всё будет хорошо, Гера, — сказала мне Тамара.

И вот мы на космодроме, маленьком обжитом островке в бескрайнем степном океане. Наступило ясное утро среды, 12 апреля. Казалось, сама природа старалась создать все условия для успешного полёта. Автобус быстро доставил нас к подножию гигантской ракеты, как бы вырастающей из стройных железных ферм. Наступили последние минуты перед стартом. Юрий Гагарин тепло попрощался с провожающими его членами Государственной комиссии, с Главным Конструктором, с Теоретиком Космонавтики и другими учёными, с товарищами-

космонавтами. Одетые в одинаковые скафандры, мы с ним обнялись и, как говорили друзья, «чокнулись» гермошлемами.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! — сказал Юрий Гагарин. — Через несколько минут могучий космический корабль унесёт меня в далёкие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением…

Я смотрел на хорошо знакомое лицо друга. Его слова звучали как клятва:

— Всё, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты.

Я не улетал в космос, я был запасным лётчиком-космонавтом — Космонавтом Два, как однажды назвали меня журналисты. Но мне казалось, что слова друга исходили из самых глубин и моего сердца. Гагарин говорил о своей ответственности перед советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим.

— И если тем не менее я решаюсь на этот полёт, — продолжал Юрий, и в глазах его заплясали огоньки, — то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей.

Закончив выступление, Юрий провёл ладонью по лбу и поднялся на лифте на площадку, расположенную у входа в кабину «Востока». Он поднял руки в красных перчатках и ещё раз попрощался:

— До скорой встречи!

Люк кабины корабля наглухо захлопнулся за ним. Мы все, словно завороженные, ещё несколько минут стояли у стартовой площадки, пытаясь осмыслить то, что происходило. Голова шла кругом от всего, что я увидел и услышал.

Я размышлял о товарищах. Они всегда готовы учиться у всякого, кто мог их чему-нибудь научить. Я был рад тому, что мог назвать их своими друзьями. Я представил себе Гагарина в космическом кресле. «Что думает он сейчас, в считанные минуты, оставшиеся до полёта?» — И смутная тревога за жизнь товарища закрадывалась мне в душу. Вскоре космонавт доложил:

— Самочувствие хорошее. К старту готов!

Только после этого доклада я пошёл раздеваться. Быстро снял скафандр, гермошлем и комбинезон и надел обычную, «земную» одежду. Вот уже объявлена получасовая готовность к старту «Востока». Мы все, оставшиеся на земле, волнуемся, пожалуй, больше, чем Юрий. Врачи, следящие за самочувствием Гагарина,

были довольны: пульс — 64, дыхание — 24. На экране телевизионного устройства было хорошо видно сосредоточенное лицо Юрия. Его бодрость радовала всех. На вопросы врачей ответил по радио:

— Сердце бьётся нормально. Чувствую себя хорошо.

Вскоре послышалась команда:

— Подъём!

Ракета медленно оторвалась от земли и, набирая скорость, устремилась ввысь. Словно буря пронеслась надо мной и всколыхнула всё моё существо.

— Счастливого пути, Юра!

Меня нередко спрашивают, какие чувства я испытывал, когда улетал Гагарин? Вероятно, хотят услышать, как я переживал и волновался. Скажу прямо, что в момент непосредственной подготовки ракеты к старту я был больше увлечён технической стороной дела, следил за прохождением команд, докладами космонавта с деловой, профессиональной точки зрения. Для волнений времени почти не оставалось.

Когда ракета, стремительно взвившись вверх, скрылась из глаз, на старте стало пусто. Не успел стихнуть гул ракетных двигателей, как Николай Петрович Каманин сказал мне:

— Поедем к самолёту. Сейчас полетим в район приземления.

Вместе со всеми советскими людьми мы восторженно приветствовали первый полёт человека в космос. «Сказать только, — думалось мне, — наш Юрка — и вдруг на орбите!» Но в то же время полёт Юрия Гагарина нас, космонавтов, интересовал и с другой, деловой точки зрения. То, что он выполнял сейчас, находясь в кабине «Востока», мы много раз проигрывали во время тренировок. Слушая его сообщения по радио, мы невольно сопоставляли наши предположения с тем, что сейчас фактически происходило в полёте. Поэтому в сообщениях Юрия Гагарина мы улавливали именно тот смысл, который был понятен только тем, кто непосредственно готовился к подобному полёту, тем, кто заботливо готовил нас к нему.

Через несколько десятков секунд после старта Гагарин передал по радио:

— Продолжаю полёт. Растут перегрузки. Всё хорошо…

Услышав эти слова, я почти физически почувствовал всё то, что испытывал Гагарин в этот момент. Я понимал, что значат для него эти десятки секунд, чем именно характерен данный этап полёта. Мы прислушивались к голосу Гагарина, следили, как изменяется его звучание с подъёмом ракеты на б**о**льшую высоту. Подошло время, когда ракета должна была уже пройти плотные слои атмосферы и с неё должен был автоматически сброситься

головной обтекатель. Мы с интересом следили, сработает ли автоматика. И когда Гагарин передал: «Самочувствие отличное. Вижу Землю, лес, облака», — я понял, что автоматика сработала, а по интонации Юриного голоса определил: самочувствие его действительно хорошее.

После выработки топлива одна за другой отделялись ступени ракеты. Уже находясь в самолёте, поднявшемся в воздух, мы услышали новое сообщение с борта «Востока»:

— Произошло разделение с ракетой-носителем…

Это означало, что космический корабль вышел на орбиту и в его кабине наступило состояние невесомости. Как она переносится космонавтом? Вот главный вопрос, который интересовал меня тогда.

Я много читал о невесомости, старался представить себе это состояние. Но ведь его никто из людей по-настоящему ещё не испытывал. Правда, лётчикам в какой-то мере оно известно, так как в полёте на реактивных машинах бывают моменты, в какой-то мере близкие к нему. Во время тренировок мы также в течение очень короткого времени испытывали это состояние. Не терпелось узнать, таково ли будет ощущение невесомости в космическом пространстве, влияет ли оно на жизнедеятельность, работоспособность человека. Когда я вновь услышал бодрый голос Гагарина: «Полёт проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно», — то понял: состояние невесомости не мешает его действиям.

Тренировка «на невесомость».

Другая, весьма важная проблема, которая нас интересовала во время полёта Юрия Гагарина, — это работа автоматики. Полётом космической ракеты, работой всех её сложных механизмов управляли автоматические системы. Они направляли ракету по заданной траектории, управляли двигателями, сбрасывали отработанные ступени, в заданной точке переводили корабль на снижение. Автоматика поддерживала в кабине корабля условия, необходимые для нормальной жизнедеятельности человека. Мы с удовлетворением отметили, что все автоматические системы действуют безотказно.

Но впереди был заключительный и, может быть, самый важный этап полёта — снижение и посадка. Нам, лётчикам, известно, что и на самолёте посадка — это, пожалуй, самый сложный этап полёта. А у космического корабля нет крыльев, которые смогли бы поддерживать его в атмосфере. Он врывается в неё с огромной скоростью, от трения на внешней теплозащитной оболочке корабля температура поднимается до огромных величин. Всё ли сработало нормально? Конечно, система торможения и посадки неоднократно проверялась при полёте космических кораблей с животными. Но всё же я испытывал тревогу: вдруг возникнут какие-нибудь непредвиденные обстоятельства? Справится ли космонавт, если придётся опускаться на Землю с помощью ручного управления кораблём? В сознании промелькнули картины совместных тренировок, уверенные, отработанные до автоматизма действия Юрия Гагарина, и все сомнения исчезли. «Всё будет хорошо», — думал я.

И действительно, не успели мы обсудить последние сообщения из космоса, как наступили минуты приземления «Востока». И вот уже радио передаёт Юрин доклад: «Прошу доложить Партии и Правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущёву, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Всех нас охватил небывалый радостный подъём. Только в эти минуты, услышав имя товарища Хрущёва, я осознал всю грандиозность свершившегося исторического события — первого в мире полёта человека в космос, в котором он за 108 минут облетел всю нашу планету и благополучно приземлился на родной советской земле, именно там, где это и было предусмотрено.

Когда мы прилетели в район приземления, мне хотелось

увидеть друга, сердечно обнять его, услышать о том, что он переживал в полёте, как проходил этот беспримерный рейс вокруг Земли. Я увидел Юру в плотном окружении. Вокруг него стояли учёные, генералы. Подойти к нему, казалось, не было никакой возможности. И всё же я осторожно стал протискиваться вперёд. На меня бросали негодующие взгляды, кто-то вслух выражал недовольство. Но я настойчиво продвигался всё ближе и ближе. Юра заметил меня и, расталкивая всех, бросился навстречу. Мы крепко обнялись, долго тискали друг друга в объятиях, не чувствуя, что обмениваемся крепкими тумаками.

После того как Юрий Гагарин немного отдохнул, мы вечером бродили с ним по берегу Волги, любовались пейзажем могучей русской реки, шутили, говорили о будущем. Юрий, устремив взгляд к безоблачному небу, задумался.

— Ты о чём? — спросил я и сам же шутя ответил: — Наверно, мечтаешь, как наши друзья вот так будут бродить по берегу какого-нибудь марсианского канала и так же любоваться закатом солнца?

— А это время, — серьёзно ответил он,— не так уж и далеко…

Да, оно недалеко, это время первых полётов к другим планетам, и с каждым днём становится всё ближе и ближе. Ещё весь мир продолжал восхищаться подвигом советского народа, осуществившего первый полёт человека в космос, а мы, космонавты, уже продолжали наши будничные дела по подготовке к новым полётам. Мы тщательно изучали опыт Юрия Гагарина, давший возможность сделать новый шаг на пути освоения космоса, детально анализировали его действия, делали для себя нужные выводы. С учётом первого полёта человека в космос продолжались и наши многочисленные тренировки.

Вскоре после торжественной всенародной встречи Юрия Гагарина в Москве, на которой Никита Сергеевич Хрущёв сказал, что этот бессмертный подвиг, выдающееся свершение будет жить в веках как величайшее достижение человечества, радио принесло радостную весть. Президиум Верховного Совета СССР за успехи в развитии советской ракетной техники, советской космонавтики наградил второй золотой медалью «Серп и Молот» семь видных учёных и конструкторов, присвоил звание Героя Социалистического Труда 95 ведущим конструкторам, руководящим работникам, учёным и рабочим. Ордена и медали получили 6910 рабочих, конструкторов, учёных, руководящих инженерно-технических работников.

С особой радостью мы узнали о том, что, отмечая выдающиеся заслуги Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя

Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва в руководстве по созданию и развитию ракетной промышленности, науки и техники и успешном осуществлении первого в мире космического полёта советского человека на корабле-спутнике «Восток», открывшего новую эру в освоении космоса, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом наградил Никиту Сергеевича Хрущёва орденом Ленина и третьей золотой медалью «Серп и Молот». Мы, космонавты, повседневно чувствуем огромную заботу Н. С. Хрущёва по освоению космоса. Он направляет развитие отечественной космической науки и техники, выдвигает смелые предложения, поддерживает творческие дерзания учёных и конструкторов. Юрий Гагарин в своих записках «Дорога в космос» сказал, что Никита Сергеевич Хрущёв является первооткрывателем космической эры. И мы все, космонавты, единодушно присоединяемся к этой мысли.

В большом списке награждённых значилось и моё имя. Я, конечно, был несказанно рад, что и мой скромный труд по подготовке первого в мире полёта человека в космос так высоко оценён нашим народом, — я был награждён орденом Ленина.

Все мы в те дни с огромным интересом следили за зарубежными поездками Юрия Гагарина, которые вылились в триумфальное чествование достижений советской науки и техники народами всех стран мира.

Возвращаясь их этих поездок, Юрий рассказывал нам о своих встречах с манчестерскими рабочими и финскими судостроителями, с виноградарями Болгарии и металлургами Чехословакии. Всюду, где только он ни был, его окружала сердечная теплота миллионов людей, которые видели в нём представителя нашего миролюбивого народа, народа-созидателя. И это не могло не наполнять наши сердца великолепной человеческой гордостью за свою великую страну, которая под руководством Коммунистической партии уверенно идёт по пути изумляющих мир всё новых и новых свершений.

25 часов в космосе

Когда мне объявили, чтобы я готовился к следующему полёту в космос, я с огромным энтузиазмом взялся за дело. Это было самое высшее счастье, какое я мог ждать в жизни. Вскоре нас пригласили туда, где создавался космический корабль, более совершенный, чем «Восток». Главный Конструктор, указывая на кабину, сказал:

— Заходите, изучайте, обживайте своё будущее жильё.

Трудно передать то чувство, с которым я переступил порог этого детища человеческого гения. Я уселся в удобное кресло космического корабля. Хотя я и осваивал «Восток», меня в который уже раз поразило его совершенство. Главный Конструктор наблюдал за мной. Всё в нём было молодое — глаза, улыбка, голос, движения. Он вполне доверял мне.

Как и перед полётами на реактивных самолётах, начались тренировки в кабине, розыгрыши полёта. Но теперь они были более приближены к реальным условиям. Проигрывались

команды, я, как требовалось в будущем полёте, выполнял все необходимые операции, вёл связь с Землёй, докладывал о работе приборов и аппаратуры. В общем, все действия отрабатывались до автоматизма. Вместе с тем «обживал» кабину космического корабля, привыкал к ней. Ведь уйдя в космос, мне предстояло провести в ней сутки!

Тренировались мы вместе с Космонавтом Три. Это среднего роста молодой человек. Удивительно спокойный, неторопливый, скромный, умеющий мыслить самостоятельно, чем-то похожий на лётчика Алексея Маресьева. С ним можно долго быть рядом и не услышать ни одного слова, если это не требуется в интересах дела. Многим из нас, космонавтов, по душе этот добродушный, умный и волевой человек, способный быстро принимать решения, бесстрашно и последовательно мыслить. С таким можно работать целый век. Если он пообещал, то обязательно сдержит своё слово. Раньше Космонавт Три курил. Врачи опасались, чтобы это не сказалось отрицательно на его здоровье. Конечно, он молод, и курение не мешало выдерживать большие перегрузки. Но как-то раз он закурил, глубоко затянулся, выпустил струйку дыма и сказал:

— Брошу! — и сразу же раздавил окурок, как давят ядовитого паука. С тех пор он не курит.

Как-то мы беседовали с видным учёным — доктором наук. Он обратил внимание на Космонавта Три и буквально забросал его сложными вопросами. Наш друг внимательно слушал, делая вид, будто от него и не требуется ответа. Затем, как обычно, неторопливо сказал:

— А этого просто не случится в полёте, и вот почему…

Спокойно, словно шлифуя каждое слово, он обстоятельно, с глубоким знанием дела объяснил сложный вопрос.

Мы напряжённо готовились к полёту. Для нас наступила чудесная пора — пора бурного расцвета всех душевных и творческих сил. Весь рабочий день был заполнен до отказа. Приходилось вести обстоятельные беседы со многими специалистами, выслушивать их советы, запоминать рекомендации, многое проверять, уточнять. Никакая храбрость и никакое здоровье не могли заменить знаний и опыта. И, конечно, среди всех хлопот главное место отводилось тренировкам в кабине космического корабля. Мы так «обжили» её, что она казалась нам родным домом, где всё знакомо до мельчайших подробностей. Для нас уже забрезжил новый день. Мы были неутомимы, ни один час не пропадал зря.

Длительность предполагаемого полёта предъявляла серьёзные требования к здоровью космонавта. Поэтому наряду с

теоретической и практической подготовкой к полёту приходилось усиленно заниматься спортом. Врачи предъявляли жёсткие требования к нашему здоровью, тщательно исследовали наши организмы, выискивали, нет ли в них каких-либо отклонений от нормы.

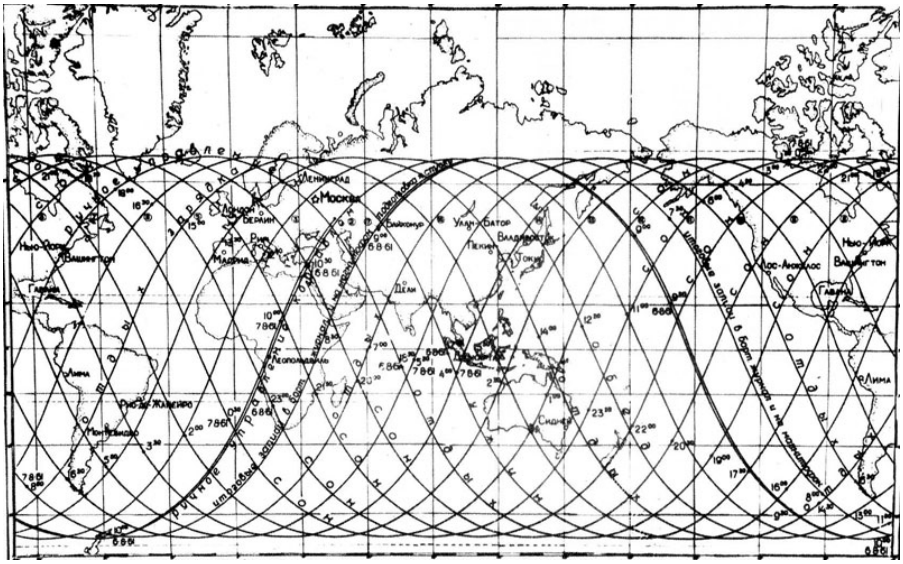
Надо сказать, что полёт Юрия Гагарина внёс ясность во многие вопросы, связанные с освоением космоса. Стало более понятным, на что именно нужно обратить больше внимания, что учесть при подготовке к следующему полёту. Во время рейса «Востока» была практически проверена аппаратура обеспечения жизнедеятельности человека в таких необычных для него условиях, как состояние невесомости, как испытываемые космонавтом колоссальные перегрузки. Наблюдения Юрия Гагарина в полёте позволили продвинуть изучение влияния на организм всех основных факторов космического полёта и на этой основе разработать наиболее эффективные способы обеспечения нормальных условий жизнедеятельности человека в космическом пространстве. Всё это было учтено при подготовке полёта на «Востоке-2».

Юрий Гагарин и Герман Титов обсуждают план второго полёта человека в космос.

Полёт Юрия Гагарина показал, что человек может успешно переносить трудности космического рейса, что в состоянии невесомости он способен сохранять полную работоспособность, его движения так же хорошо координируются, как и на Земле, он нисколько не теряет ясности мышления. Но вместе с тем в ходе первого полёта человека в космос возникло много вопросов, требующих уточнения и дальнейшего развития. Всё это предстояло проверить и подтвердить во втором полёте, гораздо более длительном. Я отлично понимал всю ответственность, возложенную на меня в связи с этим заданием, и поэтому отдавал подготовке к нему всю свою энергию, работал с полным напряжением физических и духовных сил.

За время подготовки к полёту мы познакомились не только с конструкторами и инженерами — создателями великолепных советских ракет и космических кораблей. У нас сложилась тесная и взаимная дружба с учёными. Мы вместе работаем и оказываем помощь друг другу. Но пока мы только начинаем освоение космоса, и космические корабли в ближайшем будущем будут пилотировать космонавты из числа лётчиков-истребителей, В этом на деле убедились и учёные. Юрия Гагарина и меня спрашивали по этому поводу не один раз, и мы подробно объясняли, почему они пришли к такому выводу. В практике полётов на современном самолёте-истребителе неизбежны острые ситуации, требующие мгновенного уяснения причин их появления и молниеносной реакции на них. У лётчика-истребителя в ходе повседневных тренировок и полётов вырабатывается своеобразный автоматизм, в котором мышление сливается с действием, такой автоматизм, когда трудно установить, что происходит ранее — действие или суждение.

Вместе с Космонавтом Три мы тщательно изучали карты земного шара с проложенной на них проекцией космического маршрута. За семнадцать витков «Восток-2», на котором предстояло лететь, должен был побывать над всеми материками и океанами, его путь, подобно гигантским синусоидам, пролегал почти над всеми странами мира и, нанесённый на карту, напоминал серпантин горных дорог.



Трасса полёта космического корабля «Восток-2».

Перед отъездом на космодром, так же, как и накануне полёта Юрия Гагарина, у нас состоялось партийное собрание. Повестка дня его была сформулирована весьма конкретно: «О предстоящем полёте космонавта Титова». Собрание было деловым, целеустремлённым. Коммунисты говорили о ходе подготовки к полёту, вносили конкретные предложения, давали ценные замечания, которые потом были, разумеется, учтены.

Предоставили слово мне. Что я мог сказать товарищам? Они сами всё видели, многое знали. Я поблагодарил командование и своих друзей за оказанное доверие, сказал, что приложу все силы и знания, чтобы с честью выполнить задание. Мной овладело чувство, которое трудно выразить словами. Ведь я совсем недавно был принят кандидатом в члены КПСС. Я расценивал порученный мне полёт в космос как первое серьёзное задание партии. Товарищи понимали это и хорошо видели моё отношение к делу. Громких слов здесь не требовалось.

— Всё будет в порядке, Гера, — сказала жена, провожая меня из дома в полёт.

Незадолго до этого мы ходили с ней по улицам Москвы, пахнущим летом, обошли Кремль, побывали на Красной площади, а затем по шумной, многолюдной улице Горького дошли до памятника Пушкину, и я положил к его подножию букет цветов.

Цветы — любимому поэту.

С чувством радости и лёгкости улетели мы, космонавты, на далёкий космодром. Раскалённая августовским солнцем степь, покрытая степными цветами и густым разнотравьем, встретила нас горьковато-вяжущими запахами. Вокруг простиралось разливанное море полыни и чебреца и ещё каких-то пахучих трав. На горизонте переливалось знойное марево. Солнце накаляло

металлические конструкции так, что до них боязно было дотронуться.

Космодром — это очень сложное хозяйство, со многими постройками, напоминающее одновременно и крупный завод и гигантскую научную лабораторию. Сквозь переплетения металлических ферм проглядывало серебристо-матовое тело ракеты, устремлённое в небо. Люди, снаряжавшие ракету в полёт, выглядели совсем маленькими в сравнении с её высоким, гигантским корпусом.

Незаметно в труде проходили дни. Вместе с инженерами и техниками мы заканчивали последние приготовления, осматривали ракету и корабль, проверяли приборы, продолжали тренировки непосредственно в кабине космонавта. В конце рабочего дня приходили в домик, в котором я раньше жил с Юрием Гагариным. Теперь его кровать занимал Космонавт Три. Везде и всегда мы были с ним вместе, ещё больше сдружились.

Время летело быстро. Наступил последний вечер перед полётом. Ужинать мы сели вчетвером: я со своим товарищем Космонавтом Три и два врача — Евгений Анатольевич и Андрей Викторович. Ели питательную космическую пищу, выдавливая её из специальных туб. Разговаривали обо всём и меньше всего о завтрашнем дне. Каждый из нас знал, что он будет нелёгким, но все были уверены, что полёт пройдёт благополучно и ещё больше прославит нашу Родину.

После ужина к нам зашёл Главный Конструктор, и мы вместе с Космонавтом Три погуляли с ним четверть часа. Это была деловая прогулка. Главный Конструктор дал нам последние советы и наставления, ещё раз обратил внимание на особенно важные элементы полёта. В сумеречной темноте мы шли в ногу, почти вплотную друг к другу, я — слева, а Космонавт Три — справа от Главного Конструктора. Вся его крепкая, коренастая фигура и твёрдые шаги, словно отпечатывающиеся на гравии дорожки, невольно вселяли в нас ещё большую уверенность в завтрашнем дне.

— В своём полёте вы должны тщательно испытать систему ручного управления кораблём, возможность его посадки в любом заданном районе, — сказал Главный Конструктор.

Где-то в вышине сорвалась звезда, оставив в небе лёгкий след — словно алмазом провели по стеклу. Бледный свет вспыхнувшего где-то на космодроме прожектора осветил значительное и своеобразное лицо учёного, его крупную голову. Тёмные глаза его были сощурены, губы плотно сжаты. Он был весь там, в полёте, старт которого был назначен на утро. Он посмотрел на часы, и мы без слов поняли, что нам пора спать.

Перед серьёзным делом надо ложиться рано. У меня с юношеских лет вошло в привычку — перед экзаменами хорошо выспаться. А ведь завтра — самый серьёзный экзамен в моей жизни.

Врачи провели очередное обследование. Пульс у меня был спокойный, дыхание ровное, давление крови нормальное. Затем на тело нам приладили датчики, регистрирующие физиологические функции. Вся эта процедура была уже мне знакома, я привык к ней, когда дублировал Юрия Гагарина перед его полётом. Я прислушивался к своему внутреннему состоянию — оно было таким же спокойным, как и тогда.

Спать мы легли в одной комнате. Окна пришлось распахнуть и у коек поставить вентиляторы. Я слышал лёгкие, металлические звуки, долетающие откуда-то с космодрома, но вскоре забыл о них и уснул. Космонавт Три заснул ещё раньше. Ночью стало холодно, я проснулся и выключил вентилятор. Космонавт Три спал всё в том же положении, на левом боку, подсунув под щеку обе руки. На столе стоял букет роз. Цветы светились в темноте, во всяком случае, они были самым светлым пятном в комнате. Кто их поставил, я не знаю. Но было приятно увидеть этот знак внимания товарищей.

Мне редко снятся сны, и ночь перед полётом в космос тоже прошла без сновидений. Утром меня разбудил доктор Евгений Анатольевич. Я сразу почувствовал прикосновение его прохладных рук и открыл глаза. Космонавта Три разбудил Андрей Викторович. Было похоже, что оба медика провели бессонную ночь. Хорошие товарищи, они бодрствовали, охраняя наш покой.

— Выспались по-человечески? А знаете ли, что американский астронавт, поднимавшийся в космос, спал накануне полёта лишь два с половиной часа? — сказал кто-то из врачей.

Из американских газет мы знали, что полёт Алана Шепарда первоначально был назначен на 2 мая 1961 года. Но за несколько часов до запуска над мысом Канаверал низко нависли тучи, подул сильный ветер и над океаном разразилась буря.

Из-за метеорологических условий полёт несколько раз откладывался, и наконец его окончательно перенесли на пятницу 5 мая.

Шепард проснулся в пятницу в час пять минут. В 2 часа 50 минут к телу его врачи прикрепили контакты, регистрирующие физиологические функции организма. В 3.59 пилот вышел из помещения к закрытому грузовику, на котором и прибыл к месту запуска, где его поджидали корреспонденты.

В 5.20 Шепард влез в кабину, которую через пятьдесят минут герметически задраили.

Отсчёт времени продолжался и вдруг неожиданно прекратился — была подана команда заменить неисправную деталь. Кран, находившийся возле ракеты, поднял наверх двух рабочих. Они провозились час и шестнадцать минут, и всё это время астронавт находился в своей капсуле в состоянии ожидания.

В 9.30 для проверки манометра отсчёт времени вновь прекратили, на этот раз всего на минуту.

Позже Шепард говорил корреспондентам: «Ждать пришлось значительно дольше, чем мы предполагали».

На десятой минуте полёта Шепарда по баллистической траектории началось быстрое торможение — момент наибольшего напряжения для человека. По отзывам американской печати, в течение четырёх секунд тело Шепарда, весящее на Земле 73 килограмма, было тяжелее в десять раз. Продолжая поддерживать связь с Землёй, Шепард скорее мычал, чем говорил. Но мычание никого не удивило: во время испытаний на центрифуге все реагировали подобным образом.

За четверть часа полёта капсула поднялась на высоту 184 километра. С высоты 2100 метров красно-белый парашют бережно опустил её на поверхность Атлантического океана. Через четыре минуты после приводнения капсулу с лётчиком подобрал вертолёт и ещё через семь минут опустил на палубу авианосца «Лейк Чемплейн».

Я видел портреты американских астронавтов Алана Шепарда и Вирджила Гриссома. Крепкие парни, видимо, способные на большее, но сделавшие то, что позволила им сделать американская техника. Их полёты оказались на уровне достижений американской науки.

Я вспомнил об американцах на какое-то мгновение и тут же забыл о них. У меня было своих забот по горло.

Предстоял снова медицинский осмотр, затем физзарядка, завтрак, облачение в скафандры, и вот мы уже едем в специальном автобусе голубого цвета к стартовой площадке, где, как величественный монумент нашего времени, стояла тонкая и высокая ракета, в которую был вмонтирован космический корабль.

Я люблю всё высокое, устремлённое в небо: многоэтажные здания, старинные башни, строительные краны, мачты радиостанций, вековые дубы, корабельные сосны. Но всё это, вместе взятое, не могло соперничать с захватывающей дух красотой космической ракеты, готовой всем своим могучим телом уйти в небо. Было жаль, что такое чудесное создание человеческого разума и рук, вознеся корабль на орбиту, должно

будет сгореть где-то там, в вышине.

Утро было прекрасным. Солнце поднималось всё выше и выше, в чистом, безоблачном небе пели птицы, откуда-то доносилась бодрящая музыка, и всё это гармонировало с моим приподнятым настроением. Судя по лицам окружавших меня людей, они испытывали ощущение чего-то возвышенного, необыкновенного. Никто не сомневался в успехе того, что сейчас делали все вместе, объединённые одной задачей, одной великой целью.

На стартовой площадке остались самые необходимые люди, без которых нельзя было осуществить полёт. Я попрощался со своими друзьями-космонавтами, крепко обнял Космонавта Три. Одетый в скафандр, он был такой же неуклюжий на Земле, как и я. Встретившись взглядом с тёмными глазами Главного Конструктора, я увидел то, чего ещё никогда в них не видел: и отцовскую любовь, и командирскую требовательность, и заботу о благополучном возвращении на Землю.

Я отдал рапорт Председателю Государственной комиссии о готовности к полёту. Сугубо гражданский человек, на мой по-военному чёткий доклад он как-то просто, по-домашнему пожелал счастливой дороги и протянул мне широкую рабочую ладонь. Я ответил ему крепким рукопожатием. Затем, поднявшись по железной лесенке к площадке у входа в лифт, обратился к провожающим меня и ко всему советскому народу.

— Дорогие товарищи и друзья! — сказал я, помедлив секунду. — Мне выпала великая честь совершить новый полёт в просторы Вселенной на советском космическом корабле «Восток-2». Трудно выразить словами чувства радости и гордости, которые переполняют меня.

Мы, советские люди, гордимся тем, что наша любимая Родина открыла новую эру освоения космоса. Мне доверено почётное и ответственное задание. Мой большой друг Юрий Гагарин первым проложил дорогу в космос. Это был великий подвиг советского человека.

Я обвёл глазами присутствующих, всё ещё надеясь увидеть среди них своего ближайшего друга. Мы заранее условились, что Юрий Гагарин обязательно будет на старте второго полёта человека в космос. Но он в эти дни находился очень далеко, в западном полушарии, гостя у народов Южной и Северной Америки. И всё же я верил, что он обязательно прилетит, если не на старт, то в район приземления «Востока-2», и мы по-братски обнимемся, так же крепко, как обнялись после его полёта.

Всё сказанное мною записывалось магнитофоном. Я посмотрел на инженеров и рабочих, окружавших Главного

Конструктора. Он казался совсем молодым, спокойным, напряжённым до предела и в равной степени хладнокровным. Он тоже мечтает слетать в космос на своём корабле. Я улыбнулся ему и продолжал:

— В последние минуты перед стартом мне хочется сказать сердечное спасибо советским учёным, инженерам, техникам и рабочим, которые создали прекрасный космический корабль «Восток-2» и провели подготовку его к полёту.

Новый космический полёт, который мне предстоит совершить, я посвящаю XXII съезду нашей родной Коммунистической партии.

Произнеся эти слова, я подумал о том, что, когда «Восток-2» выйдет на орбиту, их услышат по радио все советские люди, услышат мои учителя и товарищи, услышат на Алтае отец, мать и сестра, а в Москве — моя жена Тамара. Я вспомнил обо всех с неведомой доселе нежностью. Милые, родные, хорошие люди, всей душой я сейчас с вами!

Я подумал о Ленине. Ещё в детские годы, вступая в пионеры, я дал слово быть верным делу Ленина; я носил изображение его над сердцем на комсомольском значке; я был принят кандидатом в члены партии Ленина перед первым полётом человека в космос. И, подумав об этом, я вспомнил, как, встречая Юрия Гагарина в Москве, Никита Сергеевич Хрущёв с трибуны Мавзолея сказал о том, что всё новые и новые советские люди по неизведанным маршрутам полетят в космос. Мне выпало большое счастье совершить такой новый полёт. Заканчивая своё выступление, я сказал:

— В эти минуты хочу ещё раз горячо поблагодарить Центральный Комитет родной ленинской партии, Советское правительство, дорогого Никиту Сергеевича Хрущёва за оказанное доверие и заверить, что я приложу все свои силы и умение, чтобы выполнить почётное и ответственное задание.

Я глубоко уверен в успехе полёта.

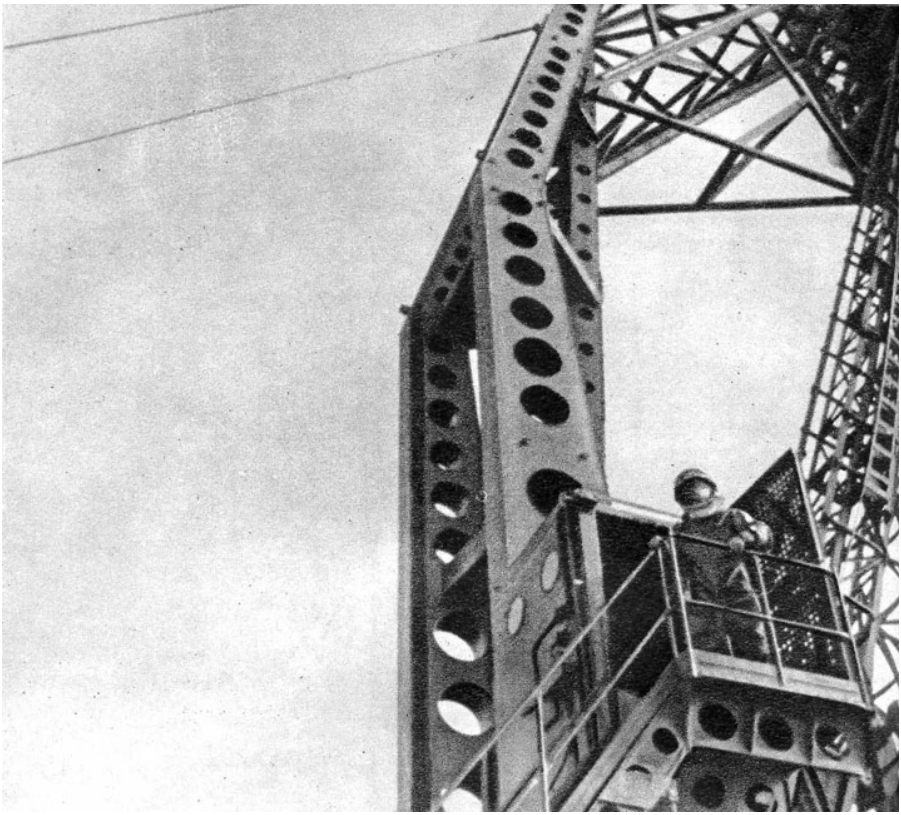
До скорой встречи, дорогие товарищи и друзья!

На этих снимках показаны снаряжение космонавта и специальное кресло пилота в кабине космического корабля, разработанные советскими учеными для обеспечения жизнедеятельности человека в космическом полете. Подобным снаряжением пользовался Герман Титов в своем полете на космическом корабле-спутнике «Восток-2».

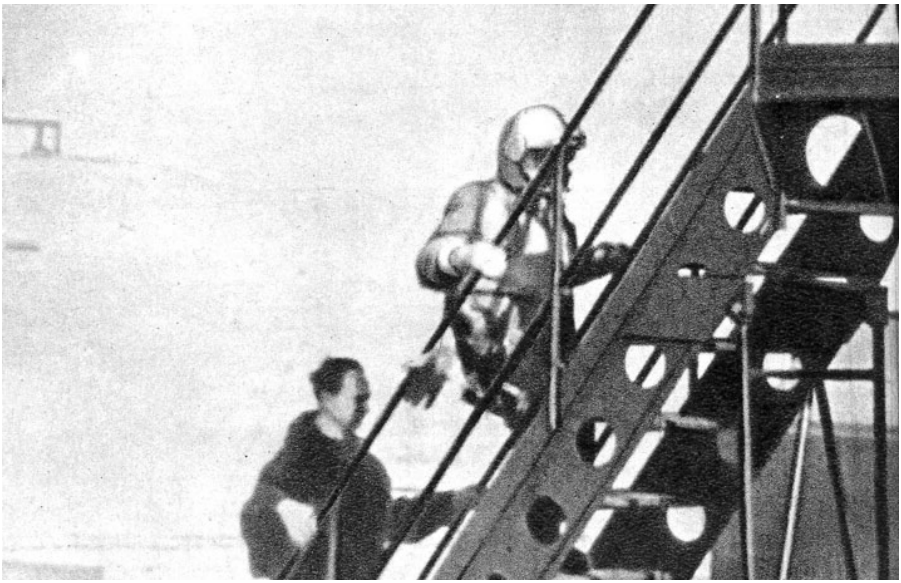
Снаряжение космонавта и специальное кресло пилота в кабине

косического корабля.

Герман Титов направляется на стартовую площадку.



Перед стартом.



Волнующее нетерпение охватило меня — скорее бы начался полёт. Я вошёл в кабину «Востока-2», и за мной плотно и бесшумно закрылся входной люк. Я остался один. Теперь — только вперёд! Взглянул на знакомые приборы, которые незримыми нитями должны были связывать меня со всем земным на далёкой орбите. Взглянул — и сразу успокоился. Мы, космонавты, привыкли к этим приборам на тренировках и верим в их почти человеческий разум.

В кабине было уютно, как в комнате. В пилотском кресле, напоминающем шезлонг, можно было сидеть и лежать, работать и отдыхать. Всё было под рукой и перед глазами, можно было легко достать любую кнопку, любой рычаг. Отсюда я мог управлять кораблём в полёте, держать связь с Землёй по радио и делать записи в бортовом журнале. Здесь легко дышалось. Мягкий свет не утомлял глаз. Конструкторы создали все условия для плодотворной работы космонавта, позаботились обо всех удобствах и даже комфорте.

Была объявлена десятиминутная готовность к старту. Председатель Государственной комиссии поинтересовался моим самочувствием.

— Чувствую себя прекрасно, — ответил я и поблагодарил за внимание, всем своим существом ожидая того, что произойдёт со мной в ближайшие минуты.

Время отсчитывало последние секунды. Ровно в девять часов по московскому времени была подана команда:

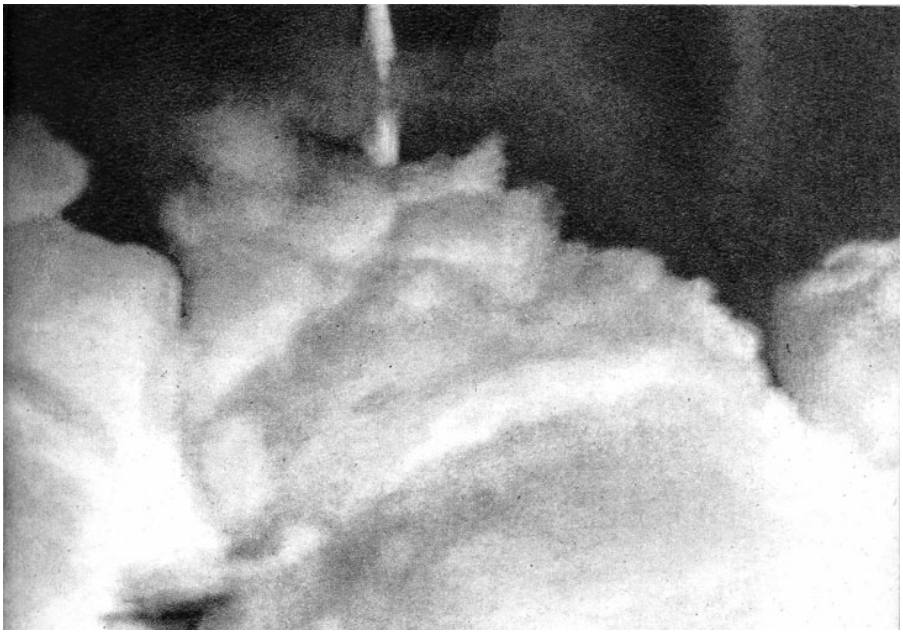
— Подъём!

Охваченный ещё никогда не испытанным счастьем, я ответил так же кратко:

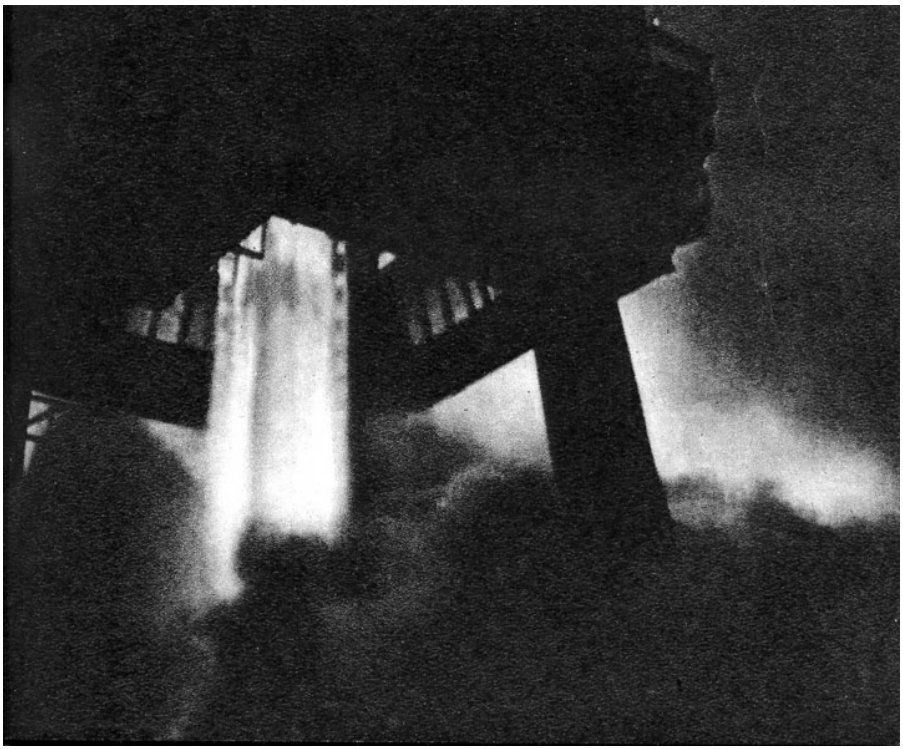
— Есть подъём!

В тот же момент я почувствовал, как миллионы лошадиных сил, заключённые в мощные двигатели ракеты-носителя, вступили в единоборство с силами земного притяжения.

— Пошла, родная! — невольно вырвалось у меня.



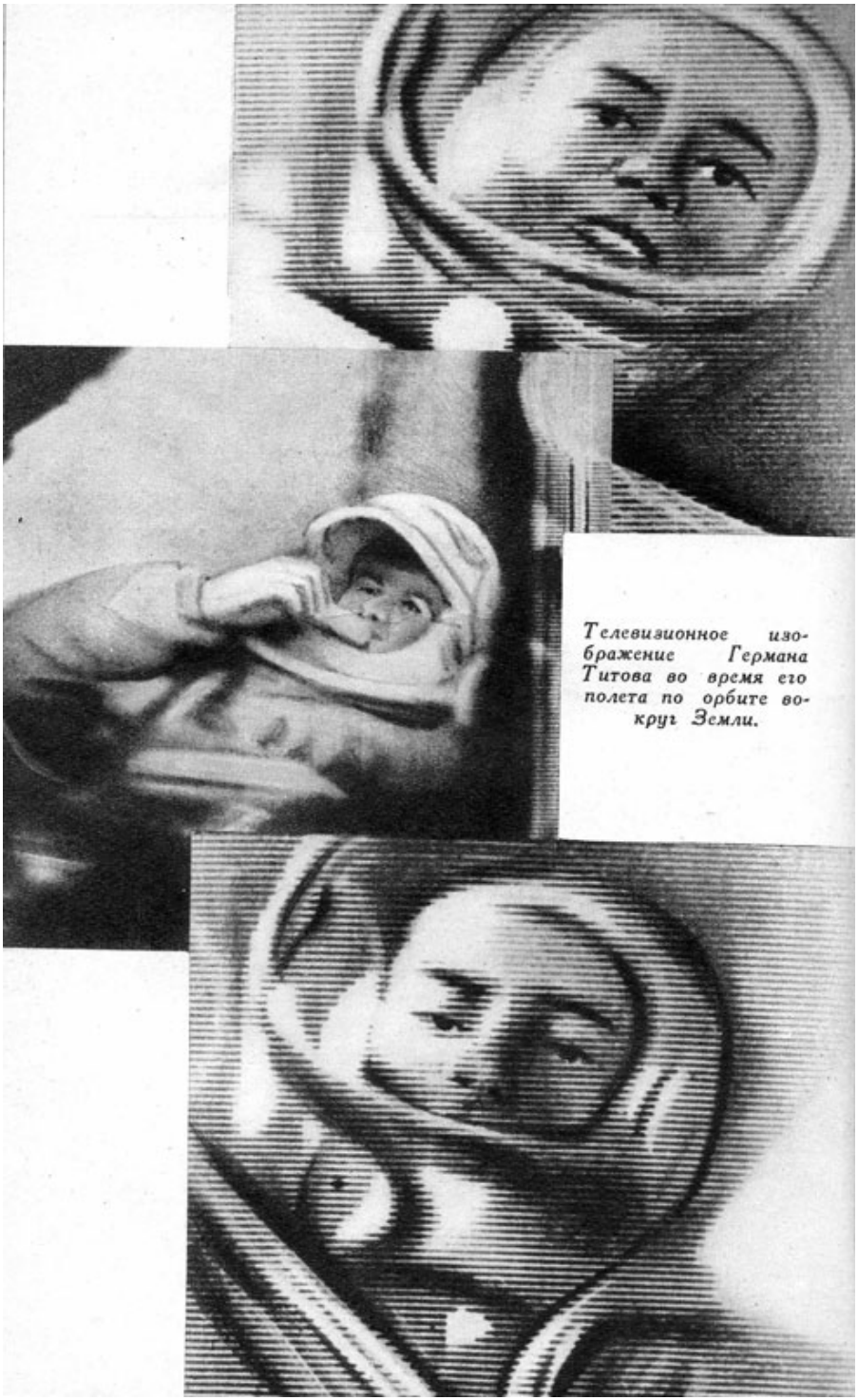
Старт космического корабля «Восток-2».



Ракета оторвалась от стартового устройства и на какое-то мгновение задержалась, словно преодолевая сильный порыв ветра. В кабину донёсся грохочущий рокот, ракету затрясло мелкой дрожью, и всё тело моё придавила невероятная тяжесть. Начали расти перегрузки, и я подумал, как хорошо, что мы, космонавты, много и упорно тренировались на центрифугах и вибростендах, что наши организмы приучены ко всем особенностям космического полёта.

Шум двигателей, вибрацию, все возрастающие перегрузки на участке выведения корабля на орбиту я перенёс хорошо, не ощущая ни головокружения, ни тошноты; и сознание, и зрение, и слух были такими же, как на Земле. С первых же секунд движения ракеты я начал работать: следил за приборами, поддерживал двухстороннюю радиосвязь с командным пунктом, через иллюминаторы наблюдал за удаляющейся Землёй. Горизонт всё время расширялся, в поле зрения возникали и ширились земные дали, залитые ярким солнечным светом. Это было во много раз грандиознее тех ландшафтов, которые раньше открывались взору под крылом реактивного самолёта.

Я чувствовал отделение каждой ступени ракеты, уносившей корабль всё выше и выше к расчётной орбите. Хронометр подсказывал, что «Восток-2» вот-вот выйдет на неё. В этот момент должно было возникнуть состояние невесомости, и я приготовился к нему. Но оно возникло плавно, само собой, после отделения последней ступени ракеты. Первое впечатление было несколько странным — будто я перевернулся и лечу вверх ногами. Но через несколько секунд это прошло, и я понял, что корабль вышел на орбиту. Это же показали приборы и по радио подтвердили учёные, наблюдавшие с Земли за движением «Востока-2». Они сообщили по радио параметры орбиты: перигей — 178 километров, апогей — 257 километров, угол наклона к экватору — 64 градуса 56 минут. Я находился на орбите, где не было ни дождя, ни снега, ни гроз — ничего, кроме пустоты. Теперь можно было приступить к выполнению заданной программы на весь полёт.



Телевизионное изображение Германа Титова во время его полета по орбите вокруг Земли.

Телевизионное изображение Германа Титова во время его

полёта по орбите вокруг Земли.

Основными задачами рейса «Востока-2» были исследования влияния на человеческий организм длительного полёта по орбите и последующего спуска на Землю; исследования работоспособности человека при длительном пребывании в условиях невесомости. Были ещё и другие задания, но все они являлись производными от этих двух основных. За сутки полёта для каждого из семнадцати витков вокруг планеты был составлен свой строгий график работ, которые должен был выполнить космонавт. Всё было расписано по минутам: когда вести радиопереговоры с Землёй, когда брать в свои руки управление кораблём, когда есть и пить, когда спать и просыпаться.

В иллюминаторы светило яркое, нестерпимое для глаз солнце, и я, экономя батареи, выключил освещение. Но вскоре лампочки пришлось зажечь — «Восток-2» вошёл в тень Земли, и его обступила тёмная, непроглядная ночь. На чёрном бархате неба, как алмазы, светились крупные холодные звёзды. Глядя на них, нельзя было не вспомнить стихи Лермонтова:

«…И звезда с звездою говорит».

Через час полёта, прорезая тёмную-претёмную ночь, я, как и было намечено планом работ, включил ручное управление кораблём. Признаться, это было сделано не без внутреннего волнения: ведь ещё ни один человек в мире не заставлял повиноваться своей воле космический корабль. «Подчинится ли он движениям моих рук?» — подумал я и решительно положил руку на пульт управления. «Восток-2» выполнил мои желания, и я вёл его с тем же спокойствием, с каким водил на Земле автомашину и в небе управлял реактивным самолётом. Управлять космическим кораблём оказалось легко. Его можно было ориентировать в любом заданном положении и в любой момент направить куда надо. Держа ладонь на ручке управления, я чувствовал себя капитаном чудесного корабля. Я не ощущал особого напряжения, вернее, не чувствовал никакого напряжения. Всё было привычно, как в самолёте.

Близился момент выхода из тени Земли. Он наступал стремительно. Второй рассвет в этот день для меня начался с того, что на горизонте я увидел ярко-оранжевую полосу, над которой стали возникать все цвета радуги. Небо было таким, словно я глядел на него через хрустальную призму. И вот уже

солнечные лучи ворвались сквозь иллюминаторы в кабину. После непроглядной ночи снова наступил светлый, солнечный день. Я с интересом следил за Землёй, видел крупные реки и горы, по окраске различал вспаханные и несжатые поля. Хорошо были видны облака. Их можно было отличить от снега по синим теням, отбрасываемым на Землю. На горизонте Земля была окружена бледно-голубым ореолом.

Глобус на приборной доске, вращение которого совпадало с движением корабля, показал, что «Восток-2» уже сделал первый виток вокруг Земли. Это же подтвердили и бортовые часы. То, что сделал 12 апреля Юрий Гагарин, было достигнуто, а «Восток-2» продолжал свой полёт.

В 10 часов 38 минут по московскому времени, пролетая над территорией Советского Союза, я доложил по радио Центральному Комитету КПСС, Советскому правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущёву:

— Полёт советского космического корабля «Восток-2» проходит успешно. Все системы корабля функционируют нормально. Самочувствие хорошее…

Вскоре в космос пришла ответная радиограмма от Н. С. Хрущёва, и я услышал, как забилось моё сердце. В ней Никита Сергеевич говорил о том, что все советские люди бесконечно рады моему успешному полёту. Он сердечно поздравил меня и ждал моего возвращения на Землю. Тёплые, отеческие слова Н. С. Хрущёва вселили в меня ещё большую уверенность, придали новые силы, и, как потом говорили врачи, следившие с Земли за состоянием моего организма, после этой радиограммы и пульс и дыхание стали у меня чище, спокойнее.

На втором витке, пролетая над африканским материком, я передал привет народам Африки, борющимся против колониализма.

Все континенты земного шара при наблюдении из космоса отличаются друг от друга не только своими очертаниями, но и красками. Основной цвет Африки — жёлтый с вкрапленными в неё тёмно-зелёными пятнами джунглей. Поверхность её похожа на пятнистую шкуру леопарда. Пролетая над африканским континентом, я сразу узнал пустыню Сахару — сплошной океан золотисто-коричневых песков, без всяких признаков жизни.

В детстве мне приходилось читать о путешественнике Давиде Ливингстоне, который одним из первых описал флору и фауну этого загадочного края, рассказал о жизни населяющих его племён и народов. Читал я, конечно, и богато иллюстрированные авторскими фотографиями книги чешских путешественников Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда «Африка грёз и

действительности». Интересные, полезные книги.

Не мог я не вспомнить и повесть, которая произвела на меня в школьные годы большое впечатление, «Капитан Сорви-голова» — об освободительной войне буров против английских колонизаторов. И события наших дней, происходящие в Африке, встали в памяти. Один за другим африканские народы сбрасывают цепи векового рабства, становятся на путь новой жизни. Пески Африки обильно политы кровью алжирских патриотов — борцов за свободу и независимость своей страны. Где-то здесь, среди сыпучих барханов, французские империалисты испытывают свои атомные бомбы, отравляя воздух планеты ядом стронция.

Жёлтая Сахара оборвалась внезапно, и я увидел светлый простор Средиземного моря, самого красивого из всех морей, которые мне пришлось наблюдать на первых двух витках. Тёмно-голубое, словно выписанное ультрамарином, оно проплыло в иллюминаторе и исчезло в туманной дымке.

Несколько минут полёта — и я снова над родной землёй. Она отличается от всех земель мира. Нигде не увидишь таких огромных полей, таких лесных массивов, такого множества могучих рек, такой богатой и разнообразной палитры красок — от изумрудной зелени Юга до слепящей белизны горных вершин, покрытых вечными снегами.

Мне не были видны с такой большой высоты заводы. Но я знал, что они дымят где-то там, внизу, озарённые сполохами доменных и мартеновских печей, у которых трудится великая армия строителей коммунизма. И в космическом корабле «Восток-2», как солнце, отражённое в бисерной капельке росы, отражался их титанический труд.

Я не видел терриконов угольных шахт и магистралей железных дорог, но мне были отлично видны искусственные моря, которые, как полные чаши, были приподняты плотинами гидростанций. Это были приметы нового времени — великой эпохи строительства коммунизма. Когда-то в школе, в родном селе Полковникове, я писал сочинение, которое начиналось ленинскими словами «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Совсем немного времени прошло с милой моему сердцу школьной поры. Разве мог я думать тогда, что мне одним взором доведётся окинуть нашу преображённую страну!

На втором витке, пролетая над Москвой, я ответил на приветственную радиограмму главы Советского правительства. Я не писал её, а диктовал.

— Передайте большую благодарность Никите Сергеевичу

Хрущёву за его отеческую заботу, — сказал я.

Эти слова ушли в эфир, и магнитофон автоматически записал их на ленту.

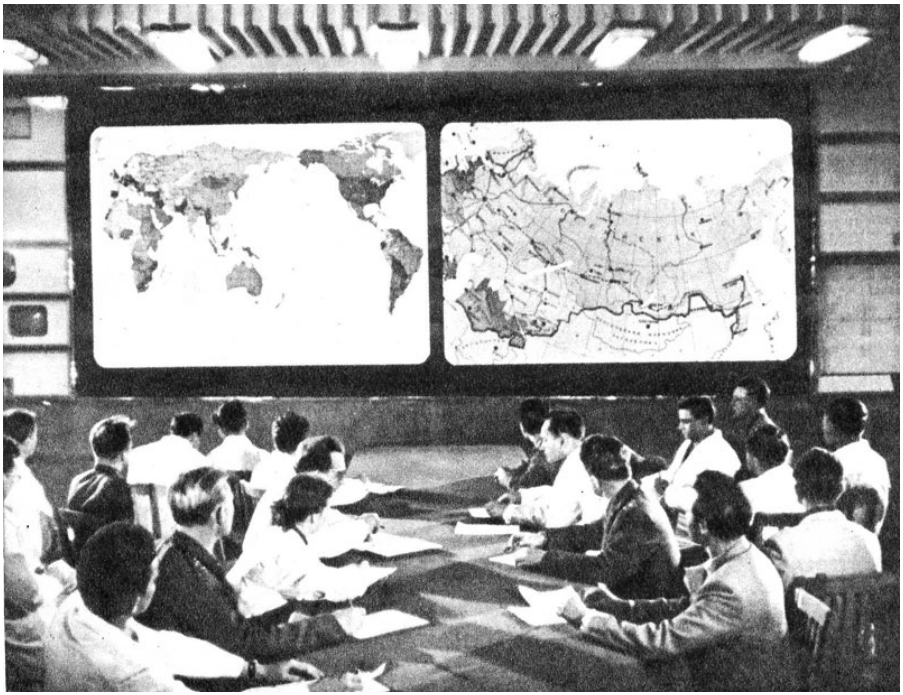
— Большое спасибо! — сказал я и ещё раз повторил: — Большое спасибо!

И, зная, что Никита Сергеевич всё время интересуется тем, как протекает полёт, как выполняется заданная программа, добавил:

— Я непременно выполню задание партии и правительства по программе полёта полностью. Всё идёт отлично. На борту порядок. Так и передайте Никите Сергеевичу.

Послав на Землю это сообщение, я почувствовал какое-то внутреннее облегчение. Радиограмма подводила итог первому этапу полёта. И действительно, в 11 часов 48 минут «Восток-2», закончив второй оборот вокруг Земли, начал третий грандиозный виток.

Всё время я передавал деловую информацию на командный пункт космического полёта, а также в координационно-вычислительный центр, расположенный за многие сотни километров от космодрома. Огромное число специалистов принимало участие в обработке данных, поступающих из космоса, в обеспечении полёта «Востока-2». Я знал, что за всем происходящим в кабине корабля, за каждым моим движением по телевизионным линиям следят с Земли сотни внимательных глаз. Врачи при помощи самых современных методов радиотелеметрии и телевидения непрерывно наблюдали за состоянием моего организма. Тончайшая аппаратура точно регистрировала биоэлектрическую и механическую деятельность моего сердца, частоту и глубину дыхания, температуру.



В координационно-вычислительном пункте во время полёта космического корабля «Восток-2».

На Земле внимательно следят за полётом космического

корабля «Восток-2».

Профессор медицины Владимир Иванович Яздовский и другие врачи, находившиеся на Земле, знали о моём сердце больше, чем знал о нём я. И если бы я, передавая свои субъективные ощущения, в чём-то ошибся, как это иногда бывает с лётчиками в «слепом» полёте, то многочисленные приборы и сверхчувствительная аппаратура тотчас бы отметили такую ошибку. Изучение влияния всех факторов космического полёта на жизнедеятельность человеческого организма покоилось на прочном научном фундаменте, на самом широком использовании медицинской техники.

В зарубежной прессе много писалось о вредном влиянии космического пространства на психику человека. Многие специалисты утверждали, что человек в космосе будет подвержен тоске, что его замучает гнетущее чувство одиночества. Но я ни на секунду не испытывал отрыва от своего народа, от друзей и товарищей, находившихся на советской земле. Юрий Гагарин, узнавший о начале моего полёта в то время, когда гостил в Канаде, на ферме известного американского промышленника лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сайруса Итона, послал мне приветственную телеграмму. Пройдя полсвета, она была передана вдогонку «Востоку-2» по радио и сильно порадовала меня.

«Дорогой Герман, — писал Юрий Гагарин, — всем сердцем с тобою. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. С волнением слежу за твоим полётом, уверен в успешном завершении твоего полёта, который ещё раз прославит нашу великую Родину, наш советский народ. До скорого свидания!»

Подтвердив получение этих сердечных слов, я тут же выразил Юрию Гагарину дружескую благодарность. Как всегда, мы были рядом и сердца наши бились в одном ритме.

Иногда я забывал о том, что на меня всё время смотрит внимательный глаз объектива телевизионного устройства, немедленно передающего моё изображение на экраны телевизоров, установленных в приёмных центрах на Земле. Как-то, увлёкшись записями, я закрыл лицо раскрытым бортжурналом и пробыл в таком положении несколько минут. А затем, спохватившись, положил бортжурнал на колени. Товарищи потом рассказывали, что я словно почувствовал их недовольство тем, что они на это очень короткое время были лишены возможности наблюдать за мной.

Надо сказать, что на протяжении всего полёта, начиная от

старта и до приземления, радиотехнические средства связи, вся лёгкая и компактная радиоаппаратура действовали прекрасно. Два параллельно работавших коротковолновых и третий ультракоротковолновый передатчики, выполненные на полупроводниковых приборах, приёмники, а также микрофоны, смонтированные в гермошлеме и расположенные в кабине, чувствительные наушники и динамики дали возможность из каждой точки орбиты передавать из космоса нужную информацию, получать с Земли распоряжения, вести радиопереговоры с Председателем Государственной комиссии, Главным Конструктором, врачами и различными специалистами. Мне хотелось поблагодарить Теоретика Космонавтики — крупнейшего советского учёного, под руководством которого был составлен сложнейший расчёт космического рейса «Востока-2». Но он сделал своё дело и не подходил к аппаратам связи. Слышимость была замечательной. Я по интонациям, по тембру узнавал голоса знакомых мне людей и даже представлял себе выражение их лиц. В кабине, на случай плохой слышимости, имелся и телеграфный ключ. Но прохождение радиоволн было настолько чётким, что пользоваться ключом для передачи сообщений не пришлось.

На борту «Востока-2» был установлен и приёмник широковещательных диапазонов. Включив этот приёмник, я услышал знакомый голос диктора Московского радио, который передавал официальное сообщение о том, что в космос запущен новый советский космический корабль и что управляет им гражданин Союза Советских Социалистических Республик — Герман Титов. Было совсем необычным и странным слышать такие хорошие слова о себе, о том, что я в это время делал. «Наверное, и отец, и мама, и сестра, и жена сейчас слышат это сообщение, — подумалось мне, — и, наверное, они волнуются и переживают».

Приёмник доносил до меня передачи многих радиостанций мира. В эфире, перебивая друг друга, слышались и родные и чужие голоса. Я с удовольствием прослушал несколько жизнерадостных вальсов Штрауса. Они отзвучали, и в кабину ворвалась бесшабашная какофония джаза. Барабанный грохот и волчье завывание саксофонов сменила задушевная русская песня о подмосковных вечерах, а затем зазвучал бодрый «Марш энтузиастов».

Несколько раз в приёмник просачивался «Голос Америки» на русском языке. Он передавал что-то невнятное о боге, ангелах, святых. Какая-то японская радиостанция вела урок русского языка. А наш Дальний Восток радовал меня «Амурскими

волнами». Я слышал их несколько раз. Меня даже спросили: нравится ли мне эта передача? Я ответил, что нравится, но всё же попросил сменить пластинку. Дальневосточники ответили: «Вас поняли» — и снова, в который уже раз, запустили «Амурские волны».

Дальний Восток… Рыбное Охотское море. Камчатка. Курильская гряда. А южнее — Японские острова. Япония — страна вулканов, землетрясений и вишнёвых садов. Подумав о ней, я вспомнил, что сегодня — 6 августа. В этот день шестнадцать лет назад полковник американских военно-воздушных сил Роберт Льюис сбросил первую атомную бомбу на японский город Хиросиму. Адский взрыв этой бомбы уничтожил город, убил и искалечил сотни тысяч мирных жителей — стариков, женщин, детей. До сих пор в Японии умирают люди, кровь которых отравлена губительными излучениями этого взрыва.

Если 6 августа 1945 года вошло в историю как один из самых мрачных дней летописи человечества, то 6 августа 1961 года, по отзывам всей мировой общественности, станет одним из её самых светлых дней. Ещё и ещё раз, пролетая вокруг Земли, я слышал, как радиостанции всех стран, каждая на своём языке, вели передачи о новой победе советского народа. Многие комментаторы связывали победу СССР в космосе с недавно опубликованным проектом Программы нашей Коммунистической партии. Экземпляр «Правды» с текстом проекта Программы, испещрённый цветным карандашом, был всегда со мной в дни подготовки к полёту. Много в новой Программе окрыляющих человечество мыслей, и я прочитал её с тем же восторгом, с каким много лет назад впервые познакомился с «Коммунистическим Манифестом», созданным гением Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Я слышал голоса радиостанций всех материков Земли, называющих имя Никиты Сергеевича Хрущёва, говорящих о советских космических кораблях, и в ответ с борта «Востока-2» передавал свои приветы. На третьем витке, находясь над Европой, я передал приветствие народам Советского Союза и Европы, а затем, пересекая южную часть западного полушария, — народам Южной Америки. Когда «Восток-2», оставив за собой более 200 000 километров космического пути, на пятом витке проходил над Китаем, в районе Гуанчжоу, такое приветствие было передано мною народам Азии. Находясь над Мельбурном, я приветствовал жителей пятого материка — равнинной Австралии. Из космоса был передан привет также и народам Северной Америки.

Позже, уже после возвращения на Землю, просматривая

вороха газет и журналов, я натолкнулся на сообщения американской прессы, где было написано, что голос «Востока-2» звучал подобно колоколу. Речь шла о приветственных радиограммах, которые я произносил на родном языке, понятном в этот день народам всего мира.

Почти весь полёт я провёл с открытым гермошлемом. Так было удобнее работать. Необходимости закрывать им лицо не было: полная герметизация кабины корабля не нарушалась ни на минуту. Да и питаться так, с открытым гермошлемом, куда удобнее.

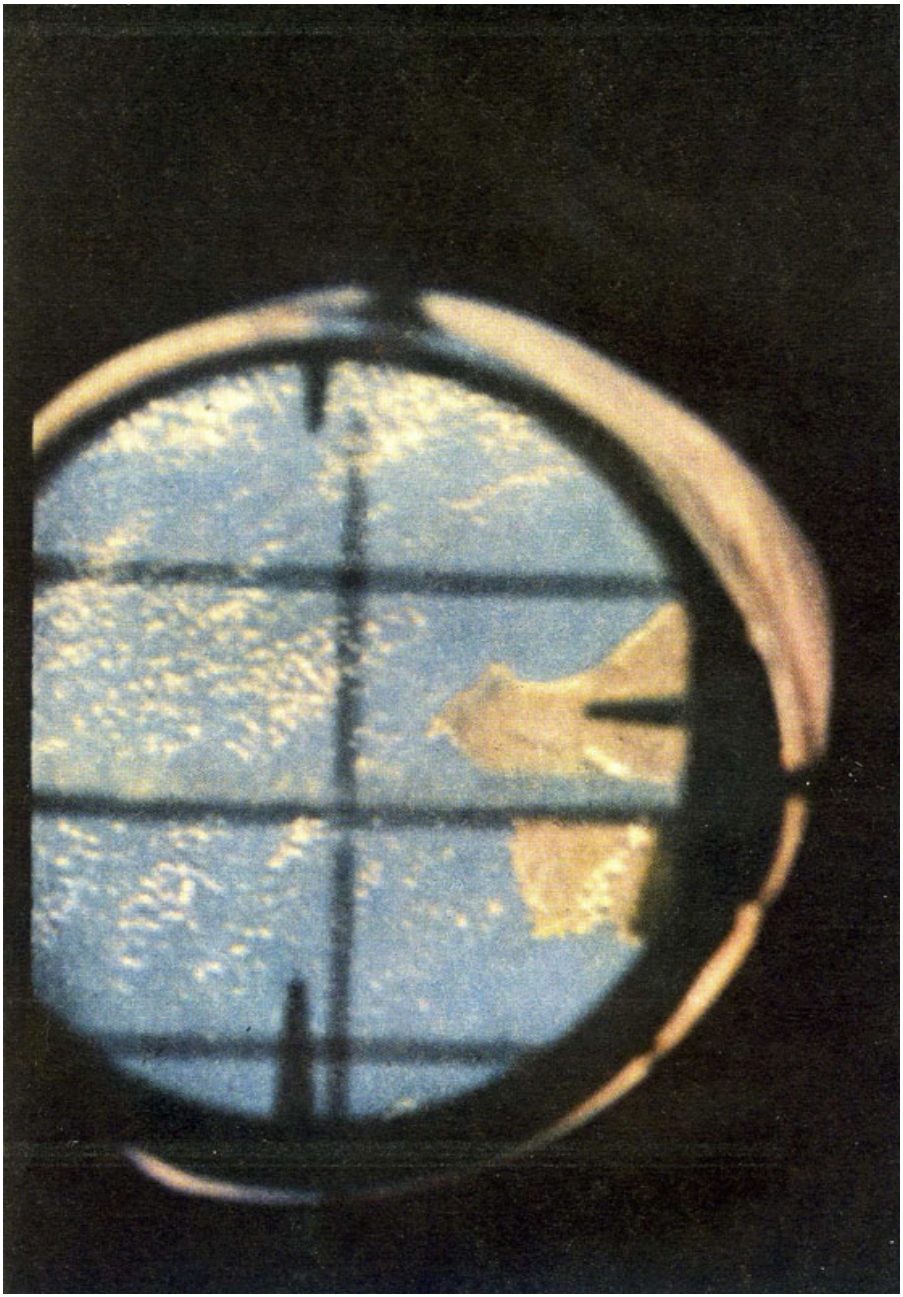
По заданной программе первый приём пищи — обед — полагался на третьем витке. Наступил полдень — времени от завтрака на Земле прошло довольно много, и, хотя есть не особенно хотелось, я принялся за обед. В кабине не было ни тарелок, ни ложек, ни вилок, ни салфеток. Протянув руку к контейнерам с пищей, я достал первую тубу. На Земле она весила примерно полтораста граммов; здесь же, в космосе, не весила ничего. В тубе содержался суп-пюре, который я и принялся выдавливать в рот, как зубную пасту. На второе таким же манером я поел мясной и печёночный паштет и всё запил черносмородиновым соком, тоже из тубы. Несколько капель сока пролилось из неё, и они, как ягоды, повисли перед моим лицом. Было интересно наблюдать, как они, чуть подрагивая, плавают в воздухе. Я подобрал их на пробку от тубы и проглотил.

И есть и пить в космосе можно так же легко, как и на Земле. Мне, как и было намечено полётным заданием, пришлось не только пообедать, но и поужинать, а на следующий день позавтракать всё той же космической пищей. При этом я употреблял её не только из туб, но и в твёрдом виде — откусывал небольшие кусочки хлеба, разжёвывал и глотал витаминизированные горошины. Ну, и, конечно, пил воду из специального устройства. Всё получалось хорошо, «по-земному». Словом, вопрос с питанием человека в длительном космическом полёте можно, на мой взгляд, считать решённым — были бы только на корабле нужные запасы пищи.

Всё время поблизости от меня в кабине плавала ручная кинокамера, которую я захватил с собой в полёт, чтобы запечатлеть всю красоту, открывающуюся человеческому взору на орбите. Это был обычный репортёрский киноаппарат «Конвас», заряженный цветной плёнкой. Я сделал им несколько снимков горизонта при входе в тень Земли и при выходе из неё на Солнце. Снимал и звёздное небо. Дважды я видел Луну. Она была на ущербе, острый серпик её такой же, каким мы его видим с Земли. Создавалось впечатление, будто корабль стоит на месте, а Луна

быстро, рожками вперёд проплывает мимо иллюминатора.

Земля, снятая Германом Титовым в космосе.



Луна напомнила мне гоголевскую «Ночь перед Рождеством», и я представил себе украинское село, засыпанное снегом, парубков и девчат, поющих на улице. Сверкающий в темноте месяц чудился настолько близким, что, казалось, стоит открыть иллюминатор и можно будет достать его рукой и положить в мешок, как описывал это Гоголь. Но всему своё время. И то, что в гоголевскую пору было сказкой, в наши дни становится

действительностью. Кому-то из нас, космонавтов, доведётся первому и облететь Луну, и побывать у её кратеров, и даже привезти с собой на Землю мешок лунных камней.

Я не удержался от соблазна и раза два снял самого себя и даже подмигнул в объектив киноаппарата. Затем подбросил бортжурнал и, когда он поплыл в кабине над головой, тоже сделал несколько кадров. Я не специалист по киносъёмкам, и, хотя снимки получились не ахти какие, они всё же в какой-то мере дополняют впечатления, вынесенные из полёта.

Перед выходом корабля из тени Земли интересно было наблюдать за движением сумерек по земной поверхности. Одна часть Земли — светлая — в это время была уже освещена Солнцем, а другая оставалась совершенно тёмной. Между ними была чётко видна быстро перемещавшаяся сероватая полоса сумерек. Над ней висели облака розоватых оттенков.

Всё было необычно, красочно, впечатляюще. Космос ждёт своих художников, поэтов и, конечно, учёных, которые могли бы всё увидеть своими глазами, осмыслить и объяснить. Мне запомнились Тянь-Шаньские хребты и горные вершины Гималаев, покрытые ослепительно белым снегом. Их цепи были направлены под углом к линии полёта «Востока-2». Горы стояли, как скирды соломы, а между ними синели провалы ущелий.

Летая вокруг земного шара, я воочию убедился, что на поверхности нашей планеты воды больше, чем суши. Великолепное зрелище являли собой длинные полосы волн Тихого и Атлантического океанов, одна за другой бегущих к далёким берегам. Я глядел на них через оптический прибор с трёх- и пятикратным увеличением.

Океаны и моря, так же как и материки, отличаются друг от друга своим цветом. Богатая палитра, как у русского живописца-мариниста Ивана Айвазовского, — от тёмно-синего индиго Индийского океана до салатной зелени Карибского моря и Мексиканского залива.

Один раз в ночной темноте я увидел внизу золотистую пыль огней большого города. Глобус на приборной доске подсказал, что под «Востоком-2» — зарево освещённого Рио-де-Жанейро, одного из крупнейших городов Южной Америки. Там, на бразильской земле, всего несколько дней назад гостил Юрий Гагарин и миллионы людей слышали его рассказ, воочию видели советского космонавта. Любуясь огнями Рио-де-Жанейро, я подумал, что, может быть, в эти минуты кто-нибудь из наших бразильских друзей ловит в эфире сообщения «Востока-2».

Корабль делал виток за витком, и казалась, он не подвластен времени. Но витки не были бесконечным повторением одного и

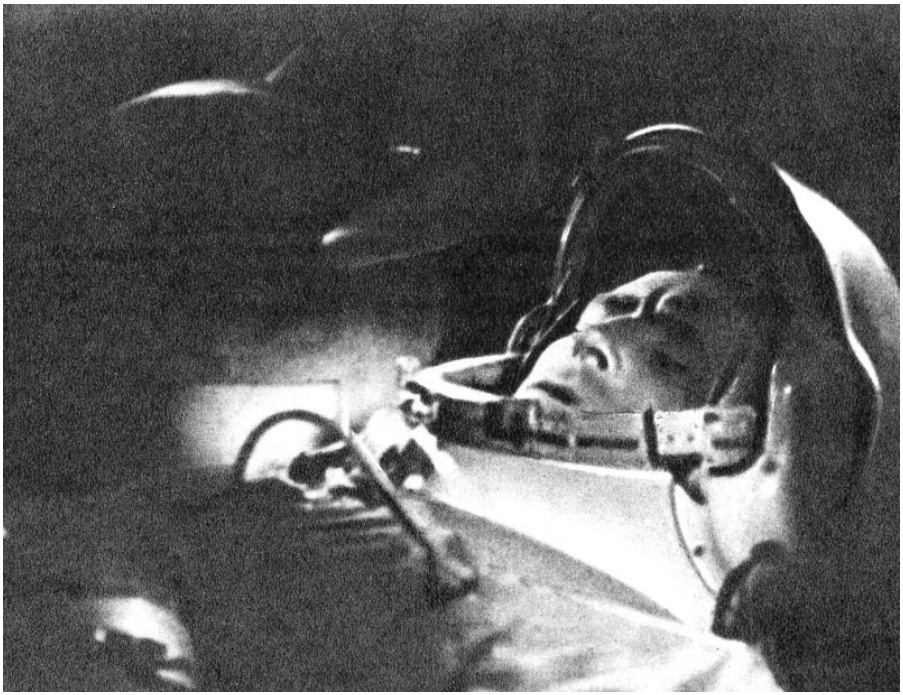
того же, все они разные, и в каждом было что-то своё, новое. Работы было много. Я вновь взялся за ручку управления. На сей раз более уверенно, ибо уже знал, как в этом случае ведёт себя корабль. Он послушно повиновался моим желаниям.

По графику полёта приближалось время отдыха — я должен был спать. График был разумно составлен на Земле. К этому часу я достаточно притомился: ведь «Востоком-2» уже было сделано шесть оборотов и прошло девять часов полёта в космосе. Кроме того, длительное пребывание в условиях невесомости вызвало некоторое изменение в моём организме со стороны вестибулярного аппарата, и я временами испытывал неприятные ощущения. Они вызывались особенностями работы вестибулярного аппарата в обстановке, отличной от земных условий. Состояние невесомости особым образом действовало на так называемые отолиты — маленькие камешки, находящиеся в наполненной жидкостью замкнутой полости внутреннего уха человека. В обычных условиях отолиты при изменениях положения головы перемещаются, возбуждая то одни, то другие группы чувствительных нервных окончаний, расположенных в стенках полости внутреннего уха, которые и передают по нервам соответствующую информацию в головной мозг. Потеряв на орбите силу тяжести, отолиты не могут правильно информировать мозг, а значит, способствовать ориентировке космонавта в пространстве.

Чтобы избежать этого, я принимал исходную собранную позу и старался делать поменьше резких движений головой. Сон должен был не только снять охватившую меня усталость, но и в какой-то степени помочь избавиться от неприятных ощущений, связанных с естественными в условиях невесомости нарушениями в вестибулярном аппарате.

В 18 часов 15 минут «Восток-2» проходил над Москвой. Наступало время, отведённое на сон. Но я не удержался и передал в нашу столицу небольшую радиограмму. Сообщая в ней о том, что всё по-прежнему идёт хорошо и отлично, я сказал о комфорте, окружавшем меня, и пожелал дорогим москвичам спокойной ночи:

— Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать…



На седьмом витке вокруг планеты Герман Титов передал по радио на Землю: «Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать».

На этом радиосвязь прекратилась. Приёмники были включены, но, как было условлено, никто меня не тревожил вопросами и ни один звук не долетал с Земли. Наземные радиостанции заботливо оберегали мой покой. Время с вечера 6 августа до двух часов 7 августа было отведено мне для отдыха и сна.

Чтобы не отделяться от кресла, я закрепил себя привязными ремнями и приказал себе уснуть. Нас, космонавтов, врачи приучали засыпать мгновенно, по желанию, и просыпаться точно в заданное время. Я закрыл глаза и уснул. Радиотелеметрический контроль аппаратуры корабля и аппаратуры обеспечения жизнедеятельности и состояния космонавта продолжал свою бесшумную работу.

Проснулся я от какого-то странного состояния тела. Вижу, мои руки приподнялись сами собой и висят в воздухе: сказывалось состояние невесомости. Я засунул ладони под ремни и взглянул на световое табло специального счётчика, показывающего, что корабль идёт на восьмом витке. Просыпался

я также на десятом, а затем на одиннадцатом витках, взглядывал на табло и тут же снова засыпал. Спать в космосе легко. Переворачиваться незачем; ни руки, ни ноги не затекают. Чувствуешь себя, как на морской волне.

Окончательно проснуться и приступить к работе я должен был ровно в два часа 7 августа. Но я проспал лишних 35 минут. На Земле это поняли и не будили меня, давая возможность отдохнуть получше. Через две минуты после пробуждения и необходимого туалета я приступил к работе. В космосе ценишь каждое мгновение, и было жаль часов, потраченных на сон.

Всё оборудование корабля действовало с точностью часового механизма. Я отдохнул, чувствовал себя свежо и бодро, неприятные ощущения исчезли, и обо всём этом сразу же было сообщено на Землю:

— Никаких снов не видел, выспался, как младенец…

Передав первое после отдыха сообщение и тем успокоив товарищей, бодрствовавших на Земле, я занялся физзарядкой. Для нас, космонавтов, она уже давно стала необходимой потребностью. Если не сделаешь её с утра — целый день чувствуешь себя не в своей тарелке.

Физзарядка в космосе? В состоянии невесомости, когда собственное тело не ощущает тяжести, казалось бы, невозможны физические усилия. Но это явление было учтено, и наши врачи и инструкторы физической подготовки разработали оригинальный комплекс упражнений. Так, например, космонавт старался оторвать своё тело, привязанное ремнями, от кресла. Это было одно из упражнений для мышц брюшного пресса. Были найдены и другие движения, которые разминали суставы и приводили мышцы в рабочее состояние.

Физзарядка активизировала сердечную деятельность и сделала меня более бодрым. Я набрался сил и был готов к новым испытаниям. Ведь предстоял ещё очень большой путь — пять витков вокруг Земли, свыше 200 000 километров космического полёта.

Я вспомнил о том, что обещал товарищам сделать несколько автографов, и надписал их, пролетая где-то над джунглями Индии.

Москва, 6 августа 1961 года. Первые сообщения о полёте Германа Титова.

«Восток-2» совершал свои обороты с математической точностью, минута в минуту. Я это проверил по своим наручным часам. Один раз, войдя в тень Земли, я засёк время. Когда корабль, прорезав ночь, вновь оказался на солнечной стороне, я стал следить за часовой стрелкой, ожидая нового входа корабля в

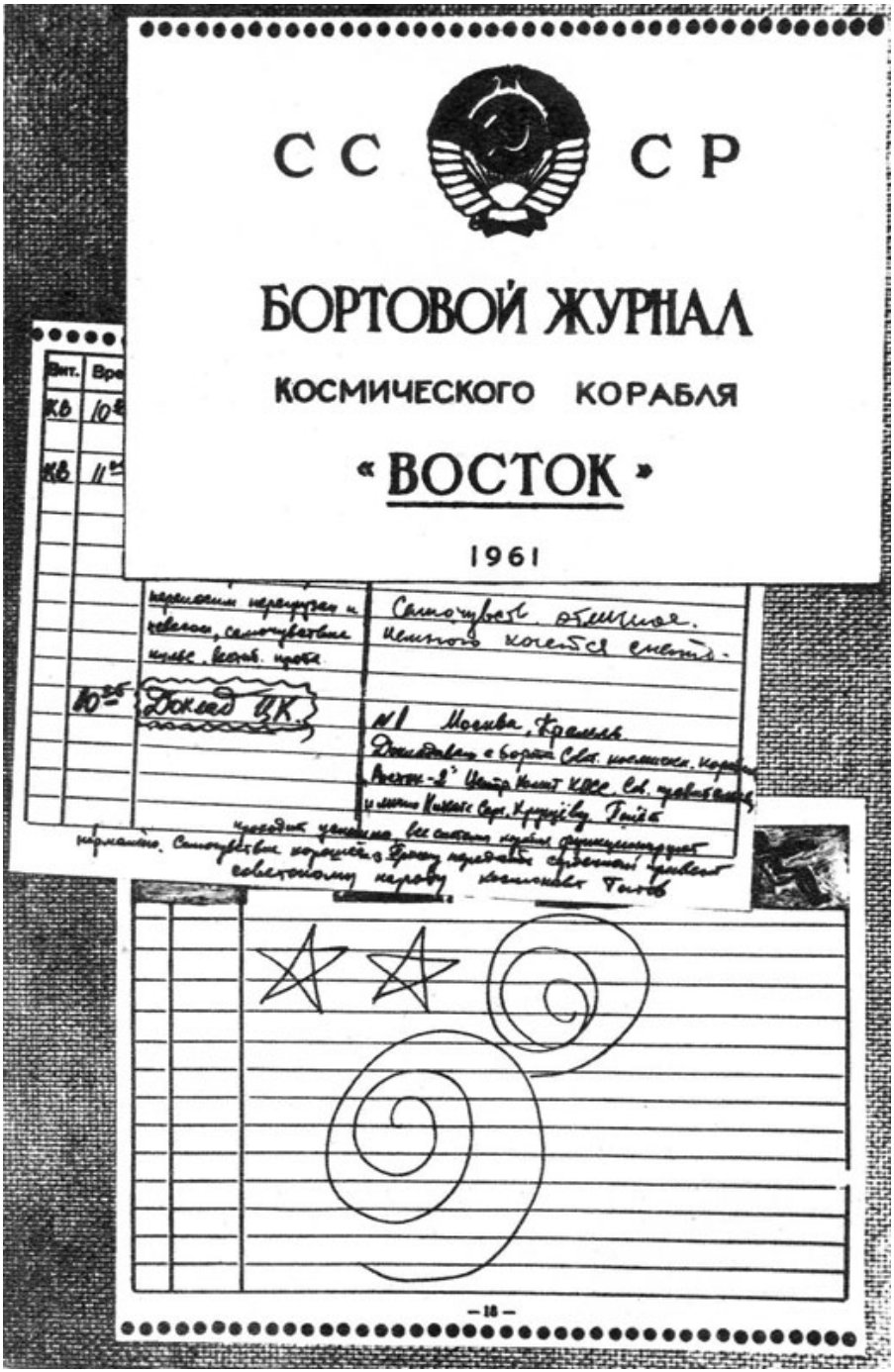
тень. Он произошёл на восемьдесят девятой минуте, то есть именно так, как было подсчитано на Земле и ещё в самом начале полёта сообщено мне в космос.

У меня был красивый позывной — «Орёл», как бы второе имя, на которое я откликался с орбиты. У каждого космонавта было подобное имя. Но когда мне говорили с Земли: «Ландыши», — было понятно, что в беседу по радио вступает один из моих друзей. Сочинённая нами шутливая песенка о ландышах частенько распевалась в нашем кругу в часы досуга. Полёт, потребовавший немало выдержки и терпения, подходил к концу, и товарищи, зная, что приближается трудный, заключительный этап — приземление, старались поддержать мои силы и бодрое настроение.

Приподнятое настроение ни на минуту не покидало меня. Оно возрастало с каждым часом, приближавшим меня к финишу. Я радовался, да и как было не радоваться, если вся научная программа выполнялась успешно. И всё подтверждало: полёт проходит хорошо. Я посмотрел на контейнеры с пищей: в них хранился запас продуктов на десять суток. В случае надобности полёт по орбите мог быть продолжен.

В благополучном приземлении я нисколько не сомневался, верил в корабль, твёрдо верил в точность расчётов, проведённых математиками под руководством Теоретика Космонавтики, которого успели полюбить все космонавты. Он неразговорчив, но мы помнили каждое его слово и суждение, которые были неоспоримы.

В бортовом журнале появлялись всё новые и новые записи, сделанные без помарок. Для каждого витка в нём были отведены свои страницы. И я старательно заносил в них не только обусловленные графиком полёта наблюдения, но и свои впечатления и переживания. Мне хотелось записать оценку ракете, которая вывела «Восток-2» на орбиту: «Могучие у нас ракеты. И славу космических полётов в равной мере следует делить между космонавтами и теми, кто создаёт, снаряжает и запускает ракеты».



Эти записи сделаны Германом Титовым в космосе.

Эта тетрадь с вытисненным на её обложке Гербом Советского Союза была своеобразным дневником, и в ней наряду с деловыми записями встречались и такие: «Слышу: Москва транслирует „Подмосковные вечера“». Как-то я провёл тыльной стороной ладони по щеке — раздался лёгкий треск: у меня чуточку отросла борода. «Хорошо было бы перед спуском на Землю побриться», — подумал я, но электробритва осталась на космодроме в чемодане. Я хотел записать в бортжурнал и о бороде, и о том, что детская мечта о кругосветном путешествии сбылась столь необычным способом, но это не относилось к делу.

Космический корабль пошёл на семнадцатый виток, но внимание моё не ослабевало ни на минуту. В наушниках послышался тёплый выразительный голос Главного Конструктора:

— Готовы ли к посадке?

Не задумываясь, я ответил:

— Готов!

Честно говоря, мне уже захотелось на Землю. В космосе, конечно, хорошо, но дома всё-таки лучше. Нет ничего прекраснее в мире, чем родная Земля, на которой можно трудиться, встречаться с друзьями, дышать полевым ветром.

Спуск космического корабля с орбиты, прохождение его через плотные слои атмосферы и сама посадка — дело весьма сложное и ответственное. Малейшая оплошность, допущенная на этом заключительном этапе полёта, способна доставить много неприятностей. Надо иметь в виду, что всё происходит на бешеной скорости, при высоких температурах разогревшейся теплозащитной оболочки корабля, на огромном расстоянии, исчисляемом тысячами километров от намеченного района приземления. Главное в такой обстановке — сохранить ясность мысли, и я, будучи врагом скоропалительных решений, естественно, захотел в эти минуты ещё раз проконсультироваться с Главным Конструктором.

Я задал ему по радио несколько вопросов, беспокоивших меня, на которые тут же получил точные ответы. В них на основании всех данных происходящего полёта было развито то, что учёный говорил нам с Космонавтом Три во время вечерней прогулки накануне старта. Он сделал паузу, чтобы слова его поглубже проникли в моё сознание.

— Действуйте так, как действовали до сих пор, и всё будет хорошо, — сказал в заключение Главный Конструктор. Голос его был уверенный и спокойный, будто разговор шёл о самом обыденном деле. В который уже раз за время полёта железная уверенность учёного передалась мне, и я вновь убедился, что на

Земле всё подготовлено к посадке корабля в заданном районе.

Я снова принялся за текущую работу. Находясь в кабине корабля, я не вспоминал о прошлом, не мечтал о будущем и жил только настоящим, таким содержательным и прекрасным. В намеченное графиком время мне сообщили, что сейчас будет включена автоматика спуска. Система ориентации корабля сработала с исключительной точностью. Затем заработал тормозной двигатель. Сила его, действующая в противоположную полёту сторону, стала гасить скорость. «Восток-2» сошёл с орбиты, начал приближаться к плотным слоям атмосферы.

Меня интересовал переход от невесомости к обычному состоянию. Юрий Гагарин рассказывал, что этот момент уловить трудно. И действительно, невесомость исчезла как-то сама собой. Вдруг в какой-то момент я почувствовал, что плотно сижу в кресле; чтобы поднять руку или двинуть ногой, требуется некоторое усилие.

«Восток-2» вошёл в плотные слои атмосферы. Его теплозащитная оболочка быстро накалялась, вызывая яркое свечение воздуха, обтекающего корабль. Я не стал закрывать шторки иллюминаторов: хотелось подробнее проследить за тем, что делается снаружи. Нежно-розовый свет, окружающий корабль, всё более сгущался, стал алым, пурпурным и, наконец, превратился в багровый. Невольно взглянул на градусник — температура в кабине была нормальной: 22 градуса по Цельсию. Гляжу прищуренными глазами на кипящий вокруг огонь самых ярчайших расцветок. Красиво и жутковато! А тут ещё жаропрочные стёкла иллюминаторов постепенно желтеют. Но знаю — ничего опасного не произойдёт: тепловая защита корабля надёжно и многократно проверена в полётах.

Невесомость полностью исчезла. Возрастающие перегрузки с огромной силой вжимали меня в кресло. Ощущение было такое, будто какая-то тяжесть расплющивает тело. «Скорей бы отпустило», — подумал я. И действительно, навалившаяся на меня сила постепенно стала слабеть. Становилось всё легче и легче. Вскоре перегрузки совсем исчезли. И свечение воздуха снаружи прекратилось. Все системы сработали отлично. Корабль шёл точно в заданный район приземления.

Я знал это место, встречал там Юрия Гагарина, когда он возвратился из космоса, восхищался его бесстрашием, думал, что на поле, где он приземлился, наверное, будет установлен обелиск в честь памятного дня — 12 апреля 1961 года. И если в первые часы полёта для меня не существовало ни прошлого, ни будущего и я жил только настоящим, то теперь позволил себе думать о самых разных вещах.

Думал, что обязательно поступлю учиться в Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Я знал, что накануне старта «Востока-2» жена моя должна была держать экзамен в медицинское училище. «Не повлияла ли тревога за мою судьбу на её ответы преподавателям?» — подумал я.

Мысль о жене пробудила много воспоминаний. Я припомнил, как мы познакомились, как полюбили друг друга, как я читал ей наизусть стихи Пушкина и Есенина, как мы поженились и во всём помогали друг другу. Она понимала меня, как никто. Я воскресил в памяти её матовое лицо, фигуру, походку. Никогда я не любил её так нежно, как теперь, пролетая в космосе за тысячи километров от неё.

Затем я вспомнил всё, чему научил меня отец, всё, что дала мне мать. Сестра встала перед моими глазами, мелькнуло несколько полузабывшихся сценок детства. Вспомнились мои школьные учителя, инструкторы лётного дела, подполковник Подосинов — все те люди, которые своим вниманием и заботой повседневно делали из меня настоящего советского человека.

Конструкция «Востока-2» предусматривала два способа приземления космонавта: в кабине корабля или путём отделения кресла от корабля и спуска на парашютах. Мне было разрешено по собственному усмотрению воспользоваться любой из этих систем. Поскольку самочувствие моё было хорошим, я без колебаний принял решение испытать вторую систему приземления. И когда «Восток-2» снизился настолько, что можно было произвести катапультирование, кресло космонавта отделилось от корабля, и над моей головой раскрылся ярко-оранжевый парашют.

Внизу клубились кучевые облака. Я прошёл через их влажную толщу и увидел землю, покрытую золотистым жнивьём. Узнал Волгу и два города, расположенных на её берегах, — Саратов и Энгельс. Значит, всё шло так, как было намечено, — приземление происходит в заданном районе, в тех местах, куда из космоса вернулся и Юрий Гагарин.

Чистый солнечный свет сеялся через облака, как из-под абажура. Парашют, раскачиваясь, плавно опускал меня всё ниже и ниже. Живительный воздух земли пахнул в лицо. Я всегда любил прыжки с парашютом: после напряжённых секунд падения наступает состояние блаженного покоя, необыкновенно приятной тишины. И этот прыжок — а было их у меня свыше полусотни — тоже как рукой снял всю утомлённость от суточного полёта, успокоил нервы. Казалось только немного странным сейчас, после того, как я одним взором окидывал огромные куски материков и океанов, видеть Землю сузившейся, сократившей свой горизонт.

Но теперь на ней отчётливо проступали детали. Я увидел работающий комбайн, скошенные поля со скирдами соломы, зелёные перелески, пасущееся на лугу колхозное стадо. Всё это довольно быстро перемещалось, и я понял, что дует довольно сильный ветер. Невдалеке виднелась железная дорога. По ней шёл товарный поезд. Я прикинул, что ветром меня сносит к нему.

«Ещё чего недоставало — опуститься на крышу вагона и заехать бог знает куда…»

Машинист и кочегар выглядывали из паровозной будки, показывая на меня. Они, конечно, знали о полёте «Востока-2» и догадались, кто это спускается с неба. Ведь яркий, заметный издали цвет парашюта и всё снаряжение на мне отличались от того, что можно наблюдать при обычных спусках парашютистов. Паровозной бригаде, видимо, хотелось остановить поезд, но график есть график, и состав продолжал свой путь.

«Восток-2» опустился по одну сторону железнодорожного полотна, а я — по другую. Сильным, порывистым ветром меня проволокло по жнивью. Земля была мягкая и уменьшила силу удара. Наконец-то после стольких часов полёта я оказался на родной земле. Тёплая, согретая августовским солнцем, она пахла свежим зерном и соломой. Как было приятно встать на неё, ощутить под ногами привычную почву, сделать первые шаги! Они были неуверенными, как в детстве, когда я учился ходить. До чего же прекрасна земля! И небо и море с ней никак не сравнимы.

Двадцатипятичасовой космический полёт заканчивается благополучным приземлением космонавта.

Привыкнув в полёте всё делать по точному расписанию, я взглянул на часы. Было 10 часов 18 минут по московскому времени. Я быстро прикинул в уме, сколько пробыл в полёте: 25 часов 18 минут. Больше суток! Эти сутки оправдали всю мою жизнь.

Отцепив парашют, я огляделся. Вижу, по дороге пылит мотоцикл с тремя седоками, приложившими ладони к глазам. Они подъехали ближе и бросились меня обнимать. Это были колхозные механизаторы, поспешившие ко мне с полевого стана. Лица их были освещены радостью. Я едва вырвался из их рук, попросил:

— Помогите освободиться от небесного одеяния.

Довольно быстро они сняли с меня скафандр. Тут подъехала легковая машина с двумя мужчинами и женщиной. У женщины лоб в крови. Оказывается, они так торопились, что, едучи по жнивью, попали в яму. Я хотел ей помочь, сказал, что надо скорее перевязать бинтом повреждённую голову, а она вся сияет и говорит:

— Я первая увидела вас на земле, и у меня сегодня самый счастливый день…

По всему полю со всех сторон к нам бежали люди. Меня

усадили в машину, чтобы доставить в райком партии. Но я попросил, чтобы меня сначала отвезли к кораблю. Он был за насыпью железной дороги. Мы промчались через переезд, и я увидел «Восток-2», стоящий на поле. Около него уже хлопотали товарищи из группы встречи.

Войдя в корабль, я взял из него бортжурнал, попил воды из запаса, находившегося в кабине, и на той же машине отправился в райком. Там меня соединили по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, и я доложил ему, что полёт закончен успешно, космонавт чувствует себя хорошо. Никита Сергеевич, словно угадывая, что происходит во мне, тепло, по-отечески разговаривал со мной. Он даже пошутил, говоря, что мой голос звучит, будто я вернулся не из космоса, а со свадебного бала, назвал мой 25-часовой полёт героическим подвигом.

— Вы осуществили мечту человечества, — сказал Никита Сергеевич. — Не так давно мечта о космических полётах человека считалась мечтой неосуществимой. Мы гордимся тем, что вы, советский человек, коммунист, сделали это. Вы теперь уже не кандидат в члены партии. Считайте, что ваш кандидатский стаж уже истёк. Потому что каждая минута вашего пребывания в космосе может засчитываться за годы. Вы свой кандидатский стаж в члены партии уже прошли и показали, что вы настоящий коммунист и можете высоко держать знамя Ленина!

Герман Титов из района приземления докладывает по телефону Никите Сергеевичу Хрущёву о выполнении полёта на космическом корабле «Восток-2».

Трудно передать состояние, охватившее меня в это мгновение. Я испытал самые тончайшие оттенки чувств. В них были и безмерная радость за новую победу, одержанную советским народом, и благодарность партии и правительству, доверившим мне столь ответственное задание, так высоко оценившим мой скромный вклад в развитие космонавтики. Слова Никиты Сергеевича о том, что я могу считать себя членом Коммунистической партии, ещё более окрылили меня, и я дал себе обещание готовить себя к любому новому, ещё более сложному заданию.

Все мы, космонавты, любим Никиту Сергеевича, как отца, и я много думал о его титанической энергии там, в просторах Вселенной, когда получил от него радиограмму. Товарищ Хрущёв всегда молод. Он иногда называет себя стариком, но сколь прекрасной должна быть старость, которой восхищается молодость! Просто диву даёшься, как этот обладающий исключительной памятью, сердечный, добрый и в то же время требовательный человек успевает находить время и для кипучей дипломатической деятельности и для глубокого проникновения в нужды сельского хозяйства и нашей индустрии, для бесед с работниками литературы и искусства, для заботливого выращивания научных кадров! А сколько сделал Никита Сергеевич в области наиболее близкой нам, космонавтам, — в строительстве ракетной техники, в организации космических полётов!

— Идите отдыхать. Вы заслужили отдых, — заканчивая разговор, сказал Никита Сергеевич. И тут я почувствовал, насколько устал.

Но за стенами райкома шумел народ. Там собрались жители всего городка, и, конечно, нельзя было не выйти к ним. Я поднялся на трибуну, находившуюся у здания.

— Полёт завершён успешно. Я многому научился. Чувствую себя хорошо. Только что разговаривал с товарищем Хрущёвым, — сказал я и подумал, что всё только что пережитое никогда не забудется.

Под восторженные приветственные возгласы меня усадили в машину и отвезли на аэродром, где уже стоял самолёт, прилетевший с командного пункта группы встречи. Мы горячо, по-братски расцеловались с политработником Василием

Яковлевичем — человеком большой души, отдающим много сил и энергии воспитанию космонавтов, заботам об их жизни и быте. Было радостно обменяться крепкими, дружескими рукопожатиями со многими другими товарищами по работе, снова оказаться в их тесной, сплочённой семье. В самолёте врачи Евгений Алексеевич и Андрей Викторович сняли с меня лазоревый комбинезон и все датчики, находившиеся на теле, проверили пульс и кровяное давление, уложили в постель. Машина поднялась в воздух, и я, несказанно счастливый и утомлённый, сразу уснул.

В тот же день в домике на крутом берегу Волги я встретился с Юрием Гагариным, как всегда, проявившим завидное упорство и вовремя прилетевшим из западного полушария. Нас окружило много людей, все поздравляли меня. Кто-то сказал, что делит успех на две равные доли: одну сулит мне, другую тем, кто создал «Восток-2».

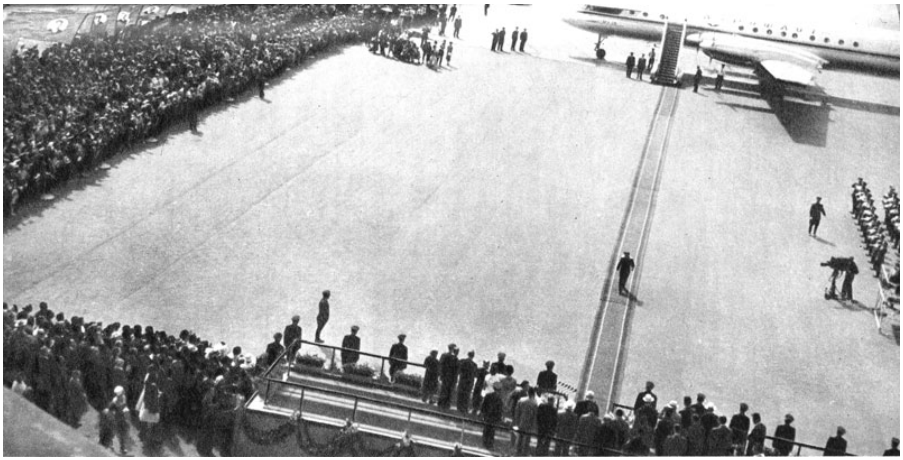
Я ответил, что вся слава новой победы принадлежит партии, народу и, конечно, создателям космического корабля. Не было бы корабля, и я бы не смог взлететь в космос. Не было бы Титова, и взлетел бы Иванов, Петров, Николаев или Сидоров… У нас тысячи людей, способных сделать то, что свершили два первых космонавта. Вечер мы провели втроём — Юрий Гагарин, Космонавт Три и я. Мы любовались простором великой русской реки и синими заволжскими далями, освещёнными солнцем, прислушивались к басовитым гудкам пароходов.

Человек с железным здоровьем и таким же спокойствием, Космонавт Три задавал вопросы, на которые никто ему не мог ответить, кроме нас. Он хотел всё знать, ибо всё пережитое нами могло пригодиться ему в новом, может быть, ещё более сложном полёте.

После прогулки усаживаюсь за письменный стол. Надо осмыслить свой доклад Главнокомандующему Военно-Воздушных Сил Главному маршалу авиации К. А. Вершинину. Кратко я уже доложил ему о выполнении задания по телефону. Что необходимо порекомендовать для успеха полёта Космонавта Три — вот вопрос, над которым я размышлял в эти минуты.

В зарубежной поездке

Все последующие дни были наполнены большими, волнующими чувствами, которые вызвали во мне возвращение в Москву, встреча на Внуковском аэродроме с Никитой Сергеевичем Хрущёвым и другими руководителями Коммунистической партии и Советского правительства, с отцом, матерью, женой и сестрой, с москвичами, грандиозный митинг на Красной площади, награждение орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.



9 августа 1961 года. Внуковский аэродром. Герман Титов направляется к правительственной трибуне.

Москва, 9 августа 1961 года. Торжественная встреча Германа Титова на Внуковском аэродроме.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручает лётчику-космонавту СССР Герману Титову орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

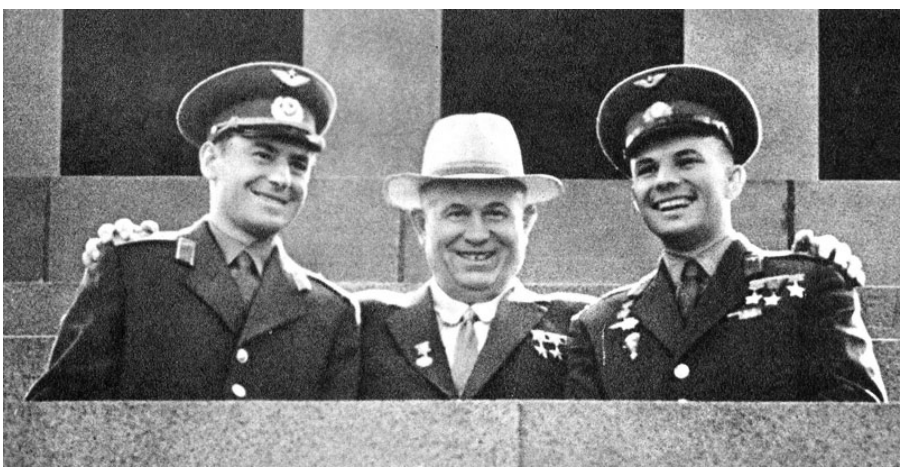
Коммунисту Герману Титову вручается партийный билет.

На пресс-конференции в Московском Государственном университете имени М. В. Ломоносова президент академии наук СССР М. В. Келдыш вручает Герману Титову «Медаль К. Э. Циолковского».

Главный маршал авиации К. А. Вершинин с лётчиками-космонавтами СССР Юрием Гагариным и Германом Титовым.

Разве могут когда-нибудь изгладиться из памяти те счастливейшие в жизни минуты, когда, стоя на правительственной трибуне Мавзолея рядом с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, назвавшим меня и Юрия Гагарина «небесными братьями», мы слушали его речь, проникнутую огромным оптимизмом, неиссякаемой верой в могучие, творческие силы нашего народа — строителя коммунизма!

— Народ — творец истории, кузнец своего счастья, — говорил Никита Сергеевич. — Чем лучше все советские люди будут трудиться на благо общества, тем быстрее мы достигнем вершин коммунизма, проложим широкий путь в будущее для всего человечества. И мы твёрдо уверены, что наш народ под руководством Коммунистической партии будет и впредь на высоте стоящих перед ним задач. Мы первыми в мире построили социализм, первыми проложили путь в космос. Наша страна первой идёт к коммунизму.



Москва, 9 августа 1961 года. На трибуне Мавзолея Н. С. Хрущёв, Г. С. Титов и Ю. А. Гагарин.

СЛАВА
КПСС
Москва, 9 августа 1961 года, Красная площадь. Народ славит новое великое достижение советской науки и техники.

Москва, 9 августа 1961 года. Красная площадь. Народ славит новое великое достижение советской науки и техники.

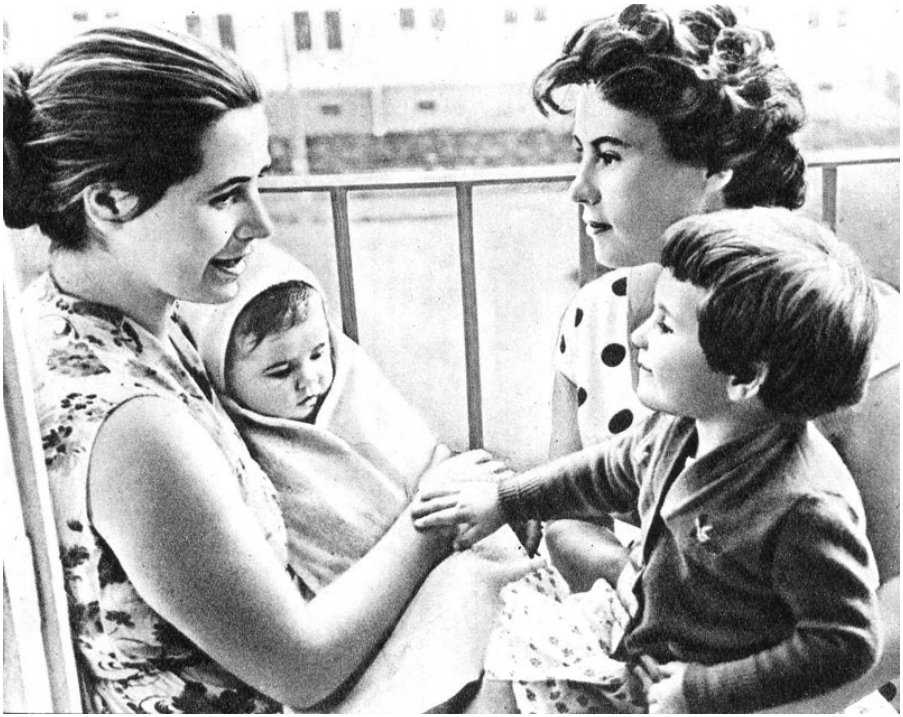
На приёме в Большом Кремлёвском дворце.

Н. С. Хрущёв и Л. И. Брежнев с членами семьи лётчика-космонавта СССР Г. С. Титова.

На родине Германа Титова. Митинг в селе Полковниково. Выступает отец лётчика-космонавта С. П. Титов.

Москва, 9 августа 1961 года. Праздничный салют.

«Небесные братья» — Юрий Гагарин и Герман Титов.



Тамара Титова (справа) пришла навестить Валентину Гагарину и её маленьких дочек — Леночку и Галю.

Герман Титов рассказывает своему отцу Степану Павловичу о полёте в космос.

Торжественный приём в Кремле, встречи с трудящимися столицы, пресс-конференция в белоколонном зале Московского университета на Ленинских горах, поездка вместе с Юрием Гагариным и другими нашими друзьями-космонавтами к рабочим и инженерам — строителям замечательных советских космических кораблей — всё было радостным в эти дни. Я без устали рассказывал обо всём виденном во время полёта на «Востоке-2» и как бы заново переживал сутки, проведённые в космосе.

Герман Титов среди пионеров.

— Вот так пролегала трасса полета «Востока-2».

Герой Советского Союза, лётчик-космонавт СССР Герман Степанович Титов.

Вскоре проявили плёнку киноаппарата, который был взят

мною в кабину корабля. Отдельные кадры съёмки, сделанной в космосе через иллюминаторы «Востока-2», опубликовала «Правда» и другие газеты и журналы. Было радостно, что эти снимки увидели миллионы советских людей — они как бы вместе со мной и Юрием Гагариным смогли заглянуть в космос, полюбоваться оттуда на нашу матушку Землю.

Из многих стран на моё имя стали приходить приглашения приехать в гости, рассказать о полёте «Востока-2», о новом достижении советской науки и техники. Первая такая поездка состоялась в Германскую Демократическую Республику.

1 сентября со Внуковского аэродрома вместе с женой на самолёте «ИЛ-14» я вылетел в Берлин. Мы направились туда по приглашению Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Государственного совета ГДР, правительства ГДР и Национального совета Национального фронта демократической Германии.

Первое сентября — первый день нового учебного года. Миллионы школьников и студентов сели в этот день за парты; я тоже прослушал лекции по физике и прямо из аудитории направился на аэродром. Как только самолёт поднялся за облака, Тамара достала учебник химии и тетрадь и занималась несколько часов: жена моя теперь студентка медицинского училища.

Вместе со мной в ГДР летели известный лётчик Герой Советского Союза генерал Л. И. Горегляд, профессор В. И. Яздовский, корреспондент «Правды».

Накануне все газеты опубликовали заявление Советского правительства о мероприятиях, принимаемых с целью укрепления обороноспособности нашей Родины и сохранения мира во всём мире. Я взял с собой «Правду» и заново с карандашом в руке прочёл этот документ. В нём сообщалось, что Соединённые Штаты Америки и их союзники всё сильнее раскручивают маховик своей военной машины, раздувая до небывалых размеров гонку вооружений, увеличивая численность армий, доводя до белого каления напряжённость международной обстановки. Дело дошло до того, что руководящие деятели США и союзных с ними стран стали прибегать к прямым угрозам взяться за оружие и развязать войну в ответ на предложение СССР о заключении мирного договора с Германией.

Я летел в Берлин, и меня очень интересовал этот мужественный, энергичный документ. В нём были такие строки: «В Советском Союзе разработаны проекты создания серии ядерных бомб повышенной мощности — в 20—30—50 и 100 млн. тонн тротила, а могучие ракеты, подобные тем, с помощью которых майор Ю. А. Гагарин и майор Г. С. Титов совершили свои

беспримерные космические полёты вокруг Земли, способны поднять и доставить такие ядерные бомбы в любую точку земного шара, откуда могло бы быть совершено нападение на Советский Союз или другие социалистические страны».

Самолёт пересёк освещённую солнцем территорию Польши, и под крыльями замелькали поля и леса Германской Демократической Республики. Мы с женой с интересом всматривались в новый для нас пейзаж с городами, подёрнутыми лиловатой дымкой, с краснокрышими сёлами.

О Великой Отечественной войне я знал не только из книг, но и помнил рассказы участников сражений. О войне рассказывал отец — бывший солдат Советской Армии, рассказывали земляки и лётчики годами постарше. И, глядя на немецкую землю, я припомнил всё, что знал о войне.

…Весь январь 1945 года с востока через всю Европу дул сквозной тёплый ветер. Припомнил я этот рассказ бывших солдат и как бы ощутил силу этого ветра.

12 января Советская Армия начала решительное наступление по всему фронту — от холодного Балтийского моря до высоких Карпатских гор. Наши войска, сражавшиеся за мир, пересекли границу Германии и, словно весеннее половодье, обгоняя толпы немецких горемык, насильственно, будто скот, угоняемых эсэсовцами, устремились по ровным асфальтированным дорогам.

Напуганные беженцы молча встречали продвижение наших танковых частей. Много напраслин возвёл на наше войско лжеязыкий Геббельс, но все эти наветы рассеивались как дым от первых встреч населения с советскими солдатами.

Словно снег, покрывали белые полотнища немецкие города и сёла. На серых, закопченных дымом стенах — листы газеты «Фрейес Дейчланд» — органа Национального комитета «Свободная Германия». На этих листах можно было прочесть слова Вальтера Ульбрихта, — он призывал всеми средствами воспрепятствовать Гитлеру продолжать войну на немецкой земле, не дать ему превратить Германию в руины.

Припомнился солдатский рассказ о мостостроителях фирмы «Августин» из тех многих миллионов немцев, которые на президентских выборах голосовали за Тельмана. Они не дали фашистам взорвать мосты, уничтожить заводы, затопить шахты. Ещё в детстве я знал, что не только народы Румынии, Болгарии, Югославии, Польши, Венгрии, Чехословакии встречали на своей земле советских солдат как освободителей, но и многие люди Германии видели в них своих спасителей, несущих самое важное жизненное благо — свободу.

Один за другим занимала Советская Армия немецкие города

с островерхими крышами, с готическими кирхами, словно кинжалы вонзавшимися в чёрное небо, затянутое дымом войны. Я закрывал глаза и отчётливо видел, как закопченный порохом, с улыбкой на устах советский солдат входил в дом напиться воды. Хозяин дома с белой повязкой на рукаве подносил ему кружку, затем снимал со стены портрет фюрера, бросал его на пол и, словно гада, давил каблуком.

«Эх, чуток бы пораньше так», — сокрушался храбрый солдат и шагал дальше.

Мои спутники — участники Великой Отечественной войны — рассказывали о том, как в те дни всех в Европе измучила, всем надоела война, все стосковались по миру. Но немецко-фашистская армия продолжала отчаянное сопротивление, и вот уже невиданное по своей ожесточённости сражение, словно свирепые волны, гонимые бурей, докатилось до закопченных стен Берлина. Гитлеру помешали заключить сепаратное перемирие с западными державами. Бой шёл за каждую улицу, за каждый дом. Горячий воздух вырывался из разбитых окон. Едкий дым горящих многоэтажных зданий затруднял дыхание. В воздухе кружились облигации, векселя, архивные документы, портреты атаманов банды нацистских грабителей. В красной кирпичной пыли валялись пачки фашистских марок.

А в Европе буйствовала весна, по всем дорогам брели освобождённые Советской Армией из фашистских лагерей узники, получившие свободу. Среди каменных развалин Берлина расцветали первые красные маки, точь-в-точь такие, как у нас на Алтае. Как попали они туда? Может быть, семена их занесли на своих шинелях советские солдаты?

За толстыми баррикадами из камней и железа остывали чёрные от копоти подбитые танки, те, которые брали Париж и прошли Фермопилы. По Берлину стреляла сорок одна тысяча советских орудий и миномётов, так что небу становилось жарко. Кровопролитный бой шёл на трёх этажах: в небе, на земле и под землёй, в сырых тоннелях метро.

На тротуарах, окантованных искалеченными деревьями, покрытыми пушистой зеленью, появились толпы людей.

Вступив на землю Германии, советские солдаты, воспитанные Коммунистической партией в духе интернационализма, сумели отличить Германию Гитлера и Круппа — этой банды фашистских выродков и палачей — от Германии великих писателей-гуманистов, Германии, в которой создали своё бессмертное учение Маркс и Энгельс, Германии Тельмана и миллионов немецких рабочих и крестьян. Опытные в бою, наши солдаты оказались опытными в разгадывании человеческих сердец. Гитлер

пришёл и ушёл, а народ германский остался.

Товарищи, летевшие со мной, рассказывали, что в мае сорок пятого года на перекрёстках разбитых берлинских улиц можно было видеть полевые кухни, окутанные первым мирным дымком, и усатых кашеваров, добродушно разливающих суп голодным немецким женщинам и детям. На солдатских биваках слышались беседы о Карле Либкнехте и Розе Люксембург, Эрнсте Тельмане и Вильгельме Пике.

Рабочие берлинских заводов «Эрих и Герц», «Осрам», «Аксания», «Сименс», «Телефункен» рассказывали нашим бойцам о работе наиболее крупной и разветвлённой в Германии подпольной организации, созданной во время войны Антоном Зефковым, Францем Якобом и Бернгардом Бестлейном. Все три руководителя этой организации, смелость которых не знала границ, сложили свои головы под топором палача.

В пяти километрах от Веймара Гитлер создал для немецких коммунистов мрачный Бухенвальдский лагерь уничтожения. При отсветах зловещего пламени, бушевавшего в печах крематория, коммунисты писали листовки, призывая узников к сопротивлению.

Восемнадцатого августа 1944 года в этом лагере был убит и сожжён Эрнст Тельман — вождь Коммунистической партии Германии. Свыше одиннадцати лет палачи мучили его в фашистских застенках.

В Бухенвальде, как и во всех лагерях уничтожения, существовала крепкая организация Сопротивления, руководимая коммунистами. Душой этого руководства были советские коммунисты. Когда к Веймару приблизились союзнические армии, эта боевая организация, исподволь собиравшая и изготовлявшая оружие, подняла в лагере восстание. Узники перебили в ожесточённой схватке охрану и освободили сами себя. Среди вырвавшихся на свободу было несколько тысяч немцев-антифашистов.

Командование Советской Армии предоставило немецкому народу всё необходимое для строительства новой жизни. Советский народ помог засеять окровавленную, испепелённую почву Германии добрыми семенами мирного труда, создать Германскую Демократическую Республику — ныне здравствующее и расцветающее первое в истории свободное государство немецких рабочих и крестьян, пригласившее меня в гости.

Я разглядывал очертания огромного города, привольно раскинувшегося на берегах Шпрее и Хавеля.

— Берлин? — спросила жена.

— Да, Берлин, — ответил я и словно отодвинул в сторону все воспоминания.

Самолёт снизился и опустился на аэродром Шенефельд. Там уже собралось много берлинцев. Прибыли сюда Первый секретарь ЦК СЕПГ, председатель Государственного совета ГДР Вальтер Ульбрихт, первый секретарь Центрального Комитета КПГ Макс Рейман, посол Советского Союза М. Г. Первухин, Главнокомандующий Группой советских войск в Германии Маршал Советского Союза И. С. Конев. Мы сердечно поздоровались с ними.

Шумной стайкой подбежали немецкие пионеры. Повязали мне синий галстук, вручили букет цветов.

Отовсюду слышались приветственные возгласы, здравицы в честь германо-советской дружбы.

К микрофону подошёл товарищ Вальтер Ульбрихт.

— Мы приветствуем вас как сына советского народа, освободившего наш народ от варварства гитлеризма и проложившего тем самым путь к возрождению нашего народа в духе мира и гуманизма, — говорил Вальтер Ульбрихт.

Дали слово и мне. Я подошёл к микрофону.

— Мы много читаем о ваших людях, — сказал я, — о ваших славных делах. Знаем Германию Карла Маркса, Бетховена и Гёте, Германию миллионов немецких рабочих и крестьян.

Передал горячий привет от советского народа, закончил своё выступление здравицей в честь нерушимой дружбы между народами Советского Союза и ГДР. Последнюю фразу: «Да здравствует мир во всём мире!» — я произнёс на немецком языке.

Хотя я и облетел семнадцать раз вокруг земного шара, но никогда ещё не ступал по зарубежной земле, и всё увиденное в Берлине интересовало меня и трогало.

Мы выехали с аэродрома в открытой машине, увитой живыми цветами. Товарищ Вальтер Ульбрихт стоял, я находился рядом с ним. За нами двигался поток машин, и сбоку мчался почётный эскорт мотоциклистов.

Жители Берлина восторженно встречают Г. С. Титова.

От аэродрома до Панкова, где мы должны были жить, стояли плотные шеренги людей, приветствуя своё правительство, своего великого друга — Советский Союз и его славную ленинскую партию. Дорога от аэродрома до города петляет среди полей. Она густо обсажена деревьями, и с каждого из них свисали флаги Советского Союза и ГДР.

Вдоль шоссе в форменной одежде тёмного цвета замерли бойцы боевых рабочих дружин, героически проявивших себя во время осуществления мероприятий правительства ГДР по охране своих границ. В большинстве своём это пожилые люди, хлебнувшие немало горя на своём веку.

Я всматривался в их суровые лица. Все такие разные и в то же время чем-то похожие друг на друга. Эти люди взяли на себя охрану секторальной границы Берлина. Одним ударом они перерубили щупальца западноберлинского спрута, двенадцать лет высасывавшего соки из тела ГДР, отравлявшего людей ядом шовинизма и реваншизма.

Мне было известно, что «фронтовой город», как называют Западный Берлин милитаристы, по-прежнему оставался самым опасным очагом международной напряжённости, что там обосновалось около сотни шпионских и диверсионных организаций, засылавших свою агентуру в демократический Берлин. Эти коммивояжеры смерти переманивали в ФРГ специалистов и квалифицированных рабочих, тоннами скупали продукты в магазинах демократического Берлина и переправляли их в Западный Берлин, наживая на этих спекулятивных

махинациях баснословные прибыли.

Теперь всему этому правительство ГДР положило конец. Граница оказалась на крепком замке.

Мы продолжали свой путь. Берлин был охвачен праздничным ликованием. Повсюду развевались разноцветные флаги стран социализма, виднелись красочные портреты Н. С. Хрущёва и В. Ульбрихта. Сотни тысяч плакатов и транспарантов свидетельствовали о горячем одобрении и поддержке трудящимися ГДР энергичных мер, принятых Советским правительством, чтобы оградить Советский Союз, социалистический лагерь, всё человечество от страшного пожара термоядерной войны.

Центральные магистрали города — Сталин-аллее, Берзаринштрассе, Димитровштрассе, Шенхаузер-аллее — были засыпаны цветами. Машины пробирались по ковру живых цветов, источавших тонкий, едва уловимый аромат.

Окна многоэтажных домов были распахнуты настежь, и в каждом окне — счастливые человеческие лица. Масса людей с балконов приветствовала нас. Пароходы на Шпрее и все паровозы на железных дорогах, пересекающих город, приветствовали советских людей сиренами и гудками.

1 сентября стало праздником в Берлине. Школьники оставили свои парты, чтобы увидеть советского космонавта. Дети в ГДР учат русский язык, самодельные плакаты у них в руках, написанные ровным, почти каллиграфическим почерком, вызывали добрые улыбки: «Мы все хотим побывать на Луне», «До встречи на Марсе», «Дружба», «Москва — Берлин».

На улицах звучала песня, несколько дней назад сложенная в честь советских космонавтов. Её распевали светлоголовые юноши и девушки в ярко-синих блузах — члены Союза свободной немецкой молодёжи.

Среди встречавших находился и девяностолетний «дедушка Герне» из местечка Штельн, как его ласково называют в республике, — свидетель первого полёта немецкого пионера воздухоплавания Отто Лилиенталя, летавшего на самодельных крыльях семьдесят лет назад.

Проезжая через Берлин, я невольно думал, что все улицы, по которым двигался кортеж машин, были когда-то передовой линией фронта. Не верилось, что полтора десятилетия назад в этом городе не оставалось почти ни одного целого дома.

Через некоторое время я был принят товарищем Вальтером Ульбрихтом. Между нами состоялась дружеская беседа, в ней приняли участие немецкие учёные.

В конце встречи Вальтер Ульбрихт прикрепил мне на грудь

высшую награду республики — орден Карла Маркса.

В ответном слове я сказал, что награда эта принадлежит тем, кто строит советские космические корабли, и тем, кто летал и будет летать на них.

Вечером мы посетили председателя Совета Министров ГДР Отто Гротеволя на его квартире. Товарищ Отто Гротеволь не совсем здоров, и врачи пока не рекомендуют ему работать. Но он работает дома. Наша делегация передала товарищу Отто Гротеволю личные приветствия главы Советского правительства Никиты Сергеевича Хрущёва и пожелала ему скорейшего выздоровления.

Мы познакомились и с другими партийными и государственными деятелями Германской Демократической Республики. Здесь я увидел впервые и министра национальной обороны Германской Демократической Республики генерала армии Гейнца Гофмана. Это в прошлом рабочий, известный деятель Германской коммунистической партии. В 1936—1937 годах Гейнц Гофман сражался против фашизма в Испании в качестве комиссара одиннадцатой интернациональной бригады. После второй мировой войны он работал в аппарате ЦК СЕПГ и на ответственной работе в государственном аппарате Республики. Он является одним из создателей национальной Народной армии, защищающей мирный труд трудящихся ГДР.

Товарищ Вальтер Ульбрихт напомнил, что всё лето в Берлине лили холодные дожди, а небо было затянуто мрачными тучами; сегодня выдался тёплый, солнечный день, и берлинцы говорят:

— Советские люди привезли нам из Москвы хорошую погоду.

Поздно ночью я лёг в прохладную постель. Было тихо. В распахнутое окно заглядывало дерево, освещённое серебристым сиянием луны. Пахло влажной землёй и какими-то незнакомыми цветами. Несколько минут я думал о своём полёте в космос. Полёт был самым сильным впечатлением в моей жизни. Порыв ветра, залетевший в комнату, надул гардину, как парус. Я поплыл под этим парусом и уснул. Проснулся, как всегда, рано. Вышел на улицу. Город цвёл, как сад, расцвеченный флагами Советского Союза, Германской Демократической Республики, радужной гаммой национальных флагов всех стран социалистического лагеря.

Утром наша делегация посетила завод электроаппаратов. Мы прошли по всем цехам. Директор завода Гельмут Римаш рассказал о производственных достижениях коллектива, о том, что завод поставляет в Советский Союз оборудование для цементной промышленности и прокатных станов. Рабочие завода подарили мне пылесос.

— Чистить космическую пыль, — шутливо сказал секретарь парторганизации Вальтер Вагнер.

Г. С. Титов на заводе электроаппаратуры в берлинском районе Трептов.

На вместительном, как стадион, заводском дворе, с четырёх сторон окружённом пятиэтажными стенами цехов и до отказа заполненном рабочими, состоялся митинг.

— Весь немецкий рабочий класс равняется на Юрия Гагарина. В республике много гагаринских бригад. Теперь одна за другой возникают бригады имени Титова. Советская космическая ракета стала символом движения вперёд для строителей новой Германии, — сказал начальник цеха переключателей инженер Герхард Торн. — Наш заводской митинг — живое свидетельство безграничной любви немецкого рабочего класса к Социалистической единой партии Германии. Никогда ещё партия и народ не были так сплочены и едины, как в эти дни, когда Западную Германию трясёт лихорадка военных приготовлений, когда дурман реванша пьянит сумасшедшие головы по ту сторону границы, когда до нас доносится лязг американских танков, передвигающихся по улицам Западного Берлина.

Руководитель бригады имени Юрия Гагарина двадцатилетний рабочий Дитер Вильш сказал:

— В нашей бригаде одиннадцать человек. Вместе с двумя моими товарищами я четырнадцать дней в составе рабочей дружины охранял границу. Все эти четырнадцать дней, которые

мы пробыли на границе, за нас работали восемь оставшихся товарищей. Они значительно перевыполняли план бригады. Ребята работали не считаясь со временем потому, что этого требует родина. Я знаю, что и теперь, когда я уйду в армию, наша бригада будет работать так же отлично.

Мастер Ганс Барк говорил:

— Я беспартийный, но если нужно, хоть сейчас пойду в боевую дружину.

На трибуну, украшенную живыми цветами, поднялась женщина — мастер Элли Нучан.

— Мой сын — танкист Национальной народной армии. Он — моя материнская гордость так же, как армия на границе — гордость всего народа. Эс лебе геноссе Титов! — так закончила она своё краткое выступление, и десять тысяч голосов как один человек повторили:

— Хох, хох, хох!

В своём выступлении я рассказал о космическом полёте и закончил его любимыми строками Тельмана из «Фауста» Гёте, которые вождь немецкого народа привёл в своём письме:

Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли недаром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой!

Я попросил показать мне Бранденбургские ворота, и наши машины направились туда. Невдалеке от них находилось здание Советского посольства. Над воротами на венчающей их колеснице, запряжённой четвёркой бронзовых коней, ветер во всю длину вытянул трёхцветный флаг Германской Демократической Республики с государственным гербом посередине.

В сорока метрах западнее ворот проходила оплетённая колючими спиралями Бруно граница с Западным Берлином. Там, по ту сторону проволоки, свили свои осиные гнёзда эсэсовцы, штурмовики, уцелевшие оберштурмбаннфюреры концентрационных лагерей.

Справа высилась громада рейхстага, выкрашенная светло-серой краской. На крыше бессильно повис запутавшийся в верёвках незаконно вывешенный там флаг ФРГ.

У меня хорошее зрение, но ни одной исторической надписи, оставленной советскими солдатами, я не увидел на стенах рейхстага. Они замазаны и заштукатурены. На крыше под флагом ФРГ оборудован наблюдательный пункт английских

оккупационных войск. Офицеры в бинокли глядели на нашу группу, подошедшую к проволоке, и тотчас сюда подлетел чёрный броневик, вооружённый пушкой и пулемётами.

— На крышу рейхстага частенько поднимаются знатные туристы из-за океана и оттуда разглядывают демократический Берлин, — объяснили нам народные полицейские, одетые в удобную форму зелёного цвета.

Невдалеке от рейхстага в сквере стоит памятник советским воинам, павшим смертью героев в сражениях с фашистами. Англичане обнесли его стеной из колючей проволоки, оставив узкий вход для советских солдат, круглосуточно стоящих там в почётном карауле.

Колючей проволокой опутаны и знаменитые «тридцатьчетвёрки» — танки, штурмовавшие рейхстаг и поставленные на бетонный пьедестал.

От имени бойцов народной полиции, охраняющих границу возле Бранденбургских ворот, подполковник Курт Адольф сказал нам:

— Меры, принятые нашим рабоче-крестьянским правительством, необходимы и своевременны. Мы сознаём, что охраняем мир в Европе. Передайте советским людям, что мы с честью выполним свой долг!

У Бранденбургских ворот столкнулись два мира: светлый мир социализма, на знамёнах которого начертаны слова «Мир. Дружба. Равенство. Братство», и чёрный мир капитализма, где человек человеку волк.

Проехав по оживлённым улицам Берлина, мы направились на Маркс—Энгельс-плац. Более 200 тысяч берлинцев прибыли туда, чтобы выразить свою любовь к советскому народу, строителю коммунизма.

Одна за другой в чистое небо взлетали ракеты. Они взрывались в воздухе, и на землю медленно опускались парашюты, украшенные красными стягами, портретами Н. С. Хрущёва, В. Ульбрихта, советских космонавтов. Величаво прозвучали над огромной площадью звуки государственных гимнов Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Митинг открыл председатель Национального совета Национального фронта демократической Германии Эрих Корренс. Он предоставил первое слово Вальтеру Ульбрихту.

Вальтер Ульбрихт говорил около часа, дав точный и ясный анализ международных событий. По отзывам немецких товарищей, находившихся на трибуне, это была одна из его сильнейших речей.

Вечером в актовом зале университета состоялось торжественное заседание Немецкой академии наук, на котором обстоятельный доклад о достижениях советских учёных в освоении космоса сделал профессор В. И. Яздовский. Я кратко сообщил о полёте и ответил на вопросы учёных.

Президент Немецкой академии наук профессор Вернер Хартке вручил мне памятную медаль имени Александра Гумбольдта, автора книги «Космос», написанной в прошлом веке.

На второй день мы отправились в поездку по новой Германии. На всём двухсоткилометровом пути от Берлина до Магдебурга нас приветствовало население посёлков и крестьяне, заканчивающие уборку урожая. По пути мы посетили сельскохозяйственный производственный кооператив «Единство». Ко мне, сияя от счастья, подбежала крохотная белокурая девочка. Я поднял её на руки. Крестьяне аплодировали советскому офицеру и немецкой девочке, доверчиво обнявшей меня.

Обычно по воскресеньям пустеет Магдебург. Жители его отправляются на берега Эльбы, в живописные рощи, на прохладные озёра. Но на этот раз, несмотря на тридцатиградусную жару, всё население осталось дома и вышло на улицы.

Магдебуржцы говорили:

— Нас с Советским Союзом так же невозможно разъединить, как знаменитые магдебургские полушария.

На центральной площади города, окаймлённой старинными зданиями, состоялся многотысячный митинг. В конце митинга секретарь местной организации Союза свободной немецкой молодёжи Э. Юнг доложил присутствующим на трибуне:

— Сформирован второй молодёжный добровольческий полк «Магдебург». Он готов к защите социалистической республики.

Роты полка сомкнули свои колонны перед трибуной. Над ними взвилось ярко-синее знамя Союза свободной немецкой молодёжи с эмблемой восходящего солнца. Полк запел «Интернационал», и это пение подхватила вся площадь.

Утром, распрощавшись с гостеприимным Магдебургом, мы направились в Лейпциг. На этот раз машины шли не по автостраде, а просёлочной дорогой, пересекающей многие рабочие посёлки и деревни. На полях заканчивалась уборка урожая. Тракторы с красными флажками вспахивали поля под зябь, комбайны убирали поля пшеницы.

— Дружба! Хрущёв! Ульбрихт! — неслось вслед машинам.

На дорогу вышли горняки калийных копей и медных рудников с плакатами, на которых были написаны рапорты трудовых побед.

На горизонте, окутанном лиловым дымом индустриальных химических гигантов, возник город Галле. За славное революционное прошлое, насыщенное непримиримой борьбой с фашизмом, его называют «красным сердцем» Германии.

Тысячелетний город словно помолодел. В центре города вспыхнул летучий митинг, на котором я рассказал о полёте «Востока-2».

Машины, засыпанные цветами, двинулись дальше. Они следовали по самой красивой улице города Галле, названной именем германо-советской дружбы. По улице с таким же гордым названием въехали мы и в город Лейпциг. Казалось, что весь путь от Берлина до Лейпцига — это сплошная нескончаемая трасса мира, дружбы и братства.

В Лейпциге мы побывали на международной ярмарке, а днём я и профессор В. И. Яздовский выступили на пресс-конференции, на которой присутствовало свыше шестисот журналистов, в том числе около ста из США, Англии, Франции и других стран Европы, Азии и Африки.

Среди многочисленных вопросов иностранных корреспондентов были и касающиеся краёв, где я родился и учился — о Советской Сибири. Пришлось популярно рассказать им о самых элементарных вещах.

Сибирь! Едва услышишь это слово, и перед глазами встают горы, укрытые плотной шубой лесов, раздольные степи, могучие реки. Теперь всё больше становится людей, кому довелось пересечь сибирские просторы по воздуху. Оттуда, с высоты, хорошо виден исполинский разлёт этой земли чудес, поражает властная, влекущая красота широких рек, величавая прелесть горных кряжей. Всякий, кому доведётся побывать в Сибири или только пролетать над её просторами, глядя в иллюминатор самолёта, невольно подумает: вот где непочатый край, вот куда следует добраться с ковшом экскаватора, со всей современной техникой нашего века, чтобы выполнить гигантские планы Коммунистической партии о преобразовании Сибири.

Отвечая на вопросы иностранных корреспондентов, я говорил только о том, что уже сделано нашим народом в Сибири. Этого было вполне достаточно, чтобы опрокинуть их примитивное представление о моих родных краях.

С Лейпцигом советских людей связывает много общего. Здесь по Руссенштрассе проходили овеянные славой казачьи полки, разгромившие полчища Наполеона в знаменитой битве народов под Лейпцигом. Здесь же, на Руссенштрассе, в маленьком домике зажглась ленинская газета «Искра». Её неугасимый огонь был движущей силой, поднявшей советские космические корабли на

звёздную орбиту.

Свыше двухсот тысяч жителей собралось на площадь имени Карла Маркса на митинг, на котором выступил товарищ Вальтер Ульбрихт. Он кончил свою речь словами:

— Наш прекрасный город Лейпциг — город мирного сосуществования, город мирных встреч, мирной торговли, которая сближает народы и государства.

Там же на митинге я подарил товарищу Ульбрихту свои часы, которые были со мной в космосе.

Утром по прекрасной автостраде, вдыхая запах лугов, нагретых солнцем, мы отправились в Берлин и в тот же день самолётом вернулись в Москву.

* * *

…Море, будто устав от своей вековой работы, лениво накатывает слабую волну на песчаную отмель. Какого же оно цвета? Здесь, у самого берега, вода чистая, прозрачная, как хрусталь, и кажется голубой, чуть дальше — тёмная полоса, ещё дальше — настоящая лазурь, потом — зелёный массив, словно поле всходов кукурузы, а там, у самого горизонта, — светло-синяя полоска, сливающаяся с небом. Это — когда светит осеннее солнце. Но вот выплыло из-за гор белое облако, закрыло на несколько минут дневное светило, и на морской глади сразу поблекли краски.

— Давай ещё, — кивнув в сторону моря, говорит Юрий Гагарин и, поднявшись с гальки, делает несколько шагов к воде. Он, как всегда, улыбается, весел и бодр.

Трудно отказаться, и через мгновение, подняв фонтаны сверкающих брызг, мы ныряем. Заплываем далеко в море, ложимся на спины и долго смотрим на небо. Где-то там пролегли трассы наших космических кораблей. И вот такое же огромное, мохнатое облако, что сейчас наплывает из-за горизонта, казалось тогда с высоты орбиты всего лишь лоскутком, словно застывшим на месте.

Гагарин тоже смотрит в небо и тоже, умолкнув, задумался.

Мы возвращаемся на берег, садимся на тёплые камешки и продолжаем беседовать. Говорим о пережитом, о событиях, вернее, целом калейдоскопе событий, вспоминаем людей, с которыми довелось встретиться, людей многих стран мира. Юрий сказал, что вчера, спускаясь со склона горы, заметил в траве увесистый осколок от бомбы: в этих местах два десятка лет назад шли жестокие бои с фашистами. И этот осколок о многом

напомнил. Я рассказал Юрию, что творилось в Берлине, за Бранденбургскими воротами, в те дни, когда мне довелось быть в гостях у немецких друзей.

Юрий оживился, стал вспоминать о том, что говорили Фидель Кастро и его боевые товарищи на Кубе, когда, беседуя с ним, они показывали в сторону своего далеко не дружественного соседа, привыкшего быть барином не только на американском материке и близлежащих островах, но и во многих других странах. Сейчас ведь в мире идёт великая битва света с темнотой и мраком, счастья с бесправием, битва двух миров. Какая радость сознавать, что в этой битве твоё скромное место — в лагере справедливости и самых светлых надежд человечества!

С думами не столько о свершённом, сколько о грядущем, о том, что ещё надо сделать, чтобы до конца выполнить свой долг рядового партии коммунистов, я сажусь за свои записки. В распахнутое окно смотрится южная ночь с её почти чёрным небом, на котором сверкают звёздные россыпи далёких Галактик. Мерцающий свет небесных миров манит таинственностью, он ждёт своих первооткрывателей, чтобы щедро одарить человечество такими сокровищами, о которых могут лишь предполагать учёные.

Уже прошло достаточно времени после двадцатипятичасового полёта вокруг Земли, сделаны обобщения, выводы, осмыслено это событие. И вот теперь, заканчивая свои записки, я снова задумываюсь над ним. Вспоминаются слова Никиты Сергеевича Хрущёва, сказанные им после моего возвращения из полёта на «Востоке-2», о том, что мы с Юрием Гагариным теперь носим славное звание лётчиков-космонавтов СССР. «Но вдвоём, — предупредил Никита Сергеевич, — только до следующего полёта, а там появятся и новые советские лётчики-космонавты. Можно не сомневаться, что ваша семья лётчиков-космонавтов будет расти и крепнуть».

И это сбудется, и сбудется скоро! Я нисколько не сомневаюсь, что мои друзья-космонавты будут успешно претворять в жизнь планы освоения космоса, начертанные нашей партией. Новые космические корабли, созданные гением советских людей, будут пилотировать такие же, как я, как мой прекрасный товарищ Юрий Гагарин, простые советские люди. Наш путь — к новым высотам.

Что позволило нам, советским людям, коммунистам, первыми в мире преодолеть земное тяготение и вырваться в космос? Что помогло создать мощную ракету, которая вынесла нас в просторы Вселенной? Передо мной лежит великий исторический документ нашей эпохи — проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. Каждая строка её

открывает новые перспективы, словно прожектором освещая важнейшие явления современности, волнующие всё человечество. «Прогресс науки и техники в условиях социалистической системы хозяйства, — говорится в проекте Программы, — позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством».

Вчитываешься в эти слова, и становится ясно, что ещё в грозовые Октябрьские дни 1917 года под руководством великого Ленина начала строиться та стартовая площадка, с которой взлетают нынче наши многотонные ракеты. Двухсотмиллионный советский народ — вот та сила, которая вздымает их в космос.

Веками, тысячелетиями небо, бесконечно далёкое, казалось человеку недоступным. А нынче уже покорены ближайшие к Земле пространства и пытливый ум человека проникает всё дальше и дальше в космос. Среди тех людей, чей разум прокладывал дорогу в этот загадочный мир звёзд и планет, мы с великой признательностью вспоминаем скромного русского учёного К. Э. Циолковского — создателя первых расчётов, первых чертежей и планов освоения космического пространства.

Советские люди способны на чудеса, и об этом знает весь мир. Наш талантливый народ совершил не одно величайшее деяние. Природа наших чудес — в нас самих, в нашей силе, в непобедимой вере в то, что раз и навсегда избранный нашим народом путь движения вперёд, к коммунизму, — единственно верный путь дальнейшего развития человеческого общества.

Началом новой эры называют народы всей нашей планеты день 12 апреля 1961 года, когда космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту за 108 минут облетел вокруг земного шара. «Восток» — советский космический корабль. Первый космонавт — гражданин Союза Советских Социалистических Республик, коммунист. Это не случайное совпадение. Только наша Отчизна, где впервые в истории творческие силы народа получили безграничный простор для своего развития, где ум, чувства, воля миллионов концентрируются партией коммунистов, оказалась способной совершить то, о чём веками мечтало всё человечество.

Великий Октябрь сместил прежние понятия об исторических эпохах, заставил время течь по-новому. История вывела на орбиту советский искусственный спутник Земли. Всего несколько лет понадобилось советским людям, чтобы тщательно исследовать околоземные пространства, выявить возможности полёта

человека в космос, забросить вымпел на Луну, сфотографировать её обратную сторону, направить космический корабль в сторону планеты Венера. В Обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству полёт космического корабля «Восток» расценивается как беспримерная победа над силами природы, как величайшее завоевание науки и техники — торжество человеческого разума. В этом Обращении подчёркивается, что наша страна, опередив все другие государства, первой проложила путь в космос.

Успехами советской космонавтики положено начало величайшему штурму Вселенной. И человек, отправляющийся ныне в космос, не пассивный пассажир космического корабля, а активный исследователь и экспериментатор. Он может менять программу опытов, производимых автоматической аппаратурой, руководить астрономическими, физическими и биологическими наблюдениями и исследованиями. Изумительны и сказочны возможности современной радиотелеметрической, телевизионной и кибернетической аппаратуры, используемой в интересах космонавтики. Замечательны достижения новой науки — космической медицины, обеспечивающей жизнь человека в космосе. И нет сомнения в том, что с её помощью человек научится жить и работать в космическом пространстве. Это будет огромной победой над природой, над её биологическими закономерностями.

Ключи к глубинам мирового пространства выковал рабочий класс Советского Союза. Вдохновлённый Коммунистической партией, наш народ отдавал себе ясный отчёт в том, что только социалистическая индустриализация обеспечит стране все необходимые условия для мощного подъёма экономики, для неуклонного повышения благосостояния трудящихся. За годы Советской власти в нашей стране созданы десятки новых отраслей промышленности, организовано современное производство, без которого нет гармоничного развития тяжёлой индустрии. И в этом — решающая заслуга нашего рабочего класса, нашей технической интеллигенции, вышедшей из народа, кровно с ним связанной.

Лётчики-космонавты знают могучую силу миллионов своих собратьев по труду, близко ощущают тепло их сердец. Мы уверены в успехе космических полётов потому, что снаряжают нас в путь советские учёные, инженеры, техники и рабочие — товарищи по классу, единомышленники по партии, плечом к плечу борющиеся за претворение в жизнь идеалов коммунизма.

Когда, затаив дыхание, мы внимали сообщениям, передаваемым Юрием Гагариным с борта космического корабля «Восток», каждый из нас восторгался безукоризненной работой сложнейшей техники, созданной советским народом. Мы произносили слова глубокой признательности в адрес тех советских людей, чей разум и труд создали могучие ракеты, построили космодром, отладили массу тончайших приборов и аппаратов, которые оказались в состоянии вынести человека за пределы планеты в космос, а затем бережно доставить его в заранее намеченный район родной советской земли.

Юрию Гагарину и мне выпала великая честь совершить полёты в космическое пространство, обозреть нашу планету с высоты сотен километров. Мы сознаём, что нас воспитала Коммунистическая партия, взрастила любимая Родина. Находясь на подзвёздных орбитах, мы чувствовали себя посланцами советского народа, посланцами всего прогрессивного человечества. Да, именно человечества, ибо советские люди во главе с Коммунистической партией идут в авангарде, прокладывая путь в светлое будущее. Полёты советских космических кораблей — ярчайшее подтверждение торжества бессмертных идей марксизма-ленинизма.

Я пишу эти строки накануне исторического XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Советские люди рапортуют своей партии и правительству о новых творческих успехах. Трудятся не покладая рук и мои друзья-космонавты. Они настойчиво изучают сложную ракетную технику, проходят специальную тренировку, чтобы во всеоружии встретить все неожиданности, которые могут появиться в новых космических далях. Впереди у нас много дел. Надо многое познать, досконально изучить те области науки, которые нужны космонавту — специалисту новой, только ещё зарождающейся профессии, всесторонне подготовить себя к выполнению новых задач освоения просторов Вселенной. Такова наша боевая программа.

«Небесными братьями» назвал Никита Сергеевич Хрущёв нас с Юрием Гагариным. Да, мы друзья и братья, нас сроднило чистое небо Родины, а воспитала Коммунистическая партия и советский народ. Пока нас только двое. Но готов к полёту Космонавт Три. Готовы к новым полётам и другие друзья-космонавты. Советское «небесное братство» будет расти и умножаться. Ему по плечу новые, ещё более сложные взлёты к звёздам. Вместе со всем советским народом мы верим и знаем, что, как сказал Никита Сергеевич Хрущёв, «…Недалеко то время, когда космические корабли, управляемые человеком, проложат трассы к Луне, к

планетам солнечной системы».

Мы, космонавты, полны решимости отдать все силы советской космонавтике, служащей делу мира, делу светлого коммунистического будущего всего человечества.